

Александр Зеличенко

**ДИВЕРСАНТ
ИЗ МУРГАБА**

Сборник детективов

Бишкек 2010

УДК
ББК
3

Зеличенко Александр
3 Диверсант из Мургаба. – Б.: 2010. – 224 с.

ISBN

Уважаемый читатель!

Вы держите в руках уже второй сборник автора, пишущего в жанре мини-детектива. Это рассказы опытного сотрудника уголовного розыска, которому было некогда заниматься длительной литературной обработкой воспоминаний, но есть что сказать читателю. Прелесть рассказов в их безыскусности и простоте. Они правдивы и трогательны, именно поэтому приводятся в первоизданном виде.

В сборник включены также записанные с натуры воспоминания о друзьях-товарищах, Альма-матер – Карагандинской Высшей школе МВД СССР, лирические эссе о пережитом, о встретившихся на жизненном пути людях с интереснейшей, неповторимой судьбой...

3
ISBN

УДК
ББК

© А.Л. Зеличенко, 2010

*Маме – с любовью,
Теще – с уважением.*

Простреленная кокарда

Деревенский детектив

... Весть о том, что на одной из молочных ферм района пало сразу 67 коров, нашла начальника тамошнего уgro за многие километры – Самсон был на сессии в милицейской спецшколе. По телефону едва разобрал: «... отравили бурёнок. Поднимается кипиш»...

Три дня ушло, чтоб сдать всё досрочно и добраться до малой родины. Район, большинство населения которого составляли немцы, был полон оперативниками из области и Фрунзе, а вскоре прибыли «волкодавы» из самой Москвы: им пахло терроризмом...

Из-за столичного снобизма, приезжие с местными сыщиками не водились. И сразу ж взялись за загрансвязи работников МТФ. «Не там роют, – собрал своих Самсон, – какие тут диверсанты?! Другое здесь что-то ...» Да и яд,

чем травили животных, был явно не из ЦРУ – обычный, против мышей и крыс, какой можно было купить в любой ветеринарной аптеке.

... Поговаривали, что завфермой напропалую изменяет жене с воспитателем местного детского сада. Проверили. Оказалось, пару недель тому, устав бродить в любовном треугольнике, «голубки» расстались с диким скандалом.

Решили побеседовать с экс-любовницей. Чтоб не пугать детишек, в детсад приехали в тихий час и, проходя через раздевалку, обратили внимание на приоткрытую дверцу шкафчика с фамилией отвергнутой любовницы.

То была тумбочка ее дочки, воспитанницы того же садика. Переодеваясь для сна, девочка забыла прикрыть ящичек. Невольно заглянули вовнутрь. Среди вещей обнаружили ... правильно, сверток с остатками крысиного яда.

Рыдая, ревнивица вскоре в подробностях признавалась в «теракте»...

... Отказавшись даже от «победных» стаграммов, москвичи спешно ретировались.

Камо

О том, что в мясных рядах Ошского рынка пытаются сбить несколько туш, похищенных с мясокомбината, оперуполномоченный Суваналиев узнал вечером. Утром, при операции, подвел участковый, в результате двое подельников скрылись. Но удалось взять главаря, изъять вещественные доказательства - около трехсот килограммов мяса. По тем временам это было крупное дело.

Задержанный отзывался на кличку Камо. На допросах, как и прототип, знаменитый революционер-экспроприатор ленинской гвардии, угрюмо молчал. Не помогали хитроумные комбинации, уговоры, обещания скостить срок. Менялись следователи, методики - безрезультатно.

Назавтра из удачной московской командировки вернулся коллега. Кроме обязательной бутылки армянского "Арарата", привез друзьям дары тропиков - кило бананов, апельсины, ананас и уж совсем экзотический в наших краях волосатый кокос. Тогда, в далеком 1985-м, их можно было купить разве что в Белокаменной. Да и то по случаю.

Готовя банкет, фрукты выложили в центре стола, рядом с коньяком. О сидевшем в углу служебного кабинета Камо в наручниках, казалось, забыли. А тот, родом из нарынской глубинки, заморожено рассматривал невиданную доселе закуску...

Этот взгляд и перехватил Омурбек. И, трудно сказать, была ли то интуиция, продуманный психологизм или простая человеческая нотка, но когда того выводили, он сунул Камо в карман самый большой банан...

На утро позвонили из КПЗ: “Скотокрад” просится к Суваналиеву. “Расскажу, как все было. Но пацанов не сдам...” На следственном эксперименте Камо без особых усилий перекидывал через высоченный забор замороженные бараньи туши. Чем немало удивил бывалых следователей.

... Через много лет, в предвыборную кампанию, к кандидату в нардепы Омурбеку Суваналиеву вдруг подошел мужик и, представившись той самой революционной кличкой, пообещал поддержать его всем управляемым им крестьянским хозяйством. Между прочим, самым крупным в районе.

ДНК

Случилось это в Стокгольме много лет назад. Будоражающие кровь преступления тогда еще не стали обыденностью, описываемый случай, как теперь принято говорить, вызвал «большой общественный резонанс». И стал первым в истории шведской криминалистики.

... Пропал ребенок, девочка семи лет. Играла себе во дворе и вдруг исчезла. На ноги подняли всех, искали во дворах и подъездах, проверяли чердаки и подвалы, на всякий случай прочесали лесополосу вокруг недалекого кладбища - безрезультатно.

А через несколько дней на свалке обнаружился девичий трупик с явными признаками насилия. Подробностей лучше не знать, они ужасны. Следы спермы были повсюду, тело укутано в целлофан. С упаковки эксперты изъяли ... собачью шерсть. Во множестве.

Надо ли говорить, что на поиски маньяка, - а что это был именно маньяк, сомнений не вызывало, - поднялась вся полиция. Сотни подозреваемых, экспертиз, проверка алиби психбольных, наркоманов. Не только в столице, но и по всей стране. Зацепок не было...

Секс-маньяки, как правило, серийны. Затаив дыхание, ждали новых жертв, утренние газеты шли нарасхват. Школы усиленно охраняли, детей повсюду сопровождали, были приняты все меры предосторожности. И преступник затих. Лег на дно.

Новое дело случилось через год. На сей раз в пленку укутали тело убитой проститутки. Те же повреждения, та же собачья шерсть. Добытые улики изучались скрупулёзно и тщательно. Вычисленная по сперме группа крови подозреваемых совпадала, что косвенно подтверждало версию о маньяке. Других методов исследований в те годы не было. Следственная машина опять зашла в тупик. Сперму заморозили и до лучших времен поместили в холодильную камеру.

... Появилось учение о ДНК, её универсальности и неповторимости. Знания эти все чаще использовались и в криминалистике, в Швеции ж, однако, все присматривались...

Нужно было громкое дело, что открыло б дорогу науке. Долго искать не пришлось - по заданным параметрам компьютер выудил файл двадцатилетней давности. Было принято беспрецедентное решение - получить, причем добровольно, образцы ДНК всех, кто так или

иначе фигурировал в следственных документах. Таких были сотни, многие уехали, умерли!

Среди множества фигурантов проходил неприметный серенький мужичонка. Его всего лишь видели близ свалки, где обнаружили девочку. А потому в свое время нашли, опросили и, посчитав достаточным, благополучно забыли.

И вдруг - стопроцентное совпадение ДНК! Сразу и не поверили - уж слишком незаметной была фигура. Но со свойственным шведам педантизмом довели начатое до конца. Взяв санкцию, обыскали дом подозреваемого. Коттедж раскатали по бревнышкам, изъяз даже грязевые уплотнения между паркетинами. И именно в них нашли шерсть домашнего фокстерьера, давно отошедшего в мир иной. А еще - микроскопические кровавые вкрапления. Первая оказалась идентичной волосякам, прилипшим к целлофановым саванам несчастных жертв, вторые соответствовали их группам крови.

Суд счел улики более чем достаточными. Насильник получил пожизненное.

Остается добавить, что историю эту рассказал мне шведский полицейский Кнут Дрейер, принимавший участие в обоих этапах

операции. В рамках программы ОБСЕ он пару лет жил в Бишкеке, щедро делился опытом с коллегами-кыргызстанцами.

Простреленная кокарда

Конопля на Иссык-Куле - повсюду. Гашиш из нее отличается высоким качеством и ценой. Сегодня на заготовки выходят селами, урочища окрест закреплены за улицами, семьями. Чужих здесь не любят.

В восьмидесятых же годах прошлого века на заготовки слетались гонцы со всего бывшего Союза. Чтоб не «пахать» вручную, они придумали оригинальный способ наркозаготовок - привозили с собой подружек, накуривали и, натерев маслом, заставляли в чем мать родила носиться взад-вперед по плантации. Потом соскребали перемешанную с маслом и потом пыльцу, получая «убойный товар» - гашиш - «пластилин».

Сочетая пляжи со сбором марихуаны, наркоты жили кражами. «Бомбили» местные подворья, пансионаты, тащили утварь, скот, продукты... Милиция устраивала рейды, «чесала» заросли, проверяла дикарей. Среди задержанных заготовителей случались интереснейшие экземпляры - разыскиваемые по всей громад-

ной стране опасные преступники, дезертиры, налетчики. Часто вооруженные.

...Скрываясь в труднопроходимых облепиховых зарослях тюпских затонов, наркобанда нагнала все больше. Днем отсиживалась в шалашах, покуривала и сушила коноплю, ночью же шла на дело. Не брезговала и кражами, но в основном разбойничала. С ножом и обрезом.

В три утра место предполагаемого нахождения банды обложили тройным кольцом. На трассе окрест - усиленные наряды гаишников, ближе к прибрежным зарослям - прибывшая из Пржевальска рота патрульно-постовой службы и верховые. Проческой же занялись оперативники.

На камуфлированную палатку наткнулись уже через четверть часа. Вокруг - аккуратные снопики высушенной конопли. Все было тихо, изпод брезента раздавалось лишь сонное сопение. В расчете на внезапность опер отдернул полог...

Изнутри полыхнуло. Прикрывшись сонной девчонкой, главарь выстрелил из обреза. В упор. Заряд, спасая жизнь, приняла милицейская кокарда. Покорежив металл, дробь изодрала фуражку, лишь окровавив лоб... Перезарядиться вожак не успел - навалились, скрутили...

Взяли тогда семерых, в том числе четве-

рых рецидивистов. Кроме марихуаны, изъяли вещдоки по девяти кражам и двум разбоям. Осколок кокарды стал семейной реликвией.

Выйдя в запас, хозяин фуражки с головой окунулся в религию.

Криминальный афрокыргызстанец

...Работали по раскрытию грабежа. Компьютерных учетов еще не существовало, как не было в милиции и самих ЭВМ. Копались в альбомах с фотографиями криминалитета, ворошили картотеки ранее судимых...

Вдруг на одной из карточек мелькнуло лицо с типичными для негроидной расы чертами, но с чисто кыргызским именем и фамилией. Заинтересовался, пригляделся - точно, афроамериканец!

... Жила в городе бездетная семья молодых ученых, давно мечтавшая о ребенке. Вскоре супруги поступили в московскую аспирантуру и по случаю обследовались в лучшей столичной клинике. Надежд иметь собственных детей не осталось...

Погоревав, решили усыновить младенца. Да так, чтобы не из детдома, а новорожденного. Встали на очередь, и однажды раздался звонок из знаменитого родильного дома Гра-

уэрмана: «Отказ от ребенка. Как вы и хотели, роженица вроде бы азиатка...»

Глядь - младенчик чернявенький, быстро оформили документы. Расчет был прост: по окончании трех лет учебы вернуться домой с уже подросшим сынулей, что, дескать, родился в Москве.

... Мальчик подрастал, и стало ясно, что по крайней мере один из его биологических родителей, вернее всего отец, - представитель африканского континента. Что не помешало кыргызстанцам любить малыша как родного...

Вернулись домой. И вдруг, о чудо, женщина принялась рожать одного за другим, произведя на свет троих погодков. Врачи объяснили, что такое случается: заботы о малыше и материнская любовь способны перестроить всю репродуктивную систему.

А может, это так Провидение благодарит - кто знает?

... Лишившись монополии на заботу, старшенький невзлюбил братишек и сестренку. Может, поэтому и отец охладел к нему вскоре ...

И - началось. Еще в школе тот стал приворовывать и покуривать, остался на второй год, попал на учет в милиции. В тринадцать угнал мотоцикл - от колонии спасло лишь малолетство.

Потом - алкоголь, наркотики. В пятнадцать - условный срок за кражу, влез в форточку, стащил дефицитную радиотехнику. Еще через год - срок в воспитательной колонии.

Короче, к двадцати годам афрокыргызстанец был уже матерым «форточником». И в выборе прозвища, иль, по-блатному, «погоняла», криминалитет не заморачивался - прозвали «Эфиоп».

Вор гастролировал, отметился в Алма-Ате, Ташкенте. Отсидки шли одна за другой. К моменту нашего заочного знакомства «Эфиоп» в который уж раз мотал срок где-то в Казахстане...

Где-то теперь злополучный афрокыргызстанец? Сейчас, если жив, ему должно быть лет эдак сорок пять...

Кровники

Киргизия, Талас, начало 1980-х ...

... На ежедневном инструктаже участковый доложил, что в городе появились трое чеченцев. Братья, дескать, намерены свершить кровную месть. Когда-то, четверть века тому, местные, якобы, убили их младшего. Пришло время поквитаться.

Слышал, что где-то на Сицилии, да в от-

даленных кавказских аулах средневековая дикость эта еще случается. И Уголовный кодекс убийство из кровной мести относил к отягчающим вину обстоятельствам. Но в жизни ни с чем подобным сталкиваться не приходилось.

Установив адрес, направил туда опергруппу. Вскоре в кабинет ввели троих кавказцев, старшему - уже за пятьдесят. «Начальник, зачем же так?! Позвал бы, мы б и сами зашли. Твои опасения понятны. Не беспокойся, никого резать не будем. За нас все Всевышний решил...

Нас, чеченцев и ингушей, во время войны сюда выслали. Везли в вагонах для скота, под конвоем. В дороге погибли многие. От голода, жажды. Позора не вынесли. Но киргизы с душою встретили, чем могли - помогли. За что благодарить их будем до скончания века.

Случалось, однако, всякое. В драке местные братишку убили. Кто был прав, кто виноват теперь уж и не важно. Законы наши суровы, мстить положено. Виновником оказался единственный сын в семье. Его поначалу в горах спрятали, а потом совсем увезли, от глаз наших подальше.

Семь лет мы парня искали. А в пятьдесят седьмом семья на Кавказ вернулась, останки младшего там перезахоронили. Убийца ж до-

мой так и не воротился, на чужбине скитался. А полгода назад, через тридцать три года, на зоне от туберкулёза умер. Тело родичи привезли, в родную землю положили.

Вот мы и приехали, чтоб удостовериться. Ведь пока не отмщен, мы даже памятник братишке поставить не можем! Вчера вот на кладбище были, могилку нашли, сфотографировали. Муллу пригласили, Коран почитали. Барашка в жертву принесли, с семьей усопшего замирились. Всё, завтра домой едем...»

Проверили. Все подтвердилось...

Вендетта

На четвертом этаже МВД кабинеты наши друг против друга. Когда я сюда перебрался, сосед, по традиции, зашел, поздравил, подарил сувенирчик. Мирный, приветливый такой эксперт-химик, майор милиции Эсенгул Бейшебаев.

Однажды, в пахнувший скорым снегом пасмурный денёк заметил, как, морщась от боли, массирует он руку. На немой вопрос отделался коротко: ранена, мол, вот и ноет на непогоду. Но я не отставал, и услышал такую историю.

«В Джеты-Огузе, где я тогда служил, семейство это хорошо знали. Сваты, они ссори-

лись и судились давно. Год назад от одного из братьев Желекбаевых ушла жена, ее отец прилюдно оскорбил зятя, заявив, что тот «ни на что не годен». Каково! Тот болел сильно, а через три дня скончался. Похоронили, но поползли слухи - отравили, мол. И пошла писать губерния! Трижды, хоть в книгу Гиннеса заноси, проводили мы эксгумацию - чисто. Но жалобщики не унимались.

Пришел как-то братишка покойного навеселе, а мать, что тоже трезвостью не отличалась, давай его пилить: «Все пьешь, а брат старший в земле гниет не отмщенным. Сделай же что-нибудь, ты ж мужчина!». Прямо как в Палермо! Взял тот родовую двустволку, принял еще стакан и пошел на вендетту...

Младшего соседского отпрыска завалил в упор на пороге родного дома. Старшего нашел за селом, застрелил на глазах у матери. Взялся искать главу семейства, свата.

Тут уж мы в село прибыли. Я в желекбаевском доме в засаду сел, коллеги вокруг рышут. Убийце еще самогона понадобилось, зашел он во двор. А из громкоговорителя - сдавайся, мол, окружен. В ответ - дуплет! Ну тут уж и я из автомата очередь дал...

Раненый, Желекбаев ещё больше озве-

рел. Зная свою территорию, бесшумно обошел меня, выскочив откуда-то сбоку, и - картечью, почти в упор...

Спас бронезилет. Часть свинца все ж застряла в руке. Полгода я ею даже пошевелить не мог. Потом ничего, отошла. На холод вот только дает знать. Но из угро списали. Теперь вот в экспертах...»

Добавлю - в лучших экспертах.

Банда

... В 1991-ом, завершив упорную комбинацию, с грузом наркотиков взяли рецидивиста Лыкова. Опыт подсказывал: за ним есть что-то еще... Кропотливо взялись за дело. Добытое подтверждало, что марихуана была лишь малой толикой преступного промысла «Лыкова и Компании».

Расследование выяснило, что за год до описываемых событий тот создал банду из ранее судимых. Её отличала обширная география: воровали в Бишкеке, Канте, Токмаке, разбойничали в Казахстане. Но больше всех досталось Караколу - вотчине Лыкова. Брали все - от французской монеты червонного золота 1875 года чеканки и серебряных ча-

сов «Павел Буре - поставщик двора Его Величества» стоимостью в десятки тысяч долларов до женских гигиенических тампонов и пачки лезвий для бритвы. Солидное обвинительное заключение заняло 87 страниц.

Главным в нем было жестокое убийство.

... Лыков с Якубовым из двух украденных ружей соорудили обрезы и хранили в тайнике в подвале многоквартирного дома. Знать бы поделнику, против кого обернутся стволы!

Являясь «каптёрщиком», тот, якобы, присваивал общаковское. За что Лыков и Красных решили расчитаться. Зная слабость Якубова к золоту, главарь «проговорился», что, умыкнув как-то в одиночку старинные украшения, припрятал их в горах и ищет покупателя. Абдрасул вызвался посмотреть товар. Вечером добрались до Теплоключенки, раздобыли лопату, поднялись в горы и заночевали в чабанском домике.

Утром, на безлюдье, Лыков спокойно собрал обрез, сказав, что заприметил поблизости лису и намерен поохотиться. Когда Якубов повернулся, выстрелил ему в спину. Красных добил из второго ствола. Труп закопали, не забыв обыскать. Орудия преступления и документы выбросили в реку.

За умелые действия и профессионализм, проявленные при разоблачении банды в далеком теперь 1992-м, министр внутренних дел поощрил начальника отдела по борьбе с наркобизнесом Бишкека полковника милиции Владимира Николенко, его заместителя Виталия Додиса, оперуполномоченных Вадима Шоева и Юрия Цейтлина.

Мазурик из поднебесья

...Чолпон-Ату считают курортной столицей Иссык-Куля. Справедливости ради отметим - его северного побережья. На южном же таковой является Тамга. Большое уютное село с военным санаторием. В старые добрые времена здесь отдыхали космонавты, поправляли здоровье генералы, набирались сил крупные государственные мужи. Для их удобства даже аэропорт соорудили.

... С некоторых пор село лихорадили кражи. Серийные. Обнаглев, один и тот же санаторский номер воры чистили дважды, а то и трижды. Доставалось и милиции: грабили-то «небожителей», шум поднимать те умели... Множество отработанных версий, десятки подозрева-

емых, но, несмотря на контроль республиканского МВД, преступления продолжались.

...Снова кража, через окно. Взяли магнитофон, кольцо, деньги, прихватили импортное спиртное. И - никаких следов. Опергруппу возглавил заместитель начальника Джеты-Огузского РОВД майор Асылбек Салиев. В который уж раз взялись за ранее судимых. И постепенно подоברались к Фокину: задатки дешевого «авторитета», самогон, наркотики...

Допрос длился до поздней ночи, напряжение нарастало. Казалось, Фокин вот-вот расколется, но в последний момент тот лисой вновь и вновь уходил от ответа. И все же его «сломали»: нашелся свидетель, безошибочно опознавший в рецидивисте продавца украденного магнитофона. Путая след, тот в выходные пытался продать портативный «Panasonic» на людном базаре областного центра.

Так уж сложилось, что изымать похищенное пришлось глубокой ночью. Преступник хитер, краденое прятал... в кабине башенного крана, на котором работал. Туда и поднялись ребята, обнаружив под сиденьем целый склад ворованого.

Протокол изъятия, подписи понятых... Фокин держался спокойно, опера устали, успех

притупил бдительность. Вдруг злоумышленник рванул к парапету, пытаясь броситься вниз, на рельсы, с тридцатиметровой высоты!

Что двигало им - сам Фокин потом объяснить не мог. И туго пришлось бы моим коллегам, будь на месте одного из понятых, работника санатория Р. Мухамеджанова, кто-то другой...

Перехватив воровскую руку, Рашид скрутил ее приёмом. Мазурик взвыл в бессильной ярости, желанье делать глупости пропало. И все ж пришлось его связать и спускать прямо-таки на руках.

... Я поинтересовался, откуда у человека мирной профессии мгновенная реакция, автоматизм движений. Оказалось, в прошлом завклубом - десантник, старшина роты.

В уголовном розыске скупы на похвалу. В данном случае мы делаем Рашиду исключение.

Бунт

Парторгом нашим в Академии МВД СССР в Москве был Виктор Рудаков. Начальник милиции с Белгородчины, заводила и весельчак, хороший организатор. На праздниках, при параде он выделялся орденом Трудового Крас-

ного знамени. Боевые награды в милиции - не редкость. А тут - трудовая...

«В городе нашем возводили крупнейший в стране горнорудный комбинат. Всесоюзная комсомольская стройка... Как водится, начали с жилья, на въезде и выезде подняли две типовые девятиэтажки.

В одной поселили спецов из соцлагеря - болгар, румын, кубинцев, поляков. Кроме положенных бытовых условий, в общежитском буфете всегда было свежее пиво в ассортименте - благо по тем временам великое. И закусок всяких хватало. Здание постоянно подкрашивалось-подбеливалось, ремонтировалось. За этим строго следили.

В другой жили свои, строители из СССР, в основном - из Средней Азии, кавказцы. Не то что пиво, вода холодная была редкостью! О горячей и не мечтали... Все сыпалось-рушилось, требовало ремонта. Постояльцы грозили громить иностранцев, жаловались - безрезультатно.

...Лето было столь жарким, что обмелел даже полноводный обычно Воронеж. «Советская» общага давно сидела без воды, иностранцам ж ее хватало. Вроде б не наше дело, но ГОВД проинформировал инстанции о настроениях рабочих, деликатно подсказав: об-

ратите внимание! И участковому приглядывать приказал. Как оказалось, не зря...

После обеда в выходной затопил баню на даче. Только поддал парку - в предбаннике вопит рация: «Толпа идет к центру, грозит сжечь иностранцев...» Прыгнув в «Волгу», погнал в город...

Радио - своё: «Толпа прирастает зеваками, возбуждена. Разгромила пивной ларек, вино-водочный магазин. Направил наряды, объявлена тревога...» А до города еще километров сорок. Не успею, побьют!!! Командую в эфир, а сам думаю, думаю...

И пришло таки озарение. В горотделе тогда ремонт шел, а недалеко стоял гаишный вертолёт. Два этих разрозненных факта вдруг как-то в голове соединились, и приказал я дежурному... слить в бадью для замеса раствора всю краску со стройки и загрузить ее на борт. «Не понял!» - кричит. Ну я ему по свойски и объяснил. Говорят, даже в области слышали...

Толпа, сметая хилые заслоны, меж тем уже к цели подходит. Тут и я к «вертушке» успел. От винта! На бегу скоординировал только, чтоб оцепили общагу, все силы, и даже пожарных, туда перебросили.

...Над толпой зависли как можно ниже. Рёв винта напугал, а потом... Вдвоем с гаишником, напрягшись, вылили содержимое бадьи прямо на головы бунтовщиков - чуть «тара» из рук не вырвалась! Распылившись, мельчайшая взвесь окутала разгоряченных людей. И толпа стала серо-буро-малиновой ...

Вымазанные с ног до головы в краску, люди случайные сразу ж ушли. Смекнув, что теперь их легче искать, слиняли и сотни других. С оставшимися ж мы справились, погромов не допустили. Потом уж задержали зачинщиков...

... Спустившись на землю и чуть придя в себя, уловил удивленные взгляды. Ба, да я ж в одних трусах! Хорошо, что хоть их натянуть успел! Так, «в семейных», три часа операцией и руководил...

... Известно: «Пока гром не грянет, мужик не перекрестится» - через месяц СССРовскую общагу отремонтировали. И воду дали, и снабжение наладили. Меня вот орденом наградили. За находчивость. Боевым за такое вроде как неудобно...

Сестринская честь

... Было так холодно, что замерзли даже трупные черви. И без эксперта ясно: тело хозяина дома пролежало на веранде не менее месяца.

Об убийстве уверенно свидетельствовал раскроенный череп и валявшееся рядом «орудие» преступления – тяжелая хрустальная ваза. Опергруппа прибыла по вызову соседей – живший бобылём Сатвалды давно не показывался на людях...

Начали с подворного обхода, опроса родственников. Абдиев смолоду жил на Иссык-Куле. Последние несколько лет руководил крупным винзаводом, в родные края вернулся уже пенсионером. Купил немецкий дом, с баней, многочисленными хозпостройками. Скотину в отличие от старожилков не держал, увлекался охотой.

Семьи у убитого не было, многочисленная таласская родня от него отвыкла. Потому и жил одиноко - раз в неделю заходила племянница – убрать, приготовить... Чего же в последний месяц ни разу не приходила?!

Обстоятельство это насторожило сыска-

рей. «Не здоровилось», - пояснила Асель. Проверили, отстали. Одна за другой отпали версии об ограблении, хулиганстве, прежних разборках.

Меж тем просочилось: нездоровье Аселино вызвано...криминальным абортom. Поговаривали, ездила девчонка куда-то далеко, к деревенской повитухе. Барышня на эту тему говорить категорически отказывалась, молчало и ближайшее окружение.

Заподозрили инцест. Учитывая дружбу девушки с родным братом, что недавно призвался в армию, решили отозвать его из воинской части – вдруг прольет свет, чем-то поможет следствию...

Прокурорское обращение сработало – в виде исключения солдат получил краткосрочный отпуск. Отнекивался недолго: «Обосновавшись в Таласе, дядька сразу на шестнадцатилетнюю Асель глаз положил. Попросил отца, чтоб приходила, помогала. Отзывчивая, та с радостью согласилась. В первый же приход старик ее изнасиловал. Сестренка вся извелась, но сказать не смела – дело семейное, что люди подумают?!

Насилие продолжалось полгода. Аборт делать пришлось, сестренка кровью вся истекла,

чуть Богу душу не отдала. Я с ней был, все видел. Тогда она мне все и рассказала...

Пошел к старику. А тот – издеваться, нищими нас обозвал, за деньги она, говорит, отдавалась. Вскипел я, взорвался, схватил попавшуюся под руки вазу, и ...

Повестка в армию уж в кармане лежала. Думал, забудется. Ан нет, каждую ночь покойник снится. Вот душу облегчил, может теперь отстанет...»

...Официально преступление это по сей день значит не раскрытым.

Стервятник

«Что-о!? В работе нашей романтики не хватает?! То ли дело уголовный розыск?! Да ну-у-у!» - завелся как-то главный антикоррупционер страны Манас Акматбеков.

«Снимаем информацию, что, проверяя птичью отрасль, ревизор оценил собранную компру в пятнадцать тысяч баксов. «Главный птичник», остерегаясь решётки, согласился. Расчет проведут завтра, на уткоферме.

Технично так закидываем птичнику, что, дескать, «обувают» его, компроматериалы того

не стоят. Весь в сомнениях, он соглашается и пишет заявление. Теперь нужны вещдоки, т.е. купюры.

Это - всегда проблема, спецфонда у нас нет. Чтоб взять с поличным, опера пускают шапку по кругу, одалживают у родственников, друзей, знакомых бизнесменов. На сей раз перед банком ходатайствовал лично начальник Главка. Деньги ж под расписку взял я.

Во дворе инкубатора, где должна пройти сделка, ставим неприметный фургон с надписью «Яйца» - в таких во Фрунзе развозили продукцию по фирменным магазинам. Там еще затемно разместилась возглавляемая мной группа захвата. Ждем...

Фигурант появился точно в назначенный срок. Но подношения сразу не взял, потребовал коньяку. И закуски. Потом - ещё, ещё... Взяткодатель и сам в раж вошёл, предложил «гостю» сауну, что здесь же, на территории. И птичниц туда зазвал...

На дворе - февраль, холодина! Сидим в жестяном фургоне - сосульки сосульками, 5 часов пошевелиться боялись. Один наш потом с воспалением легких слёг. Меня пронесло - азарт грел! И еще - спиртное, что исключи-

тельно в медицинских целях из горла молча пускали по кругу. Но не хмелели.

Наконец - долгожданный сигнал! С оружием наперевес - в кабинет, там - трое, один не запланированный. Ревизор, что в лицо меня знал, в истерике на пол упал. Пакет с мечеными долларами при нём нашли. Открыл, считаю - в миг про холод забыл, в жар бросило: в конверте лишь 8 тыщ ! «Остальные!!!» - реву, я ж под расписку вещдоки брал, во век не рассчитаться! Оказалось, третий, посредник, семь себе брал и успел под сейф несгораемый сунуть...

От страха это как-то у него получилось. Меж полом и дном даже просвета не было, пальца не всунуть! Машина железная, довоенная еще, с песочной прокладкой - не сдвинуть! Всех увезли, я ж в кабинете остался, сейф охранял. Утром кой-как отжали его ломами...»

Виновные получили по всей строгости.

Сыскная миниатюра

... Разыскником Вишняков слыл удачливым. Случалось до пяти задержаний в сутки! Мотался на своем выдавшем виды милицейском «Урале» и днем, и ночью, себя не жалел. Возил в наручниках на такси, за зарплату. Фанат!

Однажды задержал алиментщика, пять лет уклонявшегося от содержания детей. Трижды с тех пор женатый, тот и забыл уж о первенцах. А потому, увидев угрюмого опера, решил «колоться» всерьёз. Пока ехали, поведал об убийстве, а вскоре и место, где труп зарыл, показал.

Узнав, что поймали за алименты, ... спятил. По-настоящему. Суд откладывали много раз, всё вылечить пытались. Но «алиментщик» так и сгинул в психушке...

«Тропиловый эквивалент»

Летом 1999-го республика отражала боевиков на южных рубежах. О тех событиях написано немало, но быстротекущее время еще высветит массу свидетельств тех дней. И поименно воздаст павшим.

Вечная им память. Но жертв было бы много больше, если б не одна милицейская операция...

... Геологи в тех богом забытых безлюдных местах бродили издавна. Здесь их любили, почитали. Пожалуй, на них одних и не распространялась поговорка, что в переводе с кыргызского звучит примерно так: «Без крайней нужды что тебя в Зардалы занесло?!»

Чтоб не возиться со скарбом, по окончании сезона искатели обычно складировали остатки в одних только им известных местах. Значок на карте в таких случаях мог означать и законсервированную на зиму буровую установку, и провиант, и оборудование.

В нашем случае она означала ... взрывчатку. Аммонит, сверхмощный граммелит, всего около двух тонн. Закупоренных в штольне в Алтын-Жылга, и ставших манком для бандитов.

Медлить было нельзя. Из резерва вызвались семеро добровольцев во главе с Таалайбеком Торогельдиевым. Детально проинструктированные, офицеры двинулись засветло. Шли осторожно, с разведкой. За каждым кустом боевик мерещился. Вот и заветная пещера...

Преобразившись в саперов, милиционеры расконсервировали штольню, вручную вынесли весь смертоносный груз. И сердце ёкало потом на каждой ухабе, и горные серпантины казались бесконечными... Сдав взрыв-

чатку, уже в Оше узнали смельчаки, что выбрались под самым носом у боевиков...

Весь мир тогда следил за освобождением японских геологов, что вместе с нашими исследовали недра в тех горах и стали заложниками. Их судьбы решались как на высшем уровне, так и «народной дипломатией», мусульманскими лидерами. Пока ж суд да дело, захваченных усиленно стерегли в утлом домишке на плато, как раз над злополучной штольной.

Их разделяли лишь 500 метров по вертикали...

Трюкач

В 1987-м республика с лихвой сдала шерсть. Расщедрившись, власти разрешили сельчанам сбыть излишки заготконторам. Так в одной нарынской семье скопились деньги, достаточные для вожделенного «Москвича»...

Чтоб получить машину, надо было либо всю жизнь простоять в очереди, либо брать блу. Был и еще способ: передовикам и активным сдатчикам сельхозпродукции «масло-вые» легковушки отпускались вне очереди. Их перепродавали, а чтоб избежать статьи за спекуляцию, официально платился номинал, остальное - «шапкой».

Собрав семейный совет, в столицу с шестью тысячами рублей (огромные по тем временам деньги!) отправился старший из сыновей: главное, в технике разбирается - абы что, значит, не купит. И - т-с-с!

Во Фрунзе приезжий посвятил в планы племянника. По-городскому напористый и шустрый, тот взялся сопровождать в поисках.

... «Передовики» ломили. Пришлось толкаться на авторынке. В отличие от нынешних, рынки эти были, мягко говоря, победнее. Три-четыре видавших виды мотоцикла, парочка горделивых, не подступиться, «Жигулей», выработавшие ресурс «УАЗы», горбатые «Запорожцы» и доходяги-«Москвичи» - вот и весь выбор. Зевак же всегда толпилось великое множество...

Укутав деньги на теле, сельчанин долго присматривался. Сопровождающий походил-походил, да пошел пивка хлебнуть. Потолкавшись, покупатель тоже направился к выходу. Вдруг - двое. Налетели, сорвали шапку, и - наутёк. «Ми-ли-ци-я!» Какое там!

Наперерез бросился откуда ни возьмись взявшийся родственник. Попытался остановить - отбросили как щенка. Тогда племяш выхватил нож... Раненый рухнул в снег... Расплылась

кровь... Толпа отхлынула, родственники - врассыпную. Встретившись, как водится, напились...

Назавтра приезжий страдал похмельем и переживаньями. К обеду пришел племянник: «Всё, хана. Того, что прирезал - в больнице, при смерти. А брат его - в прокуратуре, следователь. Нраву крутого, сгноить грозитя. Едва нашел подходы. Обещали помочь...»

«Помощь» обошлась ровно в шесть тысяч - по три потерпевшему и прокурору. Посыпав голову пеплом, сельчанин отбыл восвояси.

... Информация о столь тонком, первом в наших краях, мошенничестве, попала к молодому оперуполномоченному Диме Федорову. Взял азарт - в одиночку задержал и расколол подозреваемого. Поведал тот, как задумал поживиться красиво!

«Могли б и тупо ограбить, но я шикарно придумал. Друзей подговорил, по полтыщи дал. Пять штук себе забрал - гонорар! Где научился? В Крыму служил. Раз в Ялте пошел в увольнение, на киностудию забрел. Там боевик какой-то снимали. Видел, как каскадеру «кровяну пустили». Пригодилось! Кент пакет с кровью бараньей на живот привязал, ну я и «пырнул» его ...

... Суд изящности совершенного не учел. Мошенник получил по заслугам.

Некрофил

По резонансу и масштабу эпопею эту сравнить можно разве что с чикатиловской. 28 лет его ловила милиция Бишкека и Чуйской долины. Десятки раз сюда из Москвы прибывали суперсыщики, специалисты по нечисти - монстрам, маньякам, людоедам... За «нерасторопность и не оперативность» летели с плеч погоны и звезды. Ночами, укрываясь за кладбищенскими крестами, просиживали в засадах оперативники. Проклятый некрофил все не давался...

Михаила Ивановича Лукьянова взяли 8 октября 1995 года сотрудники Кеминского РОВД. Низкорослый, неказистый, тщедушный. Искали же могучего бугая, что в одиночку раскапывал могилы, извлекал женские трупы и вступал с ними в половые контакты. Лукьянов запирался недолго, а когда криминалисты подтвердили, что изъяты у него штыковая лопата, обувь, фуфайка испачканы глиной с развороченной могилы захороненной двумя днями раньше В., задержанный заговорил. Путано, перескакивая во времени, второпях. Будто стремился облегчить душу, выложить злую память.

...Родился и вырос в Бишкеке. На северной окраине в небольшом отцовском домишке и сегодня живут две сестры, которым любил носить подарки. Мальчишке исполнилось десять, когда из семьи ушел отец. Мать привела отчима, на 18 лет младше себя. Тот пил, избивал домочадцев. В кошмаре шли годы...

«Как-то наскочил на «родителя», что пьяный уснул неподалеку. Будить не стал. Решил убить. Нашел тяжелую плиту, подтащил к мертвецки пьяному. Отнять жизнь оказалось нелегко, целых полпачки выкурил, все ждал - вдруг проснется. А потом разом опустил глыбу на голову... Сунул тело в арык, присыпал мусором. Утром коров мимо гнали, те учуяли. По малолетке дали червонец, отсидел восемь. Амнистия, освобожден в 86-м.

В пять лет заболел менингитом. Отнялась правая сторона, врачи восстановили, но с тех пор - левша. Бродяжничал. Безумно тянуло к свалкам, на кладбища. Мастеровой на все руки - сантехник, столяр, электрик, в моторах волоку. Мог бы шабашкой безбедно жить. Да на одном месте не вмоготу - собирал остатки хлеба на могилках, рылся в помойках.

Однажды году в 66-67-м на погосте в Ново-Павловке, прочтя на табличке женское имя, вдруг ощутил прилив мужской силы.

Раскопал годичной давности могилу, вскрыл домовину. Там - мумия, прикрытая остатками одежды, даже запаха не было. Все ж сделал несколько «классических» движений, но удовольствия не получил. Бросил, решил найти посвежее. Не помню где, но как-то набрел на свежую оградку. Судя по надписи, девушку похоронили полмесяца назад. Пришел ночью, отрыл, вскрыл крышку. Дотронулся до груди, вдохнул смрад. Дико возбуждился, да так, что влез прямо в гроб, и... Дальше - отвращение до рвоты, убежал. И так потом всегда было, кончу - и бегом. А вот когда рою, прилив чувствую, копаю с остервенением. Бывало, прутья на ограде гнул. Откуда это?

Все эти годы я нормально жил с женщинами-бродяжками. Но уже с девятнадцати была одна, постоянная, что принимала после походов, стригла, обмывала. С женой в постели хорошо. Она «теплая». У нас дочь есть...

Обычно оргазм бывал прямо в яме, едва приоткрою гроб, чтоб пролезть можно было. Если трупик легкий, тащил наверх. В последний раз в Орловке поддел ломиком крышку, только до груди дотянулся - тут сверху земля поползла. Завалило по колено. Выбрался, гляжу - памятник едет, да как рухнет на темечко! В Бога не верую, но тут решил - знак это.

Сразу ушел, потом онанировал. Наутро, когда одежду отстирывал, меня и взяли.

Часто намеревался вздернуться или утопиться. Каждый раз удерживало что-то. Ухожу «в поход» и веревку с собой беру. Все, думаю, вот спущусь вниз, в тартарары, и петлю на шею. Чтоб никто ничего не узнал, и не искали чтоб...»

Следствие уличило Лукьянова в 46 фактах надругательства над могилами. В Киргизии, соседнем Казахстане, в Омской, Новосибирской областях России, куда монстр этот выезжал на заработки. Экспертиза признала его вменяемым.

Получив 10 лет строгого режима, Лукьянов провел за решеткой полгода, окруженный призраком и жестокостью. Не выдержав, покончил с собой. Узнав об этом из бесстрастной оперсводки, я вспомнил о беседе с некрофилом в Кемине, в следственном кабинете. Что тогда испытал? Жалость, отвращение, недоумение? Впечатление, будто встречался с инопланетянином, существом ниоткуда. Вот и сейчас не отделаться от трупного, могильного запаха, что, казалось, исходил тогда от его поджарой фигуры. А вот ни цвета глаз, ни их выражения не запомнил. Пустота и холод...

Греческий заложник

Случившуюся в 1998-м историю эту невероятную рассказал коллега-инструктор, подполковник греческой полиции и непосредственный участник событий Георгиос Покас, с которым накрепко связали нас два миротворческих балканских года. По его утверждению, в Греции это был первый подобный случай...

... Начальника криминальной бригады полицейской префектуры майора Покаса телефон поднял примерно в пять утра. Свершился разбой, неизвестный напал на владельца прибрежного ночного ресторана, что рано утром вывозил немалую выручку. Несмотря на наведенный ствол, бизнесмен умудрился расшвырять наличку. За что и поплатился: преступник в сердцах тяжело ранил его из сорок пятого калибра. После серии операций, ампутации ноги, потерпевший почти через год скончался от тромба кровеносной артерии.

Но выстрелы те оказались роковыми и для налетчика. Их слышал живший неподалеку старик. На него-то и наткнулся майор сотоварищи, отрабатывая округу. Сын старика знал еще больше: он возвращался с дискотеки, когда на опушке оливковой рощицы заметил ма-

шину с одиноким водителем. Ему еще это тогда показалось странным: мужик в уединенном месте, без девушки? А вскоре раздались выстрелы, к «БМВ» метнулась чья-то тень, и авто рвануло с места. Парень смог обрисовать автомобиль, особенно запомнив характерную раскраску бампера.

«Шеф, я, кажется, знаю эту машину» - сказал оперативник из местных, - ее водит рецидивист Панаётис, что только пару недель как освобожден. Семь лет за решеткой. В последний раз украл он тяжелый золотой крест из монастыря окрест. Я сам его сажал». Вот это удача!

Не сразу, нашли Панаётиса. Тот, как водится, поначалу все отрицал. Ночевал, дескать, у девчонки в соседнем городе, она подтвердит. Добирался туда на собственной машине. Да, бампер раскрашен. А что, нельзя!? «Ловушки» бывалый вор не заметил - машину-то легко опознают, а угон не заявлен...

Майор наезжал по полной программе: «Так, преступление я, главное, раскрыл. Знаю, стрелял не ты, ты - за водителя. Собираешься отвечать сам - дело твое. С твоим прошлым получишь пожизненное заключение. Поможешь - зачтется. Сам ходатайствовать буду». Тут, как нельзя кстати, позвонил прослышавший об успехе окружной прокурор, с которым связы-

вала многолетняя совместная работа. По тону беседы распознав «дружескую ногу», Панаётис решил колотиться. «А что, я за него сидеть буду, что ли!? Да еще и до смерти самой... Зачем стрелял, ведь договорились лишь попутать трактирщика?! Крутой, да! Василиос это, мы с ним последний срок вместе мотали, но освободился он много раньше. Сам меня нашел, ствол показывал. На испуг взять обещал, чтоб без крови. Я его после в Афины отвез, договорились, что добычу поделим, как все успокоится. Адреса не знаю, но показать - покажу...»

Начал готовить группу захвата. Пришел сам директор департамента, выслушал, пожелал удачи. Ребята с Панаётисом уехали, Покас сел за рапорт, запросы. Думалось - все, раскрыли, конец. Оказалось - только начало...

По легенде Панаётис должен был позвонить и потребовать немедленного раздела денег. Обстоятельства, мол, изменились, не могу ждать, хочу уехать на время из страны. За единственным подъездом дома, куда накануне вошел разыскиваемый, наблюдали.

Позвонил из телефонной будки неподалеку. Василиос, казалось, поверил: «Где ты? Сейчас спущусь...» Но, - заблокированный подъезд оказался проходным, - вышел совсем из другого дома, почти в ста метрах. А потому имел воз-

можность осмотреться. И распознать засаду.

Но и его заметили. Поняв, что раскрыты, опера рванули на задержание. Суббота, полдень, центр, полно людей. А рецидивист, молниеносно выхватив гранату, рванул чеку... Дальше все, как в замедленной киносъемке: сыщики притормаживают, народ - в рассыпную, преступник же свободной рукой прижимает к себе женщину с коляской! Заложники...

Дальше, под четырьмя взведенными пистолетами, бандит хладнокровно требует машину. И, - а что оставалось делать, - получает таки полицейский «Мерседес». С одной оговоркой: отпустив потерявшую сознание жертву, берет с собой спеленатого по рукам и ногам полицейского. Виртуоз, одной рукой в час пик он ведет авто, другую же, с лимонкой, постоянно держит в расстегнутом гольфике жертвы. Наслышавшись, что при захвате полицейские накрывают взрывное устройство специальным металлическим коробом, гангстер таким вот оригинальным способом намеревался им воспрепятствовать...

К тому моменту наш криминалист знал уже, что разыскиваемый и не грек даже, а - румын. В Элладе живет семнадцать лет, судим неоднократно, в последний раз - за дерзкую попытку ограбить банк. «Наследил» по

всем Балканам, разыскивается Интерполом... Узнав о заложнике, коллеги, что брали его в последний раз, в один голос заявили: «Чуть что - рванет. Не задумываясь». Того же мнения был и персонал тюрьмы...

«Мерс» блокировали за городом. Трассу опутали посты, неотлучно дежурили снайперы, в небе завис вертолет с прожектором. Но несмотря на все заслоны, местность была полна журналистами. Еще бы: даже не многочисленные переговоры открытым текстом, а настоящий радио рёв раздавался уже за семьдесят километров до Афин! Чтоб пропустить такое, «пишуще-снимающая братия» должна была бы быть абсолютно слепой и глухой!

Прибыв, Покас первым увидел Панаётиса за рулем ... полицейской машины! Во всеобщей суматохе на это никто не обращал внимания! Полагаясь только на интуицию, майор вступил в переговоры. Предложение о размене заложника, у которого лишь пару недель родилась дочка, румын выслушал молча. «Кто в обмен?» «Я»... «Слыхал о тебе, начальник. Панаётиса небось ты расколол?! Сочтемся с ним. О'кей, для начала надень-ка наручники...» Тут подал голос подчиненный: «Шеф, не дури. Я справлюсь. Думаю, придется нас сейчас отпустить. Скажи там генералам, вы-

хода нет. Не дай Бог, еще стрелять начнут...».

Начальства всех рангов вокруг действительно собралось достаточно. Обсуждали штурм, снайперский выстрел. Предложение «свернуть» операцию встретили праведным гневом - о фиаско греческих пинкертонов завтра узнают все Балканы! О заложнике, казалось, забыли... Выручил окружной прокурор. Взяв ответственность на себе, он позвонил министру, что был в тот момент за границей. Выслушав обстановку, Первый распорядился «осаду снять». И, во избежание жертв, машину с заложником не преследовать.

Надо ли говорить, что всех силовиков перевели на казарму? «Рыли землю», но заложник дал знать о себе только через день. Позвонил, и попросил ... забрать из оружейной мастерской его пистолет... «Шеф, это - сигнал: я знаю, где он обычно оружие ремонтирует», - сказал напарник-сержант. Прочесывая подвалы окрест, в дальнем углу нашли обезноженного коллегу. К счастью, живого. «Стокгольмский синдром», шеф. Между нами что-то вроде понимания возникло. Позвонить разрешил, я сказал, что если моя «Беретта» потеряется, под суд пойду. А сам сигнал вам дал. Молодцы, догадались...». Румыну ж опять по-

везло: уйдя за съестным, почувал опасность. И - не вернулся...

Прошла неделя. Страсти поостыли, патрули на улицах поредели. Начались «поиски крайнего»: как допустили такое в центре столицы!? Как вдруг - звонок из тюрьмы. От Панаётиса: «Начальник, не хватало, чтоб пришелец у нас в Греции хозяйничал! Я его и отсюда нашел. Говорить только с тобой буду». При встрече «патриот» достаточно подробно нарисовал план мансарды-лежбища в районе трамвайного кольца. Провели разведку - все сходилось...

Спецназ, казалось, подкрался бесшумно. Но чутье и тут не подвело «зверя»: в последнюю минуту он влез в мусоропровод и через пару минут оказался в квартире этажом ниже. Здесь за обеденным столом собралась семья - девушка, впервые пригласившая домой жениха, ее мама и братишка-инвалид. Опять - взведенная и спрятанная под невестинной юбкой лимонка, опять - заложники. И - многочисленные телекамеры...

После коротких переговоров пожилая женщина выкатила из квартиры инвалидное кресло, повинувшись требованиям, туда передали видеокамеры. Румын сообщил, что готов выпустить и оставшихся, если в обмен ему

привезут того самого полицейского, что уже был в заложниках. Действительно, «Стокгольмский синдром» ... Вскоре он запросил наркотики, в ожидании истязал жертвы. Их многократно усиленные микрофонами стоны слышались по всей Греции. Шел «прямой эфир», в полицию и на студию звонили десятки возмущенных людей. Начался штурм...

... Невесту гранатой разорвало. Жених выжил, тяжело раненный террорист скончался через несколько дней, так и не придя в сознание. Панаётису, как обещали, зачлось. Опять же не без вмешательства окружного прокурора, срок он получил минимальный. И вскоре был уже на свободе, уехав «промышлять» за границу...

Баскин Робинс с Женевского озера

АГРЕССОР

«Заккрытие» года в милиции - время особое. Подбиваются результаты, подгоняется статистика. Особое внимание - раскрытию преступлений. Выделяются перспективные, разрабатываются версии, создаются и укрепляются опергруппы - идет бой за процент!

Проблема проблем - «глухари». За двенадцать месяцев их скапливается немало. Бесперспективные, они сильно снижают показатели раскрываемости. Кое-какие пытаются прекратить, для чего Закон предусматривает жесткие основания. И, поскольку «не установленные лица, подлежащего привлечению к уголовной ответственности», к ним явно не относятся, идут на различные хитрости. Так было и 30 лет назад...

...В 1978-м начальство беспокоил Кант. По-

казатели здесь были ни к черту, и в помощь местным направили ассов столичных. Как водится, провели совещание, раздали задания, худо-бедно закрепили транспорт. Работа закипела!

Замначу РОВД с прикомандированным досталась престарелая кража. «Висела» еще с весны, больше полугода. «Хотите - раскройте, хотите - прекращайте. С живых не слезу», - напутствовал Шеф...

В районе располагалось училище, где готовились военные летчики для развивающихся стран так называемой народной, лояльной к СССР, демократии: африканской, латиноамериканской, восточноевропейской. Кант по праву гордился, что здесь ставили на крыло трёх будущих президентов государств «сброшившей оковы колониализма» Африки...

У курсантов водились деньжата, диковинные шмотки, экзотические напитки и сигареты. Вокруг всегда крутились путаны. Развлекаясь на берегу канала, «голубки» - потерпевший с подругой - полезли купаться. А выйдя из воды, остались в чем мать родила - вещи исчезли. Сомалиец может и не стал бы шум поднимать, но пропали личные документы...

В те годы это считалось ЧП: пострадал-то ведь иностранец, да возможно еще и будущий главнокомандующий! А потому рыли всерьез, проверили связи проститутки, ею самую до седьмого колена. Окрестных алкашей, бомжей, наркоманов, судимых. Все без толку! Отработав имеющиеся версии, пропустив сквозь милицейское сито сотни потенциальных подозреваемых и получив за это выговора «за неприятие мер к раскрытию опасного правонарушения», сыскари до поры до времени забросили дело в дальний угол.

... С чего-то надо было начинать. Чтоб в сотый раз опросить потерпевшего, поехали в училище. Здесь выяснилось, что месяц назад сомалийца ... выслали из страны. «Вы что, газет не читаете?! - грозно уставился замполит. Страна эта вероломно напала на дружественную нам Эфиопию! Всю военщину депортировали...»

Вот те на! «Висяк», выходит, вообще терял перспективу хоть когда-нибудь быть раскрытым. Ведь даже найди мы вещи, кто ж их опознавать-то будет?! Расследование надо было прекращать. По-любому. Поразмыслив, сыщики рванули ... в библиотеку. Нашли нужную «Правду» - печатный орган Цен-

трального Комитета Коммунистической партии Советского Союза...

Вскоре родилось единственное в своем роде «Постановление о прекращении уголовного дела». Начавшись, как водится, с фавулы, дальше, явно в разрез с четко выверенными юридическими формулировками и постулатами, документ походил на передовицу главной коммунистической газеты страны:

«...Вероломно нарушив Договор, сомалийская военщина, подогреваемая захватническими инстинктами и интересами, нарушила государственную границу дружественной нам Эфиопии и развязала кровавую агрессию, в результате погибли сотни ни в чем не повинных лиц, в основном гражданское население - старики, женщины и дети.

Принимая во внимание, что СССР прервал с Сомали дипломатические отношения и депортировал всех его граждан, в том числе и потерпевшего по уголовному делу N..., который, закончи он летное училище, стал бы «ястребом» и бомбил бы населенные пункты дружественной Эфиопии,

ПОСТАНОВЛЯЮ:

Производство по уголовному делу N ... в связи с не установлением места нахождения потерпевшего (агрессора) прекратить. О принятом решении уведомить надзирающего прокурора.

*Заместитель начальника
Кантского РОВД капитан милиции ...»*

Все это, повторяю, в рамках жестко терминированного процессуального документа - «Постановления о прекращении уголовного дела», чьи каноны и формулировки выверялись многими десятилетиями!

«Заклеймить агрессора» согласился и прокурор. Оценив «высокий стиль» подкрепленного двумя бутылками знаменитого в ту пору пятизвездочного армянского коньяка документа, он размахисто подписал:

«УТВЕРЖДАЮ».

Обжаловать решение было некому...

Астма

Осенью 95-го вдруг выдалась свободная неделя. Друзья-счастливчики, с кем в юности облазили все горы окрест, к тому времени заимели собственные турфирмы, сумев совместить хобби и бизнес.

Они-то и предложили провести отпуск в горах. А заодно помочь в приеме необычной тургруппы, первой такой на Шелковом пути. Почему необычной? Приезжали пожилые, но еще бодрые американцы, что, пресытившись комфортом гавайев и ямаек, предпочли экстрим горного края. Старшему - 82, младшая, юрист из Калифорнии, родилась в 1921. Всего одиннадцать таких туристов...

... К экспедиции готовились серьезно. Закупили все самое лучшее, в том числе - новинку сезона - минеральную воду в пластике. До того она у нас только в стеклянной таре выпускалась. Несколько пластмассовых бутылок заполнили спиртом - так, на всякий случай: горы, знаете ли. Все это добро складировали в грузовом отсеке нашего буса - вездехода.

Гостей подобрали на китайской границе. К вечеру прибыли в Нарын, разместились в спе-

циально разбитых юртах. Показательно разделали барана - америкосы весело бегали с видео, но за полночь есть вареное мясо не стали - удовольствовались сухофруктами.

... Среди ночи разбудил громкий кашель. Не кашель даже - звук, что издает человек под завалом, - хрип, сипение. Я отвечал за безопасность группы - выскочил прямо в трусах. Глядь - на земле лежит калифорнийка, ну та, «самая молодая». Из рта - пена, глаза закатила, не дышит почти... Тут - медсестра, что по контракту сопровождала группу. В ночнушке, даже халатика не набросила. И - укол, за ним, через минуту, - второй. Американка вроде б оживать начала...

«Я в автобусе спал, - рассказывает водитель. - Стучатся. Смотрю - одна из наших. Лопочет что-то, но в английском я - ноль! Тогда она таблетку показывает - запить, мол, надо. Понял! Беру сзади бутылку, подаю. И надо ж, именно со спиртом попалась!»

«Астма у нее, - это уже медсестра. - На высокогорье пилюли каждые три часа пить надо. Чтоб не беспокоить никого, сама к машине за минералкой пошла - из речки они ни за что пить не будут. Ну и хлебнула...»

«Все, - подумалось. - Переборщили с экстримом. Сейчас развернутся янки, и - go home». Тут

мадам приподнялась на локте: «Что это было? Водка?!» «Да, мэм, я очень извиняюсь...» «Да погоди ты. Слушай: в войну я «Дуглас» водила, и астма эта проклятая ко мне с тех пор привязалась. Из авиации из-за болезни списывают, фигура красивая выручала. Скольким генералам дала, чтоб в небе остаться, уж и не вспомню. Виски ж в последний раз со штурманом-пулеметчиком прям на крыле пила. В День Победы. С тех пор пятьдесят лет - ни-ни, доктора запретили. А сейчас я будто вновь за штурвалом! Лечу!!! И зачем только пить бросила... Жизнь-то прошла мимо!»

Тут только я понял, что она пьяна. Одного хорошего глотка вполне хватило...

«Баскин Роббинс» с Женевского озера

В 2006-м в составе правительственной делегации побывал в Швейцарии - изучали тамошнюю модель наркопротиводействия, делились опытом. Но рассказать хочу не об этом...

...Возвращались в Берн, припозднились. Один раз живем - решили поужинать в ресторане на Женевском озере. Нашли известный, что потчевал «Биттлз», космонавтов, американских президентов, российских олигархов,

о чем свидетельствовали многочисленные фото с автографами.

Заказали скромненько, без спиртного. Еда - пальчики оближешь! К концу вечера один из наших захотел мороженое. Все одобрили.

По детству помню, что наш ice cream бывает шоколадным, пломбиром и сливочным. Официант же лучшего на Женевском озере ресторана учтиво интересуется: «Какого именно, сэр?» «Каждого по шарик, шесть порций», - удивляюсь в ответ.

... Через 15 минут погасло электричество и, всю в свечах, под звуки классической музыки, в зал вкатили раззолоченную тележку. На ней - 6 серебряных ведерок из-под шампанского, полных сладкого ледяного десерта.

«Баскин Роббинс», сэр, свежайшее. Как вы просили, весь ассортимент компании, пятьдесят четыре наименования...»

... Наши в беде не бросают. Министры скинулись, и застолье на Женевском озере продолжилось под дружеские приколы.

Съели до донышка.

И ангины ни у кого не было.

Бессарабская бабушка

«Гриша, оденься. Мне холодно...» Этой обращенной к своему сорокалетнему сыну фразой она вошла в семейные хроники.

Мою двоюродную бабушку звали Анна Марковна. Мы ж, дети, обращались к ней не иначе, как «баба Мака». Буквально источая доброту, она, в то же время, была преисполнена самодостоинством. И - привилегия немногих - всегда говорила только то, что думала.

И тем притягивала. Но только много лет спустя, после смерти героини, двоюродный брат Игорь Краснов, кому была она родной бабушкой и очень-очень близким человеком, поведал её историю.

Передаю с его слов.

... Дочь владельца мануфактурных магазинов в Бессарабии, Аня росла в достатке, холе и неге. И обожала родителей, брата.

Гимназия, замужество, собственная аптека, любящий муж. Двое замечательных сыновей, Григорий и Самуил - настоящий вундеркинд. Прислуга, у мальчишек - бонна. Счастливая мелкобуржуазная жизнь, обязательный вечерний покер в дружеском кру-

гу местной интеллигенции - врача, адвоката, управляющего имением. Маленькие домашние радости, забавы. Обычные чувства и отношения...

А еще - книги. Французская, русская, румынская классика. Детям тоже передали любовь к языкам, чтению.

В 1940-м все это порушил пакт Молотова-Риббентропа, вливший Бессарабию в СССР. Родителей бабы Маки объявили «врагами народа». Как же: торгаши, буржуи проклятые!

Так и сгинули старшие в уральских лагерях. Женщин и мужчин отделили и везли разными конвоями. Перед смертью им даже попрощаться не довелось. Чуть раньше инфаркт унес любимого брата.

За долгую жизнь баба Мака пережила еще не одну смерть близких людей, множество бытовых перипетий. Но проживала все это чрезвычайно достойно. Чувство собственного достоинства было у нее врожденным.

Аптеку национализировали, но дед - дефицитная специальность спасла от ссылки - остался работать в ней фармацевтом. Попытались эмигрировать к родственникам в Румынию или США. Власти недвусмысленно пригрозили...

Когда 22 июня 1941-го Гитлер напал на СССР, Красновы эвакуировалась вглубь страны. По дороге дизентерия унесла жизнь главы семьи, чей прах покоится в безымянной могиле где-то под Ферганой. Баба Мака с двумя малыми детьми оказывается в Рыбачьем - далеко киргизском захолустье...

Форпост Иссык-Куля, городок этот и сегодня славится своими ветрами, а уж тогда! Жили в землянке с плоской крышей. Горделивая, скептическая Анна Марковна устроилась посудомойкой. И, чтоб прокормиться, продавала все, что привезла с собой, - платья, туфли, украшения.

Все, кроме столового серебра. Это - как связь с прошлым. Остаток, семейная реликвия, сегодня хранится у меня.

Рассказывают, что местный «бомонд» щеголял в ... комбинациях от Анны Марковны, наивно принимая шелковое исподнее за произведения модных французских Кутюрье.

«Чтоб заработать копейку на рубль, мы в аптеке нашей крутились с утра до ночи. Здесь же работой не заморачивались. Бывало, откроют бочку с сельдью, и ну туда пару ведер воды... Селедка впитывает, как губка, и прибавляет в весе. Пробовала протестовать - куда там!»

Все эти годы, и позже, уже во Фрунзе, нашу семью контролировали Органы. Бабушка с папой часто ходили куда-то отмечаться. Отцу впечатали страх перед конторой: в 60-х его нашли родственники из Австралии, но, опасаясь сановного гнева, отец отказался общаться. Бабушку ж напугать они так и не сумели...

В 1967-м она в очередной раз удивила семейство, появившись однажды в сопровождении пожилого симпатичного мужчины. Волнуясь, сообщила, что они встречаются уже два месяца, намерены пожениться и будут жить у него.

Тоже из Бессарабии, часовых дел мастер Рафаил Маркович оказался на редкость хорошим человеком. Их дом стоял на пересечении улиц Токтогула и Киргизская, недалеко от известного кафе «Юность». От Пушкина, где мы тогда жили, я добирался до неё на автобусе номер 2.

Садился около пенько-джутовой фабрики, которую мы называли «Пенька-Дунька», автобус шел по Гоголя, поворачивал на Московскую, я выходил на остановке по Логвиненко и спускался вниз по Киргизской. Мне кажется, я и сегодня, по прошествии сорока лет, мог бы пройти этот маршрут с закрытыми глазами...

Жаль, вскоре часовщик заболел. Бабушка прожила с ним три года, искренне заботилась, раскрывая новые черты - чуткость, душевность, отзывчивость. После смерти Рафаила Марковича мы еще долго играли с кучей доставшихся «по наследству» часовых деталей...

Баба Мака всегда относилась к людям доброжелательно и уважительно. Была прекрасной хозяйкой, великолепно готовила разные вкусности - штрудели, салаты, рулеты. Это помогло выжить и поднять сыновей. Дать им образование. Отец, Григорий Исаакович, закончил физмат во Фрунзе. Самуил, не зря ж вундеркинд, поступил в Московский Авиационный институт.

В 1949-м, в разгар антисемитской кампании, как раз в то время, когда разогнали Еврейский антифашистский комитет, убили его председателя, всемирно известного актера Михоэлса, бессарабский еврей стал студентом закрытого оборонного ВУЗа. И даже учился в нем...

Правда, недолго. Парень, который практически никогда не болел, вдруг буквально стограет от дифтерии. Отец ездил его хоронить, но толком об этом никогда не рассказывал.

Лежит дядька в московской земле. Последними словами, которые бабушка через много

лет вывела уже плохо слушавшейся рукой на фото Самуила, были «Сами, незабвенный».

С этим она ушла...

P.S. *Анна Марковна Краснова покоится на Чон-Арыкском кладбище в предместье Бишкека. Согласно завещанию, в могилу вместе с ней положили хранимую как зеница ока землю с могилы Самуила. А еще через несколько лет рядом лег и старший, Григорий Исаакович. Их имена выбиты на гранитной стеле у изголовья. По решению семейного совета здесь же выгравировано и имя отца, Исаака. Место его последнего приюта точно не известно.*

Голодный обморок

Истории известен случай, когда в голодный обморок упал народный комиссар Цюрупа, приведший в 1918 году «хлебный» эшелон в голодающий Петроград... Его встречал лично Владимир Ильич Ленин, и, отрапортовав, пламенный революционер рухнул оземь... «Все во имя революции. Он привез десятки пудов продовольствия, но даже корки хлебной себе не взял», - гордился Ильич.

...В Службу внутренней безопасности УВД Иссык-Кульской области заявили, что при личном досмотре патрульные отобрали 300 сомов. Гражданин сообщал, что милиционеры извлекли из кармана полторы тысячи, вроде бы пересчитали их на глазах, но, используя распространенный мошеннический приём, «сломали» купюры и вернули меньше.

Для опознания следователь пригласил жалобщика на развод. Лето, жара, пышущий зноем асфальт. На гарнизонное построение собрались и постовые, и участковые, и сотрудники по делам несовершеннолетних. Вдруг у всех на глазах, потеряв сознание, из строя выпал ... гаишник.

«Голодный обморок» - констатировала «Скорая». В ожидание высоких гостей милиционер всухомятку провел на посту двое суток...

«Отдайте мое заявление» - вдруг потребовал гражданин. «Если у вас гаишники от голода в обморок падают, то представляю, что с постовыми творится. Из-за трехсот сомов я на них жаловаться не буду».

И прилюдно порвал заявление...

Жалоба

Двадцать пять лет тому назад молодой начальник милиции получил по почте жалобу. Виза председателя горисполкома гласила: «Тов. Зеличенко А.Л. Проверить и доложить». Вельможная подпись, число. Всё.

Бумага интереса не вызвала. Некто Кириенко жаловался, что сосед ... перекрыл полноводную реку, и его гусям теперь негде плавать. Под петицией стояло еще восемь неразборчивых подписей.

Проще всего было бы поручить проверку участковому. Или вообще вернуть письмо назад с припиской, что не милицейское это, мол, дело. Но, во-первых, мы были тогда полностью подотчетны партийным и советским органам. Во-вторых, жалоба пришла от жителей улицы, выдвинувшей меня депутатом городского Совета - была тогда практика, когда начальники отделов внутренних дел автоматически избирались в нардепы. И, в-третьих, заявление было групповым. А таким придавалось особое значение.

Приехал так, чтоб люди после работы были на месте. Дома жалобщиков стояли прямо на

берегу бурной в это время года реки Талас. Стояло жаркое лето, таяли ледники. «Чего ж они бумагу марают?! Глянь сколько воды!», - подумалось...

Беседуя, писаки почему-то прятали глаза. А двое подписантов вообще отказались от разговора. Ситуация прояснилась на подворье проверяемого. Не лишенный инженерной мысли, тот по сути соорудил мини-ГЭС: сделал водоотвод, смастерил динамо-машину и производил себе электричество.

Его хватало чтобы освещать дом, смотреть телевизор, периодически греть сауну. А еще - отапливать оранжерею. И разводить красивые цветы... «Жаль, все это сразу не получается, мощности маловато. Но буду думать, работать. Вот только завистников боюсь. Закидают жалобами. А ведь предлагал им вместе потрудиться, водопад повыше сделать. Тогда и току б больше было...»

Под мерное гудение динамо мы проговорили часа полтора. Потом я докладывал горсовету, просил поддержать эксперимент. Ведь во многих западных странах солнечные батареи, ветряки и домашние гидроэлектростанции давно стали обыденностью. Тогда не получилось. Думаю сегодня, почти через чет-

верть века, вопрос этот стал еще более актуальным.

... Страсти вокруг плотины бушевали долго. От требований «сломать и уничтожить» инстанции перешли к абсурдному «заставить платить за электричество». Пришлось употребить все свое влияние, чтоб не давать «энергетика» в обиду.

«3030»

... В конце 1970-х МВД республики инспектировалось Москвой. Ничего хорошего от тотальных проверок такого масштаба не ждали. По результатам, как правило, принимались «организационные меры», проводились чистки, кадровые перестановки. Сказать, что готовились - ничего не сказать.

Инспекторскую бригаду возглавлял генерал Каро. Молодой, амбициозный, близкий к верхам, приехавший «наводить порядок» - рассчитывать на побряжки не приходилось.

Распределились так: по 2-3 москвича на область, в подчинении - 5 наших зональников из разных служб. На высокогорный Нарын приезжих поначалу не хватило, но, поднажившись, выделили таки одного. Штаб-

ник со стажем, подполковник казался человеком вполне мирным... А нос и вечно красные, с надутыми прожилками, щеки, выдавали либо хронического гипертоника, либо...

Версию надо было проверить.

... Москвич был хмур, неразговорчив. В Боме ж, когда на Холодной воде, под шашлыкосторожно предложили якобы традиционные здесь «пять капель», оживился. «А чётолько пять?! Я все жду, когда поднесут?! Иль не проверяли вас никогда! Лей до краев!»

Нарынчане встречали уже в Рыбачьем. Обед с возлияниями, остановка в Кочкорке - пол-литра, потом - через каждые сначала двадцать, десять, а под конец уже и пять километров. На Долоне ждала гостевая юрта с артистами и традиционным бешбармаком... Здесь задержались часа на три, с тостами, песнями, фотографиями на фоне природы. В областном центре, «сломав» всех наших, проверяющий успокоился лишь под утро, когда пить стало не с кем ...

«Марафон» повторялся в каждом районе.

Прошла неделя, пора было возвращаться. Во Фрунзе москвич долго парился, отмачивался, приводил себя в порядок. Наготове у него был целый арсенал средств - капли, при-

мочки, протирания... Наводя марафет, притворялся, что штудирует справку, подготовленную нашими писарями...

... Каро сидел в кабинете одного из замов министра. Когда вошли, принюхался, глянул грозно: «Ну?!» Штабной весь съёжился и, не глядя по сторонам, произнес сакраментальную фразу: «Знаете, товарищ генерал, большего безобразия я в жизни не видел»...

... Других потчевали в гостинице, «наш» же сидел в номере один. И провожать никто не пошел. Мне ж поручили передать фотоснимки. Взглянув в полглаза, штабной вдруг спросил: «А кто это - ЗОЗО?» «Горячка, что ли?! Какой еще «ЗОЗО?» – подумалось. «Видишь столб, а на нем, черным по белому - «ЗОЗО»! Ослеп!»

Тут только дошло - на табличке значилась высота перевала Долон - 3030 метров над уровнем моря - «зозо»! «Так, - нашелся я, - певца зовут, что рядом на пьедестале, с комузом. Он единственный в Нарыне не пьет, потому и памятник поставили».

«А-а...»

На том и расстались...

Золотоискатели

... Концерт удался на славу. Выздоровливающие бойцы дружно аплодировали, смеялись, а потом хором затагнули «Катюшу». Растроганное госпитальное начальство, расщедрившись, угостило юных артистов «Вторым фронтом» - омлетом из яичного порошка «Made in USA». Заморив червячка, веселая компания, бурно обсуждая события дня, двинулась к школе.

Возле магазина с непонятной вывеской ноги остановились сами. Здесь начиналась сказка, мираж «от-Шехеризады» - притихшие мальчишки любовались разложенными на витрине добротными тканями, импортным текстилем, поедали глазами шоколад в цветной фольге. Попасть внутрь они и не помышляли!

«Сказочный» магазин скупал золотые кольца, браслеты, сережки. Собранный по крохам драгоценный металл превращался затем в грозную броню, боевые самолеты, медикаменты. Все это знала ребятня, а еще им очень хотелось хоть как-то семье помочь - отцы воевали, а кое-кто уж и похоронки получил. Потому-то в свободные минутки босо-

ногие мальчишки с криками: «Кому воды холодной!» носились по базару, хватались за любую работу.

... Набегавшись, трое друзей завернули на речку - благо недалеко. Только собрались окунуться, вдруг Равиль, сбиваясь на шепот, произнес: «Пацаны, а это ... не золото?». Поднятый у воды камень искрился, блестел. Золото! Ошарашенные своим открытием, мальчишки оглянулись вокруг, и - как раньше того не замечали - узрели ... Клондайк, золотые россыпи. Переливаясь, кругом лежали сотни, тысячи камней разных форм и веса, с вкраплением желтых точек - где мелких, а где и крупнее. Да за такое богатство можно накормить весь город, да что там город - вооружить целую армию!

Но не тащить ведь огромные булыжники в магазин?! И троица дружно взялась за дело. Расстелив обрывок газеты, принялась выковыривать из породы блестящие крупинки. Не беда, что на бумаге они блестеть переставали - кого это волнует?! Главное - успеть до закрытия магазина...

Первым перевел дух Ленька: «Хватит, пошли». Равиль и Джекшен, свернув газету, поднялись следом. Прихватив для пущей важно-

сти пару «самородков» покрупнее, они чуть не бегом бросились в центр. Заветная витрина, боковая дверь - открыто!

– Дяденька, мы золото принесли.

Долгий, подозрительный взгляд и, наконец:

– Давайте, посмотрим на ваши сокровища.

Кажется, газета разворачивается целую вечность. Блестит!

– И это все?

– Нет, там еще много, - открыл было рот Ленька, но Равиль больно врезал ему локтем под бок:

– Можно и еще, если надо.

Джекшен же молча смотрел с мольбой...

Инвалид-приемщик не стал смеяться. Достав из-под прилавка полплитки шоколада, он молча протянул его десятилетним «золотоискателям».

Шел 1943 год...

Украинская жена для иорданского легионера

... Став участником миротворческих миссий в 1999-м, Кыргызстан направил своих офицеров во множество горячих точек планеты. Мы отличились в Косово, Судане, Восточном Тиморе, Македонии, Сербии, Либерии, Чаде, Сьера-Леоне, Боснии и Герцоговине.

Отправке в миссию, как правило, предшествовала серьезная подготовка. Особенно сложно давался английский. Теперь кандидатов тестируют по телефону прямо из Нью-Йорка. В мое ж время представители штаб-квартиры прилетали в Бишкек, где знакомились с каждым претендентом на «голубой берет», и проводили строгий отбор. Тогда-то и случилась эта история...

Строгие экзаменаторы, канадец и иорданец, прибыли одновременно. Наотрез отринув «культурную программу», тут же взялись за дело. Отобрав троих, успокоились, расслабились. И за ужином араб рассказал, что во время учебы в Киеве его старший брат женился на хохлушке, в браке несказанно счастлив,

растит пятерых детей. «И я хотел бы найти украинку. Возможно ли здесь?»

Наши лишь руками развели. Во-первых, не Киев. Во-вторых, зазноба должна быть арабо или англо говорящей и согласна выйти замуж за «экзотического» жениха. На все, про все - три дня. Mission impossible! Гость пригорюнился...

Мало ли что - младший из нас повсюду сопровождал приезжих. Зашли за сувенирами в ЦУМ. Парень лишь на минутку обернулся, глядь - шейх уж вовсю общается. На английском. Визави, что пришла на шопинг - глаз не оторвать, стройна, волоока. И - неисповедимы пути Господни - украинка!

Короче, задержался у нас иорданец. По-знакомился с семьей, пригласил пассию на Иссык-Куль, раскрыл мечту, сделал предложение. И получил согласие.

Свадьбу играли в Бишкеке. Поддавшись яростным уговорам жениха, славяне довольствовались апельсиновым соком - Аллах не выносит спиртного и, будь оно на столе, не благословил бы брак.

Вскоре Света отбыла в Штаты. Там они обитали три года, сейчас живут в Аммане, где счастливый муж и отец, полковник полиции, руководит крупным подразделением.

P.S. Интересна дальнейшая судьба самого младшего героя нашей миротворческой группы, того самого, что повсюду сопровождал гостя, и «просмотрел»... Отслужив в Косово и пройдя жесточайшее сито, потомственный милиционер Феликс Дюшеев стал личным телохранителем Генсека ООН, живет в Нью-Йорке.

«Игрушки против оружия»

В составе миротворческих миссий ООН, ОБСЕ я более четырех лет служил на Балканах. Почти год из них занимался «строительством» квартальной полиции в Косово. Проект этот там назывался несколько по-другому - «Полиция и местные сообщества», но сути это не меняет: мы старались найти с населением общий язык, выстроить партнерские отношения, поднять имидж вновь создаваемой в крае полицейской службы, создать современный правоохранительный орган «с человеческим лицом»...

Напомню: только что отгремели бомбардировки, кругом мины, неразорвавшиеся снаряды, на руках полно то и дело пускаемого в ход оружия, растет криминал... В регионе, кроме

нас, полицейских-международников, действует гражданская администрация ООН, полно военных, у каждого - свой «мандат»... Нервы напряжены, в такие моменты любая, даже просто неверно истолкованная мелочь может привести к печальным последствиям, кровопролитию.

В этих условиях ко мне, как к специалисту по связям с населением, обратились НАТОвцы. И сообщили, что уже несколько раз буквально в последний момент снимали палец с боевого взвода, когда видели в руках у невесты откуда появившегося подростка ... пистолет, игрушечного «клона» современных «Беретт» и «Глоков», искусно изготовленных китайскими «оружейниками». Пластмассовые стволы выглядели как настоящие, с затвором и магазином, и особенно в сумерках легко принимались за настоящие.

Начали чисто по-милицейски. По решению мэрии принялись нещадно изымать «оружие» с витрин и прилавков местных магазинов, предупреждать, а то и штрафовать хозяев. Представляете, как я себя ощущал: приехать в миротворческую миссию за тысячи километров, чтоб у детей игрушки отбирать?!

Тут родилась мысль: а что если попытаться револьверы у детворы ... выменять? Обратились в неправительственные организации, и те откликнулись, предоставив взамен пару сотен мягких игрушек. Пошли в школы, разъяснили суть акции. Вначале верили не особо, но заручившись поддержкой директоров, однажды, под девизом «Игрушки против оружия», провели мы первую сделку с местными пацанами.

Надо было видеть: задолго до назначенного срока школьный двор заполнила до «зубов вооруженная» малышня, подтянулись и ребята постарше. К месту события стекались и взрослые сельчане, вездесущие репортеры. Подкатив на полицейском джипе, мы распахнули вместительный багажник, куда немедленно полетели пластмассовые ружья и автоматы. Взамен выдавались мягкие зайки, мишки, мартышки. Вскоре наш короб оскудел, и, возвратившись, мы насчитали 97 «добровольно сданных», а вернее сказать, выменянных, разнокалиберных стволов.

Через некоторое время уже в другом селе, Монастырице, «разоружили» аж 165 тамошних пацанов! Один принес целых семь револьверов, получив взамен столько же беге-

мотов, драконов и крокодилов. В школах Донных Любин и Локвицы выменяли 185 пистолетов. Надо видеть, как радовались дети! Параллельно с обменом детям и взрослым рассказывалось о международном положении, о политике ООН по укреплению мира, о Кыргызстане. Такая «агитация» западала в память и очень способствовала взаимопониманию.

Необходимо отметить, что регион, где происходили описываемые события, населяли босняки - национальные меньшинства, как известно, наиболее уязвимы в любых конфликтах. В акции, кроме международных, активно участвовали и вновь рекрутированные полицейские из местных. Во многом благодаря еще и этому, «Игрушки против оружия», с одной стороны, были всецело подхвачены населением. С другой - помогли молодым коллегам с самого начала показать новизну и демократичность подходов, желание и волю к партнерству.

Подхваченное прессой, в том числе и международной, изначально локальное начинание наше становилось все более популярным. Отслужив положенное, по возвращении домой полицейские и военнослужащие-миротворцы начали акции по сбору мяг-

кой игрушки в родных краях. В Германии, например, их собирало население нескольких регионов, в Косово доставляли военные транспортные самолеты.

Акция длилась несколько месяцев. По окончании, при большом скоплении народа, «броня» символично расплющила «оружие», превратив его в кучу пластика...

Косовская зарисовка

После крушения самолета на необитаемом острове оказываются трое: американец, немец и косовар. Племя дикарей решает, кого съесть первым. Янки: «Только попробуйте! Завтра же здесь будут наши бомбардировщики и морпехи, они превратят всё в руины!»

«Пугаешь?! Нам нечего терять! В котел его!»

Немец: «Если вы оставите меня в живых, я расскажу об этом всем. Евросоюз вложит в вас миллионы евро, здесь построят курорты, отели, пляжи...»

Вождь: «Нам и так не плохо, съешьте его!»

Пришел черед косовара. «Мне нечего сказать. У меня нет ни денег, ни тепла, ни света, у меня даже родины нет...»

«Этого не трогать, - заявил вождь, - у меня в Косово брат в миротворцах служит...»

(Популярный анекдот)

... Моим первым Team Leader - старшим патруля в Косово – был африканец. Знакомясь, он сообщил, что в полиции служит уже 17 лет. «Опытный» - подумалось.

Вскоре обратил внимание, что напарник как-то не очень уверенно ставит вопросы, не может разговаривать с людьми. На «стреляного воробья» не похоже. Ну да ладно, всякое случается...

Вскоре, закончив миссию, коллега вернулся домой. На его место прибыл новый, из той же страны. Разговорились, и я спросил о предшественнике. В ответ - улыбка: « Да, семнадцать лет он ... охранял заповедник для слонов. Берег животных от браконьеров, надоедливых туристов. Короче, ходил с совком и подбирал слоновье дерьмо...»

И, согнувшись, живописно показал, как это делается...

После первой не закусываю!

Готовясь миротворцами в Косово, - тако-
вы правила - мы перевели на английский всё,
изготовив даже шевроны с надписью «Police»,
снизу - «Kyrgyz Republic». Их, снабдив липуч-
ками, и цепляли на форму. Удобно, при стир-
ке - отодрал, погладив - прицепил. Все просто.

В миссиях принято дарить и обменивать-
ся полицейскими сувенирами: погонями, знач-
ками, свистками. Западники привозят кружки,
футболки, кепи с фирменными надписями типа
«Texas State Police» на фоне ковбоя с кольцом.

Мы ж, кыргызстанцы, не имея ничего бо-
лее, приберегли на этот случай родные, «до-
машние», шевроны - «Кыргыз Республикасы.
ИИМ (МВД)», снизу - «Бишкек», как вариант -
«Ош». В центре - флаг и герб. Всё. Но посколь-
ку для Кыргызстана это была первая миссия,
такие сувениры расходились на ура.

...Косово. Людей на службе вечно не хва-
тало, а потому, когда из штаб-квартиры со-
общили, что нам придали двоих новичков-
малазийцев, командир ждать не стал: «Алекс,
бери мою машину и привези их, пока штаб-
ные не передумали».

Начальственный «Лэнд Крузер» виден издалека. Шел я без остановок, рацию, чтоб в полной мере вкусить джаз из кассетника, не включил. Приехал, помог собраться и - в обратный путь. На заднем сидении - двое в экзотической униформе, с обязательной чалмой на голове...

Едем, общаемся, ввожу новобранцев в курс дела. По ходу отмечаю необычно большое количество патрулей на трассе. Благодаря бортовому командирскому номеру, наш джип не останавливали. Преодолев последний обледенелый серпантин, наконец, вскарабкались на перевал...

Из суточной оперативной сводки: в 11.00 в высокогорном массиве снайперским выстрелом убит водитель А.Е., 38 лет. Потеряв управление, автобус со школьниками сербской национальности опрокинулся с высоты. Есть погибшие, раненые».

Бронетехника, что в тот день как обычно сопровождала школьный автобус, оказалась бессильной...

Насилие порождает насилие: сербские мужики из ближайших гетто, чьё население лишь изредка, под натовским конвоем, вывозили в соседние городки - в церковь, в банк,

проведать родные могилы, перекрыли центральную трассу и принялись охотиться на «вражьи» машины. С женщинами, детьми...

Ничего не зная о случившемся, увидел горящие авто и густую толпу, понял одно: ЧП! Быстро развернуть тяжелый внедорожник нечего было и думать. Народ же, приняв за полицейский арьергард, с факелами в руках, бурно жестикулируя, двинулся в нашу сторону.

Одного взгляда хватило, чтобы понять: малазийцы - не помощники. Да и что с них взять - первый день в миссии. Приказав сидеть в джипе, выскочил на мороз. Надо было срочно определить, кто предо мной. С каждым этносом - особые правила поведения. С албанцами, к примеру, упаси Бог говорить по-русски или на сербском, который они, кстати, в большинстве прекрасно понимают. С сербами, наоборот, «забранен» английский...

Чу! Крутой мат. Сербский сленг хоть и отличен от нашего, но разобрать можно. К тому ж, хоть и с трудом, к тому времени я уже говорил по-сербски. Албанцы, в любом случае, так выражаться не будут...

«Братушки, что радите овде?» Ну, типа, что происходит? «Какие тебе братушки, ебен американац?!» И, меж собой: «Убичемо американа-

ца, узмемо пиштоль и кола», - убуём американца, заберем, значит, оружие и машину. «Нисам американац!» «Лажешь (врешь), изгледаш како американац» - и окружают, окружают...

Что делать?! Стрелять? В живых-то людей?! Да и много их... Вдруг, сзади: «Эй, погледайте, код нега е кириллица на деснице!» Очевидно спросонья, второпях, сунув руку в прикроватную тумбочку, вместо in English, нацепил я в тот день наш, тот самый «Кыргыз Республикасы», шеврон. Каким образом пристал он к липучке - сказать не берусь.

«Тачно, кириллица. Где е то - Кыргызска Республика? Русия?» «Бивший Советский Союз», - отвечаю. «За нас то е Русия. А Бишкек?» «Главни град» - так столица по-сербски.

Агрессивности поубавилось. Надо было успех закреплять. «Кыргызстан - то е бивша совезна република» - говорю. «Да, код вас - Горбачев, код нас - Милошевич сгубили државу. А, что да кажем: нема Тито, нема Югослави...»

Проверка на том не закончилась. «Ако ты - рус, треба да пиеш како рус» - и ну цедить из плетеной бутылки крепчайшей ракии в залапанную литровую банку. До краев...

Протягивают. Понимаю, что это - тест,

беру. «Има меза? (Закуска есть?)» «Нема». «Вода?» «Нема». И глядят пристально. «Пьян, као рус», - испокон веков говорят сербы, переделав на свой лад нашу поговорку «пьян, как сапожник»...

Прошло скоро десять лет, но вспоминаю - и передергивает: выпил! Спасибо, не наш самогон: ракийку «пекут» с любовью, очистка великолепная. Но - литр, и крепость - 58 градусов! Вспомнились шолоховские: «После первой не закусываю...»

Слава Богу, второй не последовало. Толпа расступилась. Чтоб чалмой глаза не мозолили, уложил пассажиров на пол и дал газу. Успел заметить, что к перевалу со всех сторон огоньки ползут - район блокировали.

... Алкоголь «торкнул» через пару верст. Да так, что едва успел прижаться к обочине. Дальше - не помню, проснулся в обед, у себя в кабинете. Начальство уведомили новички. Я ж все списал на поломку рации. По глазам видел - не верит немец, но разбираться не стал - вроде как я положение спас...

«Маклис-Паклис»

Жаганша Аманкулов (1950-1997) в нашей памяти навсегда. Талантливый опер и руководитель, тонкий психолог, однажды и навек влюбленный муж, заботливый отец, верный друг. Человек с потрясающим чувством юмора...

... Готовимся к милицейской работе на Олимпиаде-80. Запертые в учебном центре, штудлируем историю спорта и Древней Греции, зубрим языки, штурмуем спецтактику и только входящую в моду морально-психологическую полосу. Много стреляем, бегаем и прыгаем, будто это мы готовимся бить физкультуррекорды...

Четыре месяца - как один день. Экзамены. Среди принимающих - высокое начальство из Москвы. Сдаём. Билет в руках Жаганши грозно вопрошает: «Кому принадлежит заслуга возрождения Олимпийских Игр?»

Надо ж - тот забыл напрочь. Шепчу - не слышит, чуть громче - насторожился подполковник-москвич. «Маклис-Паклис» - вдруг выпалил экзаменуемый...

«Маклис-Паклис!» Без «маклея» и «маклеров» уже тогда была немислима «жизня».

Почти забытые, вытесненные более жесткими и агрессивными «стрелками», «разборками», «разводящими», словечки эти означали искать нужных людей, подключать связи, «маклевать»...

«Грек?» - подначивает экзаменатор. «Так точно». «Наверное, в БХСС служите, раз всё про макли знаете. Вообще-то француз, Пьер де Кубертен. Но ведь не растерялись, хвалю».

«Служу Советскому Союзу!»

Находчивый участковый

Сейчас даже трудно представить, какой властью не в столь уж далекие времена обладал коммунистический чиновник даже средней руки. А уж сотрудник Центрального Комитета Компартии! Первый же секретарь пользовался властью поистине неограниченной...

...В кабинете министра внутренних дел настойчиво звонила «тройка» - прямой телефон заведующего отделом адморганов ЦК Компартии Киргизии. «Ваш участковый Качиев пришел проверять документы у Первого секретаря товарища Усубалиева...»

Сказать, что министр упал со стула - ничего не сказать. Поднялся такой шум, что мно-

гим небо показалось с овчинку. Замминистры, начальники управлений носились как простые опера - искали Кайчиева. Начальника РОВД, где служил виновник переполоха, свалил инфаркт...

Лейтенант подвергся обструкции. Только ленивый, начиная с замначальника райотдела, кончая курирующим заместителем министра, не орал на него, не топал ногами, не брызгал слюной и не пытался сорвать погоны. Качиев не сопротивлялся, лишь искренне не понимал - за что?!

Офицера уже вели на аутодафе к министру, когда у того в кабинете опять зазвонила «тройка». И уже совсем другим, не начальственным, голосом, тот же заведующий отделом попросил направить участкового, «которым МВД может гордиться» (!), в ЦК, на прием к Самому...

Не понимая, что происходит, сотрудника тем не менее соизволили выслушать. Оказалось, участок в самом центре столицы он обслуживает недавно, и, поскольку жилых домов в самом сердце города тогда было не много, он начал посещать руководителей расположенных здесь министерств и ведомств, представлялся, рассказывал о криминальной

ситуации, вручал визитки - делал свою работу. Дошла очередь и до ЦК.

Короче, слухи о пытавшемся побывать у него бравом участковом инспекторе дошли до Турдахуна Усубалиевича. И он пожелал по-видаться. На встрече Первый сказал, что за двадцать пять лет, что он находится на этом посту, ни разу не видел участкового, поблагодарил Качиева за инициативу, порасспросил о службе, житье-бытье...

И пошла обратная цепная реакция. Министр вручил «находчивому милиционеру» премию в пятьсот рублей - большие по тем временам деньги. Его наперебой хвалили замы, руководители различных уровней. Забыв об инфаркте, угодливо заглядывая в глаза, начальник РОВД перед всем личным составом долго тряс руку, говорил высокие слова...

Вскоре - такова жизнь - случившаяся в 1984 году история эта забылась. Толик Качиев сменил несколько мест службы и год тому назад вышел в отставку с должности оперативного дежурного МВД. Создал охранное агентство, успешен в бизнесе. В свои пятьдесят с небольшим бодр и полон планов на будущее.

На днях мы встретились в музее МВД. И встреча эта подвигла меня рассказать исто-

рию двадцатипятилетней давности. Возможно, пригодится...

«Пана видно по халаве...»

... В 1982-84 командовал Таласской городской милицией. Однажды задержался с обедом, вдруг - звонок из областного УВД: «Здание окружили цыгане, пытаются штурмовать. Все на выезде, дежурный наряд не справляется. Просим поддержки!»

Табор? В Таласе?! Откуда?! Тут - рация начальника областного управления Кулова: «Дежурный, объявить тревогу, общий сбор. 03 (мой позывной в эфире), собрать всех, кто сейчас в отделе, по дороге заехать за мной. Как понял?»

Видимо, приехав на обед, Шеф отпустил шофера. Выскакиваю к машине, сажаю попавшихся под руку помдежа и женщину - сотрудницу по делам несовершеннолетних - больше никого нет, по дороге подбираю Патрона и рву к УВД.

Там - орава, человек пятьсот. Дети, женщины с грудными младенцами на руках, бросают их прямо в руки дежурному, в одиночку пытающемуся урезонить толпу. Мужики дер-

жатся особняком, лишь сухо дают указания. И - шум, крик, хай-вай!

Мы оба в гражданке, Феликс Шаршенбаевич пробивается в кабинет, бросает на ходу: «Выясни, кто барон, буду разговаривать только с ним». Начальство знало цыганские порядки!

Толпа ж почему-то решила, что босс - я. «Да нет,- говорю, – Шеф внутрь вошел. Пусть барон зайдет, разговор только с ним будет. Безопасность гарантируем». В тот момент было важно разрядить ситуацию.

Толпа: «Нет, начальник - ты. «Пана видно по халяве!» Еле отбился. Уже позже, ради «спортивного» интереса разузнал, что означает эта фраза. Оказалось, «халява» - сделанные из хорошего хрома сапоги с высокими голенищами. В Польше, где в стародавние времена во множестве проживали ромалэ, такую обувь носили исключительно паны...

Я ж тогда был обут в самые обыкновенные штиблеты. За много лет, видимо, поговорка первоначальный смысл потеряла. И на меня накинулись просто потому, что был толще, что ли...

... Наконец, нашелся барон, что одним движением бровей успокоил баб. «Ладно, понял.

Пошли к Кулову...» Оказалось, по дороге в Ош, куда направлялись несколько семей, их остановили на посту ГАИ и, обнаружив в машине множество дефицитнейших кожаных изделий, заподозрили в спекуляции, изъяли у барона права, обязав его явиться для дальнейшей проверки в милицию. Товар не изымался, нарушений законности не было. Обязали явиться в РОВД, и все.

Вместо этого цыган связался с родным Джамбулом, поднял соплеменников и, согласно отработанной тактике, привел их качать права прямо в областной центр...

Оперативник, изъявший права, был известный ныне политик, генерал-майор милиции, тогдашний же инспектор ОБХСС лейтенант Омурбек Суваналиев. Как и положено, он сдал документы в Токтогульский РОВД и продолжал дежурство на трассе.

Как только выяснилось, что документы не здесь, барон крикнул что-то прямо в открытое окно, и толпа заволновалась вновь. Благо, там уже собралось несколько в форме. В нашу пользу подтягивалось и местное население. Последнее обстоятельство особо насторожило и табор, и стражей порядка. Могло произойти столкновение.

«Немедленно успокой своих, не провоцируй народ. Разберемся, документы вернем. Слово офицера».

Вожак поверил. Втроем вышли на крыльцо. Тот что-то цыкнул, и толпа на глазах растворилась. Как будто ее и не было. Вот это выучка!

Начальственной волей Омурбека вернули с трассы. После доклада стало ясно: доказать спекуляцию не удастся.

Документы, специально съездив в Джамбул, Суваналиев вернул. При этом передал барону наказ: «Чтоб ноги вашей в Таласе не было».

Барон поклялся страшной цыганской клятвой.

И слово, насколько мне известно, сдержал.

Париж!

...Францией грезят и сегодня. А тридцать лет назад нам, совкам, побывать там было несбыточной мечтой: «Увидеть Париж - и умереть!» Тем более уникальна история, рассказанная в начале 1980-х тогдашним вожаком таласского комсомола Наташей Ма-
раховцевой.

...Мне с детства нравился французский, я и спецшколу на нем закончила, и на инфак поступила. Замуж вышла за однокурсника, овладевавшего немецким. Получив красные дипломы, решили работать в одной школе. Министерству образования пришлось попотеть: немецкий с английским - пожалуйста. Французский + English - реже, но комбинируются. А вот два наших... В конце концов попали в самую что ни на есть глубинку - богатый таласский совхоз «Конезавод»: из всей республики только там требовались и немец, и француз.

Нас встретили как героев-подвижников, домик выделили, снабдили дровами, углем. И потянулись будни сельских интеллигентов. Среди диких гор, прекрасных людей, красавцев-скакунов. С охотой, рыбалкой, застольями. Но и трудились на совесть. Через полтора года мои периферийные школяры стали призерами республиканской олимпиады...

Тут-то меня и заметили. И пригласили на стажировку ... в Париж! В сказку, в мечту. На полгода! За это время мы с коллегами со всего Союза - из Киргизии только я одна и была - исколесили всю Францию, постигали историю, культуру, искусство. Оттачивали язык, изучая диалекты, подолгу жили в семьях.

Время летит незаметно. Перед отъездом всю ночь с Парижем прощалась, а утром - в аэропорт, в обратный путь. Через три часа - Москва, Шереметьево-2. Там вручили билет во Фрунзе. Едва в Домодедово успела... Приземлились, вдруг слышу - рейс на Талас объявляют, и местечко свободное нашлось. Прилетели, я - к друзьям: везите домой. Со-ску-чи-лась!

...Муж как раз баню топил, что мы своими руками построили. Обнялись, поцеловались - встретились, одним словом. Попарившись, вышла во двор, сельского духа глотнула, огляделась и вдруг ка-ак расплачусь... Стою, реву! Через шестнадцать часов после Парижа в «Конезаводе» оказаться. Каково?!

Пулемётчик

... Вот уж и сыну моему 28. А тогда, в далеком теперь тысяча девятьсот восемьдесят первом, узнав, что назвали его Максимом, райотделовский старшина рассмеялся: «Как мой пулемёт...»

Давно уж нет с нами Момуша Джантаева...

В парадный мундир облачался он дважды в год - 9 Мая и 10 Ноября. День Победы

и годовщину милиции чтит ветеран одинаково свято. Боевые награды заставляли отдавать аксакалу честь, почтительно уступать дорогу. Девяти орденов и медалей удостоился джигит, с «Максимом» за плечами прошагавший фронтовые дороги Белоруссии, Польши, Германии... И команды-то по-русски с трудом понимал. Но приказ «Ни шагу назад!» усвоил твёрдо. Понимал рядовой, что увидит родные горы только с разгромом врага, после последней атаки яростной, когда не надо будет больше гортанно кричать и, путая русскую речь с кыргызской, до боли сжимать рукоятки лающего пулемета...

Демобилизовавшись, Момуш вернулся в родной Талас. И, вершителю фронтовых судеб, седой, с перебитой рукой, военком сказал: «Что, боец, отслужил? Рановато. Ворьё да бандюги всякие мирной жизни мешают. Будешь с ними бороться».

Так стал Джантаев солдатом правопорядка. И ни разу не пожалел. А ведь за десятилетия службы случалось всякое - и засады, когда не только говорить - вздохнуть глубоко нельзя, и коварный, смертельно опасный враг. Одного такого, сбежавшего из-под стражи рецидивиста, распознал Момуш даже под женским

платьем: почуввав погоню, тот натянул юбку и, забравшись к родственникам, корову доить пристроился... Не помогла хитрость и матерому скотокраду, разыскивая которого сбилась с ног областная милиция. «Взял» его Джантаев благодаря отличному знанию местности, ведь еще мальчишкой облазил все ущелья окрест, наизусть знал теряющиеся в заснеженных скалах охотничьи тропки. Пригодилась и природная смекалка.

А сколько раз помогали его советы сотруddникам уголовного розыска! И только дивились оперативники, когда по указке Джантаича, как любовно звали его в отделе, находили они ворованое. Когда после разговора с ним кололись даже игравшие в молчанку «авторитеты»...

А его знание техники удивляло даже дипломированных транспортников. Чихает мотор, капризничает. «Спецы» лишь руками разводят. Подошел дед - и куда все беды девались! Урчит мотор, тянет лучше нового. А уж «оперативку», что водил старшина, и вовсе прозвали «ласточкой». Всегда на ходу, всегда «умыта» и вычищена. «Она у меня ласку любит, как девушка», - поговаривал старина...

...Четыре десятилетия служил ветеран верой и правдой. К боевым добавлялись награды за охрану порядка и заслуги в борьбе с преступностью. И весили полноценно, никак фронтовых ни меньше. Гордость за профессию старшина и молодым прививал ...

Вечная память!

Разнос

Теперь в это трудно поверить, но в «старые добрые времена» каноны общественно-политической жизни определял всемогущий ЦК - Центральный Комитет Компартии. Какие фильмы смотреть и какие книги читать - на все надо было испрашивать высочайшее разрешение. Бывало, уже отснятые художественные полнометражки, на которые ушли миллионы, десятилетиями лежали на полке, потому что не понравились одному единственному ответственному за идеологию цековскому «чудаку»...

ЦК утверждал тематику монументальной живописи и художественных полотен, эскизы улиц и зданий, расцветку и количества горошин на новых тканях, обертки для конфет фабрики «Красный Октябрь». К одной республи-

канской дате фрунзенский Шампанвинкомбинат, что тогда был известен на весь Союз, готовил новый сорт вина. Так даже тару, ее размеры, цвет и дизайн следовало утвердить в верхах. Не говоря уже о вкусовой палитре самого производного виноградной лозы.

Нести пустой сосуд не принято. По установленной процедуре, бутылку, чтоб было видно, как будет выглядеть конечный продукт, наполнили подкрашенной сладкой водой - точно под цвет будущего содержимого, фирменно закупурили. Вино ж доставили в отдельном графине.

«Самого» на месте не оказалось, бутафорию и хрусталь вручили секретарше. Кто ж знал, что хорошо знакомого с процедурой вельможу недавно сменил молодой карьерист, ничего в этом деле не смыслящий?!

... Назавтра «на ковёр» вызвали руководство шампана. «Воры, мерзавцы! Вы даже в ЦК умудрились фальшивку подсунуть, а простой народ вовсе травите!» Не дав рта раскрыть, после разноса уважаемых специалистов просто выставили из кабинета. Главного технолога с острейшим гипертоническим кризом тут же увезла «Скорая»...

Как рассказала все та же вездесущая секре-

тарша, графинчик «всезнайка» продегустировал сам. К бутылке ж пригласил приятеля, зава соседнего отдела. Ну и угостил того ... сахарным сиропом.

Попортив здоровье, заставив изрядно по-нервничать и написать унизительные объяснительные, от виноделов отстали. Извиниться ж и не подумали.

ЦК. Не принято...

Конфискация

История эта случилась тридцать лет назад. С учетом срока давности, пришло время её рассказать...

...Следственная практика заканчивалась, я самостоятельно закончил семь уголовных дел и был вполне доволен собой. Да и начальство грозилось написать благодарственное письмо в школу милиции. На этом благодушном настроении и поймал меня Наставник:

«Слушай, коллеги из Главка помощи просят. Они хищение крупное расследуют, Кодекс конфискацию имущества предусматривает. Следователь все описал, но решение, как ты знаешь, только суд принимает. Ну а тут информация прошла, что подозреваемый все добро перепря-

тать хочет. А поскольку живет он на нашей территории, начальство поручает нам все изъять и сдать под охрану. Надо спешить, к операции приступаем сегодня ночью. Твоя задача друзей, чтоб помогли, позвать и транспорт обеспечить. Почему ночью, спрашиваешь? Да чтоб не проследили, куда вещи вывезем...»

Польщенный доверием, собрал приятелей. Через отца одного из них, большую министерскую шишку, добыл грузовик, куда всю ночь грузили и развозили по разным адресам скарб - пятнадцать бортов одной только мебели и один - хрустальных люстр! А утром, смертельно уставших, Наставник вкусно угостил, наградил каждого червонцем - хорошими по тем временам деньгами, и развез по домам...

И лишь через пять лет, когда я слыл уже твердым профессионалом и встретился с ним на каком-то совещании, Наставник за кружкой обеденного пива заговорщически спросил, помню ль я, как мы Генеральную прокуратуру вокруг пальца обвели?

И поведал, что «скарб» тот на самом деле принадлежал его родственнику, проходящему по скандальному в те годы хищению из общепита в особо крупных размерах. И так хорошо мы его заныкали, что целая свора судебных ис-

полнителей до сих пор, дескать, ищет, хоть шурык вот уже четыре года на лесоповале...

С наставником не общаюсь вот уже двадцать пять лет.

Изложенное прошу считать явкой с повинной и чистосердечным признанием одновременно.

«Лох-Несс»

Будучи начальником областного утго, дежурил как-то ответственным по управлению. Только собрался вздремнуть - звонок: «Товарищ майор, тут заявители. Мы б и беспокоить не стали, но они странные вещи рассказывают. Может, выслушаете?»

В кабинет вошли трое просоленных мужиков. Лица обветренные, руки - в мозолях, - настоящие морские волки! И точно - рыбаки промартели, тогда еще рыбка на Иссык-Куле водилась...

Сели, мнутя. Наконец, старший решил: «Вот уж год, начальник, повадился кто-то нашу рыбу воровать. Да прямо с сетями, а они стоят немало... Мы взялись было проследить... Похоже, чудище в озере завелось, прямо с глубин появляется. Зря, начальник, смеешься...»

Я действительно улыбнулся. Апрель - время, когда - это вам любой психиатр скажет - у людей с «неустойчивой психикой» весеннее обострение начинается. И бредят они летающими тарелками, снежным человеком, пришельцами. Эти вот с чудищем морским поделись... Посоветовав меньше пить, избавился от докучливых посетителей.

Назавтра «достал» коллега-сыщик. Земляк рыбаков давешних, тот давай канючить: «Шеф, съездим, посмотрим, а?! Места там красивые, ущицей наваристой угостимся. Да и я очки пред сельчанами заработаю». Ну как тут откажешь!

В свой выходной прибыли в Джеты-Огузские затоны, одно из самых диких на побережье мест. До жилья ближайшего - километров двадцать. Избушка рыбацкая, лодки сушатся, сети развешаны. Кругом песок да камни, всю ночь филин зловеще ухал...

Спозаранок уже на моторке. Едва минули поросшую облепихой косу, в туман носом зарылись. Густой, как сметана базарная, руки вытянутой не видать - настоящий «Солярис»!

Хозяева дело знали. Ближе к сетям подошли, мотор заглушили, груз сбросили. Стоим, ждем. Ни зги не видать, и тихо. Даже волна не

плещется. Нутром почуял - движется что-то. Бесшумное, огромное, неотвратимое. Прямо из тумана...

«Стой, стрелять буду!!!» - взвыл подчиненный. Нервы сдали! Рвет «Макара» из кобуры, передергивает - ба-а-бах! Хорошо в воздух. «Ща, мля, стрельну!» - в ответ. В глаза - резь прожектора...

Тру очи. Пред нами - военный корабль. С пушкой и пулеметами на борту. Авианосец, линкор! На Иссык-Куле, откуда?! На борту тени мелькают. Раздался свисток, команда, и «Летучий голландец» растаял в тумане. Прихватив, впрочем, сети с уловом.

Очнулись. Рыбаки расстроено просветили: «Тут моряки военные неподалёку стоят, самой Москве подчиняются. Плакала утварь наша. У местной власти на них нет управы».

Утром докладываю начальнику УВД. Тот недоверчиво косится, даже принохивается. Позвонив куда-то, повеселел, велел бумаги оформить, заявление отобрать. И в обком партии, самый главный тогда в области орган, доложил. У партийцев, как позже выяснилось, с моряками конфликт давний был. Те местных действительно не признавали. И наш «рейд» для обкома был как нельзя кстати.

Шум поднялся нешуточный. В Пржевальск прибыл военно-морской следователь, капитан первого ранга. Виновных нашли, ущерб восстановили. «За счет Военно-Морского Флота СССР» - гласило постановление...

Судьбу определил ... «Макаров»

В 1988 году в рамках очередного административного эксперимента Иссык-Кульская область объединилась с Нарынской. Территориальное образование это заняло сорок девять процентов территории республики. Меня, тогдашнего начальника областного уголовного розыска, друзья в шутку еще долго звали «Мистер 49»...

По существующим правилам главный сыщик обязан был лично участвовать в раскрытии серьезных, резонансных преступлений. И, поскольку область из конца в конец - более тысячи километров, а криминальная обстановка в связи с возросшей миграцией обострилась, мотались мы тогда крепко, практически жили в машине.

Но и обучали коллег по-настоящему. Стреляли, к примеру, не в тире, а в «обстановке, приближенной к действительности» - в горах,

с двух рук «по-македонски», прямо из машины на скорости. Отрабатывали рукопашный бой.

Действовала и школа оперативного мастерства, всерьез изучался опыт ветеранов, выпускались бюллетени, достоянием гласности становился механизм раскрытия каждого серьезного преступления. И это давало результаты.

Особо заботились о молодых сотрудниках. За каждым закреплялся наставник, я лично побывал дома у каждого новичка УР. Беседовал с родителями, женами, рассказывал о специфике работы, важности нашей службы. И домашние невольно проникались уважением к профессии.

... В Ак-Талинский РОВД, где тогда была лишь одна штатная единица сыщика, назначили молодого выпускника школы милиции. Умелый, теоретически подкованный, тот быстро завоевал авторитет, поставил себя. Особо ж поднаторел в раскрытии скотокрадств. Опыт лейтенанта изучался и пропагандировался по всей области.

И тут перспективного офицера заметили ... в службе по борьбе с хищениями социалистической собственности, БХСС. Той самой, что, согласно популярному в те годы милицейско-

му слогану, «сладко спит и сладко ест...». И, суля всякие блага, коими в уголовке и не пахло, давай перетягивать парня к себе...

Поддавшись, тот написал рапорт о переводе, который мне предстояло завизировать. Признаюсь - жаль было терять хорошего опера, да и вложили в него немало. Решил побеседовать лично, поехал в Ак-Талаа.

«Конкуренты» потрудились на славу - лейтенант стоял на своем несмотря на все мои аргументы... И тогда, цепляясь за соломинку, предложил я вверить судьбу ... пистолету Маркарова...

«Хорошо, поехали постреляем. Пусть всё решит мишень. Обстреляешь - подпишу рапорт, а нет - остаешься в угро. Идет, офицер?» Отказаться по тогдашним понятиям было невозможно...

Стрелял я разве что не плохо, лейтенант же стрелком слыл отличным. Наверное, легко согласился еще и поэтому. Вышли мы на безлюдье, достали «табельные»...

... Короче, обстрелял я его. Всего на пару очков, определивших дальнейший путь Бакыта Джусубалиева. Пройдя все ступени, стал он со временем начальником Главного Управления республиканского уголовного розыска,

полковником, членом коллегии МВД Кыргызстана.

А еще говорят, «пуля - дура»...

«Шоу тайм»!

... В начале 1990-х, на заре независимости, дипломатию по инерции еще творили профессионалы. А потому к протокольным мероприятиям, как и ко многому другому, готовились всерьёз. Так, незадолго до первого визита главы государства в Германию, к нам прибыла съемочная группа CDF - самого популярного тамошнего телеканала. Чтоб рассказать зрителю о далекой стране, чей Президент готовился к «евросмотринам».

Побывав на благословенном Иссык-Куле, подсняв горы, красоты природы, проинтервьюировав череду госмузей, телевизионщики обратились к волнующей всех теме борьбы с наркобизнесом. Решили таким вот образом показать «визитку» Кыргызстана, набиравшего известность своей последовательной антинаркотиковой позицией.

И я, тогдашний руководитель Службы по борьбе с наркобизнесом республиканского МВД, получил карт-бланш - «бери все, что

нужно, делай, что хочешь, но чтоб все было в лучшем виде!»

Дело было в мае, и дикорастущую коноплю (ни опий, ни тем более героин в наши пределы тогда еще не дошли) - сырье для изготовления качественнейших гашиша и марихуаны, – можно было встретить только на юге. Куда в сопровождении пятерки камуфлированных спецназовцев, кинолога с двумя собаками и троих сотрудников Службы мы и направились.

Съёмочная группа просилась снять наркополя, милицейские рейды и задержания. Экзотики было вдоволь! Подтянув местных и устроив облаву в сплошь поросших каннабисом токтогульских урочищах, взяли парочку «гонцов» из Узбекистана. На блок-посту у Кара-Куля задержали перевозчицу, что преспокойно везла 15 кг «травки»! В областном УВД сняли хранилище изъятых наркотиков - до этого в «святая святых» не только иностранных, но и вообще журналистов не допускали. Помножьте все это на южное гостеприимство - сказать, что гости были довольны, ничего не сказать...

Пролетела неделя, тронулись в обратный путь. На Суусамыре ПАЗик застрял в овечьем

половодье - отары шли на джайлоо. У гостей родилась вдруг идея: «Алекс, до отъезда у нас - сутки. Хотим отблагодарить вас за все. Давай сейчас купим барашка, внизу - водки и все вместе отпразднуем удачно сделанную работу. Только условие: за все платим мы...» Попытались возражать - гости настаивали и вроде даже обиделись. Черт их, европейцев, разберет! Чтоб снять напряжение, согласился.

Торгуемся с чабанами - безрезультатно. На удивленье, не хотят продавать, и все тут! Лишь третий сообщает: «Продать-не продам, сейчас с этим строго, считают. Но вот козел, что отару вел, ногу что ль подвернул, отстал. Поймаете - берите за так»...

Зачем нам козёл? Ладно, чуть что - сменяем. А нет - тоже мясо. Тут уж и самого бедолагу видно, идет, хромает... Осторожно так тормозим, выпрыгиваем из автобуса. Животное чутко останавливается, смотрит недоверчиво. Чуть шаг - козел наш в гору! И ну с камня на камень!

Как так, ведь явно хромой! В азарте спускаем собак. Догоняют, бородатый грозит рогами. Овчарки заливаются, пытаются укусить. Чуть ребята мои приближаются, козёл - ходу! И так - несколько раз...

Я снизу кричу, руковожу, значит. Глядь, немцы камеры расчехлили и чуть не падая со смеху, всю снимают. Рассвирепев, команду «пли». Спецназ мой мажет напропалую, телевизионщики, надорвав животы, уже просто лежат, но камеры из рук не выпускают...

Тут поравнялась очередная отара. Вручив изрядно поддатому чабану пятьдесят рублей, прошу помощи. Мгновенно оценив ситуацию, ковбой, дав лошадке камчи, с петлей наперевес, улюлюкая, скачет ввысь. На ходу кричит, чтоб собак отозвали.

Через полчаса привел-таки заарканенное травоядное. Присмотрелись - никакой не козёл это, а коза, да еще на сносях!!! Надо ль говорить, как веселились оператор сотоварищи?! Бравый ж спецназ очей не поднимал. Собаки, и те в глаза не смотрели...

Кое-как загрузившись, с шутками спустились в Сосновку. Тут немцы с непонятным проворством мигом сменяли козу на упитанного барашка. Водки ж взяли уже в городе, и прям на питомнике, среди собачьего лая, нетрезвый, я взял с них страшную клятву: за козла, попади он в эфир, ответят!

... Репортаж, половину которого составили «вести с наркополей», показали по всей Ев-

ропе. Президент был доволен. Мы получили благодарности от министра. И бандероль из Бонна с подлинным видео о подробностях «козлиной охоты», что надежно хранится в личном архиве...

Шторм

Пять долгих лет служил дядька на Северном флоте. Дважды был в кругосветке, повидал всякого. После дембеля женился. Супруга уж мединститут заканчивала, по распределению попала на Пристань-Пржевальск, что на Иссык-Куле. В амбулаторию. Времена были строгие, куда направляли, туда и ехали...

Дядька за половинкой увязался. Это потом уж он большим начальником стал, а тогда, на пальто не скопивши, щеголял во флотском бушлате. Шёл по поселку как-то, тут - пристанское начальство: «Морячок, что без дела болтаться?! Приходи в контору, покалякаем...»

И то правда - пришел. Предложили матросом на буксир, что баржи по озеру таскал. Из Пржевальска сплавливали всякую всячину, назад же, из Рыбачьего, доставляли уголь. Два дня - туда, два - обратно, день на загрузку...

Платить обещали неплохо. Но гонор флотский не соглашался! Меня, старшину второй статьи, волка морского, - да на баржу?! Озеро, оно, конечно, красивое. Но уж мало больно! Сослуживцы прознают - стыда не оберешься...

Два дня думал, с женой советовался. Та: «поступай, как знаешь...». В конце концов, согласился. Загрузились тарой пустой - в путь! Солнце, воздух, Иссык-Куль! Тишина, блаженство. Не служба - мёд! Два дня пропьянствовал - «чтоб флот не опозорить»...

А на обратном полпути море неожиданно вздыбилось. Поднялись, столкнулись два ветра, враги извечные, Улан да Сан-Таш. И вновь, в который уж раз, давай выяснять, кто хозяин сих мест. Да так, что небо - с копеечку: акватория малая, волны облака цепляют! Баржа что щепка - на попу, груз - за борт. Девятый вал!!!

...Стих шторм, как и начался - вдруг. Только пристали к берегу, матрос - деру. Даже за расчетом не пошел. С тех пор с Иссык-Кулем - на Вы...

Калмык

... Среди сокурсников по Академии МВД выделялся один. Уже одно имя чего стоило! Заметно старше нас, эрудит, великолепный шахматист, он притягивал дружбу. Родом из Элисты, неторопливостью и широтой души Людовик буквально олицетворял бескрайние калмыцкие степи...

В Москве тогда уже начали говорить об этнических преступных сообществах. Как-то на занятиях по криминологии, что вел молодой и раскованный, насколько позволяла эпоха, доцент, затронули кавказские группировки. Отметили, что сила их в сплоченности, многочисленных диаспорах, ксенофобии. В дебатах упомянули, что преступная клановость, очевидно, закалялась в ходе насильственного переселения, когда приходилось выживать несмотря ни на что...

В дискуссии создалось впечатление, что народы-изгои и, в первую очередь, насильственно интернированные обречены на организацию по мафиозному стилю. Замкнутые, демонизированные, оболганные, они в силу обстоятельств, якобы, вынуждены были жить

на криминальный манер. И сохранили его в наши дни.

Тут встал Людовик. И потряс своей историей: «Родился я в декабре сорок второго, в глухой сибирской деревушке. Нас, калмыков, тогда тоже в пособничестве Гитлеру заподозрили. Мужчины воевали, а женщин, стариков да детей, даже не дав собраться, в не чищенных скотских вагонах погнали в Сибирь. Народ мы раскосый, и среди селян неграмотных еще и слух распустили, что свозят, мол, сюда людоедов...

Мама мною вот-вот разродиться была должна, с большим животом ходила. В дороге ее все оберегали, а тут высадили на снег на полустанке таежном, построили в колонны по трое, окружили винтовками наперевес да овчарками, и - шагом марш в тайгу!

Холод, голод, безлюдье. В немногочисленных встречных селениях замотанные до глаз бабы выходили с кольем да вилами, детей прятали, волкодавами травили. Еще бы - каннибалов ведут! Никто куска хлеба не подал. На перекурах охрана сажала людей на снег, окружала. Через полчаса - подъем, и дальше. На очередной остановке мать тихо осела в сугроб, через пять минут я на свет появился. Колонна дальше пошла, мы здесь остались.

Конвой не верил, что выживем. Потому и бросили в ближайшем зимовье. Продуктов на несколько дней дали. Мама моя в Калмыкии учительствовала, историком была. Потому и назвала Людовиком. Имя это мне потом еще долго аукалось! А спасли нас ... латыши. Их еще до войны сюда выслали. Прознав о случившемся, пришли с санями и нас к себе вывезли. Так всю войну вместе и прожили. И с местными сдружились, мать детишек даже грамоте потихоньку учила. Тем и жили. На родину попал уже пятнадцатилетним...

Зачем рассказал все это? Да раззадорили вы меня... Никто из наших тогда преступниками не стал и мафии не создал. Да и среди латышей, чей язык, кстати, я и сейчас помню, такого не наблюдалось».

Вот и думайте...

Трехсерийный зоодетектив

... Старожилы-бишкекчане хорошо помнят «каменные ряды» на месте нынешнего цирка, вереницу купеческих магазинов и складов, брусчатую мостовую. Рядом - большой базар, автостанция - шум, многоголосье...

Почти каждый год из Алма-Аты ли, из Ташкента или самой Москвы сюда приезжал зверинец. Приезжал в разное время - и зимой, и летом. И смотреть в июльский зной на беспрерывно мотающих головами и брызжащих пеной из вечно разинутой пасти медведей или ежившихся в январскую стужу мартышек было, честно говоря, жалко. Но детвору со всего города тянуло сюда магнитом. И ревела очередь пострашнее вечно голодного, облезлого льва, когда какой-нибудь пострел пытался пролезть в обход!

Потом пару лет зверинца не было, а как-то осенью в начале шестидесятых он появился вновь - платформы на колесах, решетки чугунные с «петухами», да и звери не такие заморенные. Парадом командовал сторож Федя. Он, как сейчас говорят, был универсалом - сам и зверей кормил, и территорию мёл, и билеты отрывал, и на очередь успевал рвать. И выпивал один за троих, шибко уважал это дело.

Любимцем детворы сразу стал бегемот Базилио, появившийся у нас впервые. Осень выдалась теплой, и заморский гость целыми днями сидел в своем корыте, отдуваясь и пофыркивая.

В середине ноября запырило, по ночам подмораживало. Бедным животным согреться было негде, зато Федя старался за всех: с утра под мухой! А однажды вечером он, как потом объяснял участковому, устроил зверям ... амнистию. Взял да и открыл несколько клеток. Хорошо, что не опасными оказались «амнистированные» - як, косуля и олень Аржик так и не ушли за ограду. А льва Федя выпустить не успел, вырубился. Зато Базилио, воспользовавшись нежданной свободой, выбил плохонькие ворота и, протиснувшись еле-еле, побрел себе в город...

На «02» сначала рассердились: звонит пьяный и несвязанно лепечет о любви к братьям меньшим. Холодно им, дескать. Но после второго звонка опергруппу в зверинец все же направили.

В ту ночь дежурил молодой кинолог Валентин Белый. К собакам питал большую симпатию, возился с ними с самого детства, а вот в милиции был пока новичок. В своем Шайтане был уверен, успел проверить в деле. Но, узнав, кто «клиент», призадумался.

Прибыв на место, постарались определить направление движения беглеца. Сделать это было не сложно - покрывший брусчатку лег-

кий снежок, которому предстояло растаять при первых солнечных лучах, буквально пестрел экзотическими следами. По ним и пошла собака.

По Советской бегемот спустился вниз до пересечения с улицей Ленина. А дальше резко свернул и двинулся на запах - растекаясь по всей округе, аромат от бисквитной фабрики заставлял то и дело сглатывать слюнки. Не избежал соблазна и толстокожий гиппопотам. Подойдя к железным воротам «Бисквитки», он пытался открыть их испытанным способом - бил лбом о сталь и тихонько «мычал», судорожно водя носом. Цитадель не поддавалась, бегемот потихоньку зверел, а шел уже пятый час - пора появиться первым прохожим.

Базилио поглядывал на опасно державшихся в отдалении милиционеров поблескивающими в свете уличного фонаря порослячьими глазками, но уходить явно не собирался. Шайтан буквально хватал его за пятки - никакой реакции. Бросали снежки, осмелев, подстегивали хворостиной - эффект тот же. Не выдержав, шофер дежурки попробовал подтолкнуть капотом. Осторожно подкравшись, новёхонький «газик» попытался сдвинуть зверюгу. Не тут-то было: гора мяса с лег-

костью, которой никак не ждали, резко развернулась и ударом морды буквально смяла капот... «Что шефу скажу, - вопрошал растерянный водила, - джунгли здесь, что ли? Сегодня бегемоты, завтра носороги, машин не напасешься!»

Надо было что-то решать. И тут оклемавшийся «виновник торжества» дядя Федор вдруг вспомнил: «Мужики, он арбузы любит. За ними на край света пойдет». Сначала посмеялись - зима на дворе, откуда арбузам взяться? Потом задумались - другого-то выхода нет?! Долго ли, коротко ль - нашли. Подцепили к мотоциклу, повертели перед огромным носом - поехали. Бегемот трусил следом, на ходу ловко подбирая сладкую мякоть. Четыре арбуза - цена перегона «бисквитка - зверинец». Пятый швырнули в бассейн, куда на радость всей опергруппы, хоть и нехотя, но плюхнулся Базилио.

Была половина седьмого. Снег перестал. Заканчивалось и суточное дежурство. А Валентина, как и давешнего шофера, мучил один вопрос: как составить акт о применении служебно-разыскной собаки и что вписать в графу «вид правонарушений»?!

XXX

Трудно поверить, но примерно через месяц, во время дежурства Валентина и опергруппы в том же составе, с территории зообаза «ушел» снежный барс - илбирс. За ними потом на много лет закрепилось прозвище «звероловы». Но это сейчас смешно, а тогда, после осмотра места происшествия, было, мягко говоря, не до смеха. Легко разогнув толстые железные прутья, «кошка», способная запросто сломать бычий хребет, вышла в город...

Это было уже настоящее ЧП. Спешно формировались и экипировались группы захвата, в небе завис вертолет, по тревоге в оцепление поднимались воинские части.

...Шайтан тем временем взял след. От зообаза он повел вверх, к горам. Видимо, вначале зверь решил вернуться домой, но спугнул запах бензина, проезжей части. И он свернул к реке, в лесопарк.

Охотники-промысловики, видя, что собака работает и держит след, не отставали и просили лишь об одном - не стрелять. Иначе они лишатся крупных премиальных от американского зоопарка, заказавшего трофей. «Посмотрим, посмотрим, - на бегу соображал Ва-

лентин, - жить-то хочется...», и на всякий случай взвел табельный ПМ. Увидев, лягнул затвором и напарник-автоматчик. Пуще прежнего взмолились охотнички!

И тут Шайтан остановился. Встал, как вкопанный, а затем лег и, пряча глаза, тихо заскулил. Потом уж узнал Валентин о передаваемой хромосомами информации, накопленной предыдущими поколениями. А тогда, догадавшись, что барс где-то рядом, удивился: месяц тому собака буквально «загрызала» здорового бегемота, а тут... Все очень просто: гены предков передали собаке боязнь перед огромной «муркой», не раз приходилось им встречаться раньше. А гиппопотама они не видели никогда, и потому-то Шайтан кидался на него, не ведая страха.

Оставив пса, люди осторожно двинулись вперед. И тут явственно увидели огромные кошачьи следы. Их размер внушал страх. И хотелось палить на каждый шорох, и только присутствие гражданских сдерживало.

За ближним кустом мелькнули два изумруда. Дикая рев и огромное, в полнеба, распластавшееся прямо над головой пятнистое кошачье тело! Какой там стрелять - Валентин без ног рухнул в снег.

...В воздухе мелькнула сеть промысловиков. Запутавшись, барс свалился прямо в ноги. Его, отчаянно изворачивающегося и рычащего, придавили рогатинами и стянули сыромятными ремнями.

Навсегда запомнил милиционер взгляд зверя. Его безумный злобный оскал.

xxx

...Неожиданный вызов к начальству ничего хорошего не сулил. Оставалось надеяться на благодушное послеобеденное настроение. И точно - обошлось. Вот только полученное задание было не совсем обычным. По двум цифрам госномера предстояло найти грузовик, на котором вчера двое вывезли завернутое тело и зарыли его. На все - про все - сутки. Такова воля начальства.

Начать следовало с опроса очевидца. Работал тот на железке, шоферил в одной из транспортных контор. Встретил с тревогой, чем сразу насторожил. Хорошо, все быстро прояснилось - в обеденный перерыв парень с подругой на служебной машине выехали на водохранилище. А там - такое. Сам-то он молчал, да вот девушка проболталась!

Пришлось рассказывать. Только-только расположились, как неподалеку тормознул ЗИЛ. Несмотря на сильный дождь, двое, не торопясь, влезли в кузов, достали лопату и большой сверток. Несли его осторожно, на полусогнутых руках. Труп закопали под деревом, постояли, затем сели, «помянули» как следует, и не спеша, поехали. Невольных наблюдателей не заметили. Перепугавшись, те забыли, зачем и приехали! И - скорее в город. Хорошо, что номер запомнили...

Через ГАИ машину нашли в комбинате благоустройства. Водитель лет 55-ти был явно удивлен: «Чего, из уголовного розыска?» Но разобраться не отказался. По дороге молчал, соображал что-то.

Про дело заговорили не сразу. Следуя тактике, кружили вокруг да около. Улучив момент, вопрос ребром: что делал там-то, авария была? Шофер (вот он, «момент истины!») сначала как-то съёжился, вмялся в кресло. Потом - как прорвало: «Да вы что?! Собака наша померла, Бим. Двенадцать лет с нами, членом семьи стала. Погоревали, решили похоронить «почеловечески». Отвезли с сыном на озеро, там и зарыли. На дерево еще для памяти ленточку привязали. Вот и все. Какая такая авария?!»

Проверяли ночью, при свете фар. Все сошлось, и даже полинявшую под дождем ленту нашли.

Долго смеялся начальник. Но поблагодарить молодого сыщика не забыл. И даже руку пожал. А такое случалось не часто...

Экстрасенсы

... В середине восьмидесятых популярностью московской публики пользовался некто Сокол - артист, экстрасенс, импровизатор. Попасть на его представления было невозможно, спас случай: в Академии МВД учился майор из МУРа, что когда-то раскрыл кражу из квартиры маэстро. Он-то и пригласил Сокола в альма-матер.

На концерт собрались семьями. Начав с простого, искусник покидал зал, просил спрятать вещь, находил ее с помощью «проводника» - очевидца, в сущности подменяя детектор лжи. Демонстрировал телекинез, телепатию. Детям нравилось, взрослым - не очень. И тогда...

Уловив апатию, Сокол пошел ва-банк. Идя меж рядами, он брал в руки ваш носовой платок, расческу или прочую мелочь и просил

загадать любые запахи. В зависимости от их распространенности и, скажем, популярности, вещь благоухала то резче, то мягче. Когда кто-то из пацанов назвал «Шипр», его почувствовали в самых дальних углах актового зала в тысячу мест...

«Массовый гипноз?» - спросил мой сосед, рафинированный начальник следственного отдела из Риги. «А вот мы сейчас проверим». И, когда кудесник оказался вблизи, Альгис протянул брелок и прошептал: «Дипломат...»

«У Вас хороший вкус. Запахи этой серии неповторимы. Но попробуем...» Напрягшись, экстрасенс глубоко втянул воздух, поднес брелок к носу и вернул Альгису. Принюхавшись, тот отрицательно мотнул головой. Мастер повертел вещь и вновь протянул брелок хозяину. Глаза у того расширились - «он!»

На всякий случай я тоже нюхнул брелок. Тончайший, ни с чем не сравнимый аромат. По сей день иногда ощущаю его, но ничего подобного не нашел, хоть парфюма всякого вокруг - в изобилии.

Поняв, что происходит нечто экстраординарное, зал потребовал объяснений. И Альгис со сцены рассказал, что на знаменитой в те годы парфюмерной фабрике «Дзинтарс» есть

небольшой цех, готовящий запахи индивидуально. Привозят туда, скажем, посла, которому предстоит вручать верительные грамоты Парижу, Вашингтону или Риму. И, основываясь на его индивидуальном и недоступном непрофессионалу амбре, чертах внешности, особенностях характера, алхимии выколдовывали его собственные духи. В единственном экземпляре, неповторимые...

Занимаясь каким-то расследованием, рижанин раз навсегда перекрыл утечку драгоценных ингредиентов с фабрики. А поскольку наиболее заинтересованным в таком результате оказался именно «колдовской» цех, в награду ему произвели персональный флакончик. Альгис пользовался им раз в год, по самым серьезным случаям. В Москву ж с собою вообще не привез...

... Под впечатлением, на следующий день атаковали мы преподавателя марксистско-ленинской философии. Как объяснить такое?! «Материя бесконечна. И это - одна из форм ее существования, науке пока еще неизвестная. Так же, как еще совсем недавно невозможными казались биополя, тот же телекинез. Придет время, узнаем».

Дожить бы!

... Перед самым распадом Союза довелось разрабатывать Закон о детективных агентствах. В России такой уже действовал, было чему поучиться. А потому приглашение на семинар в Питер пришлось как нельзя кстати.

Под занавес устроители привели вдруг ничем, казалось, не приметную женщину. И та рассказала, что она - штатный правительственный экстрасенс из секретной научной лаборатории, где их было 12. Людей с необычными способностями в Ленинград свозили со всего Союза. По тайным методикам с ними работали профи, помогавшие эти наклонности развивать. «Помните жалобы Каспарова, как во время матча на шахматную корону его из зала «нейтрализовывали» экстрасенсы? Гарри нанял представителей западной школы, чтоб противостоять нам», - с гордостью заявила гостья.

А дальше она рассказала, что в связи с бардаком и общей неразберихой лаборатория временно не финансируется, их всех рассекретили и перевели на вольные хлеба. А тут еще и конверсия... Короче, она сейчас работает на частные сыскные структуры. Украл, скажем, произведение искусства. Иль без вести пропал человек - она может помочь. При

соответствующей оплате и соблюдении некоторых правил.

«Верующие называют ЭТО «душой». Если исчезнувший погиб, то «субстанция» особенно резко проявляется в его доме первые 7-9 и, чуть слабее - до сорока дней. Вот почему в большинстве религий тризны устраиваются именно в эти сроки. Чем раньше обратятся ко мне, тем лучше. Нужна последняя фотография пропавшего, желательно что-то из его вещей и одежды, и тогда контакт гарантирован. Сложнее, если прошло много времени. Бывает, с момента исчезновения проходят годы. Тогда надо действовать в день рождения - бывает, душа возвращается в родное гнездо. Но гарантий в этих случаях я не даю. Но пробую. И еще. Я не знаю, как это получается, не смогли установить этого и наблюдавшие нас в лаборатории ученые. И язык, на котором общаемся мы с объектом, в этом мире, по-видимому, не существует.

Как-то обратился ко мне председатель колхоза из Узбекистана. Пять лет тому на учениях под Ленинградом пропал без вести его сын, военнослужащий. Отец был со связями, денег не жалел, а потому за эти годы на месте предполагаемого исчезновения прочесали,

казалось, каждую балку, заглянули под каждый камень - тщетно. За такие задания браться мне еще не приходилось, 5 лет всё-таки... Уговорили, прилетела я в Бухару.

Набираясь впечатлений, бродила по древнему городу. Может, аура помогла иль еще что, но в день рождения солдата контакт не смотря ни на что состоялся. Сигнал, хоть и слабый, прошел. Но даже голоса бедняги слышно не было. Смутно вижу его лицо, над которым все время всплывает химическая формула воды. Крупно так ее периодически сменяет формула ... алюминия. К чему бы? И как родителям объяснить?!

Рассказываю всю правду. Вижу - не верят, глядят как на блаженную. Но гонорар оговоренный заплатили, назад отправили. Отдохнув, наняла я машину, раздобыла карту-трехверстку и начала объезжать все означенные на ней водоемы, пусть даже и лужи зловонные...

Прошла неделя. Подумывала уж бросить занятие бесполезное, как в одном заброшенном поселке - есть такие под Москвой и Ленинградом, до столиц - километров 20, а в них - ни дорог, ни воды, ни подчас электричества стабильного, - как на другой планете - натыкаюсь на колодец заброшенный. Старожилы,

старухи дряхлые, поясняют, что давно уж забыли о нем.

Меж тем именно там, на засохшем дне, с алюминиевым двадцатилитровым кухонным бидоном за плечами, нашли скелет солдата нашего с проломленным черепом. Служил тот при кухне, вот и отправили бедолагу, что и по-русски то говорил плохо, на позиции с борщом. Тот, как позже установили эксперты, на колодец наткнувшись, напиться решил. Журавль колодезный не работал, нагнулся служивый, чтоб ведро вытянуть, бидон со спины на плечи сдвинулся да и перетянул в сруб. Череп раскроил о выступ деревянный, его потом тоже нашли. И умер практически мгновенно...»

Мы замерли, переваривая. Развивая успех, экстрасенса, распалившись от рассказанного, еще одну историю выдала...

«Уже на днях приходит подруга, вся в слезах. Пропал муж, дальнобойщик. Повез груз на Урал, пару раз на связь вышел и - молчок. Раньше такого не было, правила - каждый день связываться - в семье той многие годы свято придерживались. И любили друг друга, так что об измене и побеге и думать не следовало.

То ль оттого, что обратились в первую неделю, то ли что знала я пропавшего хорошо, контакт у нас состоялся быстро, при видимости хорошей. Вот только все время пытался он отвернуться, лицо спрятать. И поза была неестественной. «Остановился по нужде, а когда возвращался, машина встречная сбила. Пьяные они были, и, чтоб следы скрыть, еще живым меня в степи глухой закопали...» «Где, как найти тебя?». Визави мой вдруг на крик перешел: «Не надо искать, покалечен я страшно, огромную травму родным нанесу. И ты не тревожь меня больше, слышишь!» И, уже удаляясь: «Скажи Марии, чтоб сына во вторник на тренировку не отправляла, не забудь!» С тем сгинул...

Девятилетний Игорек спортивной гимнастикой занимался. В зал он тогда не пошел. Там, выстроившись по росту, ребята к турнику подходили, «солнце» крутить. Когда вертел тот, что в ряду стоял на месте Игоря, железная перекладина вдруг лопнула! Физики называют это «усталостью металла», шансы, что такое случится, ничтожны. Мальчишка меж тем позвоночник сломал, на всю жизнь инвалидом остался...»

... Обменялись визитками, и в сопровождении старшего гостя, наконец, удалась. На-

чались разговоры, народ заспорил. Нашлись коллеги, что уже обращались к ней, и остались довольные результатами. Вскоре и сопровождающий, оторопелый какой-то, вернулся. «Не знаю, стоит ли и рассказывать. Ну да уж ладно, рискну. Прощаясь, экстрасенша мне и говорит: «Чтоб ваши поверили, передайте им, что в августе Горбачева не будет»...

Шел февраль 1991-го. В августе случился путч ГКЧПистов, после чего первый (и последний) президент СССР Михаил Горбачев власть фактически потерял. А вскоре и Союз развалился.

Мы из Вышки

Альма-Матер

Карагандинская Высшая школа МВД СССР многие годы ковала кадры для органов внутренних дел Киргизии и Казахстана. Её выпускники прославили «Вышку» далеко за пределами Центральной Азии, трое, и среди них автор, выполняя международные обязательства Кыргызстана, служили в миротворческих миссиях ОБСЕ, ООН на Балканах, за что удостоены госнаград, отмечены медалями Организации Объединенных Наций «За службу во имя мира».

В прошлом году КВШ отмечала свое сорокалетие. За эти годы школа обеспечила свои страны министрами внутренних дел и их заместителями, милицейскими топ-менеджерами – трудягами-полковниками и счастливчиками-генералами, государственными, общественными и политическими дея-

телями, подарила людям писателей и известных ученых, больших спортсменов и крупных бизнесменов.

Многие ее выпускники отдали делу право-порядка жизни...

«Карагандинцы» разных лет достойны отдельной книги. Сегодня мы приоткрываем читателям ее первые странички.

Керя

В 1960-х «Шахтерская столица» Казахстана входила в десятку союзных городов с самой сложной оперативной обстановкой. Именно поэтому Высшую школу МВД СССР открыли не в благополучной Алма-Ате, а здесь, на семи ветрах.

«Вышку» в Караганде побаивались. Слушатели - именно так, в отличие от курсантов военных училищ, назывались обучающиеся в этих необычных тогда еще учебных заведениях - друг за дружку стояли отчаянно. И постепенно «поставили» свой авторитет в насквозь криминальном окружении - чуть что, поднимались как один. Только так.

...Вечером, привлеченные звуками музыки, трое друзей-первокурсников встретились

у Дворца культуры горняков, в самом центре города. Шёл выпускной вечер, и мальчишки, сами прошлогодние десятиклассники, замороженно наблюдали за разодетыми по случаю девушками.

Внутри не пускали, глазели в открытые окна. Вдруг - толчок в спину: «Ну-ка, дай закурить!» Тон, каким это было сказано, сомнений не вызывал. Троице противостояли пятеро в общем-то взрослых плечистых парней, с «подкрашенными» въевшейся угольной пылью ресницами. Шахтеры...

... Дрались яростно, прямо среди праздничной толпы. Молча падали, вскакивали, вот уже хлынула первая кровь. Раздались милицейские свистки и, поскольку скандал не нужен был ни тем, ни другим, рванули в разные стороны.

В школе, зализывая раны, обо всем рассказали сокурсникам. Внимательно выслушав и не найдя нашей вины, решили «разбираться». Учившимся с нами карагандинцам поручили вычислить «Керю» - так хулиганы называли главного.

Скоро дознались, что он - тренер по боксу, вел секцию в спортивном клубе «Шахтёр», сам до недавнего времени углекоп. Хорошо изве-

стен в своей среде, авторитет. Разборка обещала быть нешуточной...

По случаю летних каникул спортивный зал общества был закрыт. И потому, сменяя друг друга, в центр по вечерам направлялась «разведгруппа», в состав которой обязательно входил один из «потерпевших». Фланируя у кинотеатров, на танцполе, близ популярных кафешек, она должна была обнаружить противника...

Безрезультатно прошла неделя. Шли курсовые экзамены, интерес к поискам поостыл. И на одиннадцатый день «в дозор» вышли лишь двое. И надо же, у входа в парк они нос к носу столкнулись с разыскиваемым. С тремя друзьями и парой красавиц спортсменов вальяжно восседал на скамейке...

... Только закончилась вечерняя проверка, но переданный по телефону SOS немедленно разогнал сон. Человек двадцать перемахнули забор и, остановив проезжавший пустой автобус, помчались в центр. По дороге, вывернув карманы, ребята насобирали рубль двадцать семь. Мелочь вручили водителю...

На свою беду «отдыхающие» перебрались в глубь лесопосадки - подальше от любопытных глаз. Тут, хоть этот предмет предстояло

изучать только на третьем курсе, их и окружили по всем правилам оперативно-разыскного искусства. Гены - у большинства в милиции служили отцы, братья...

Поняв, кто перед ним, Керя, казалось, не испугался. Лишь побелел: «Отпустите девченок». Дамам выделили самых симпатичных сопровождающих...

... Молниеносным ударом вырубив ближнего, боксер кульбитом перемахнул спинку довольно высокой скамьи и что есть сил рванул к озеру. «Размазав» его двух друзей, что тоже были у ДК в тот вечер, наши пошли в загон... Гнались молча: крики могли привлечь многочисленные патрули окрест...

... Спортсмен уходил. И тогда, на ходу раскрутив как пращу, ему в спину метнули ... солдатский ремень. С такой силой, что попав в шею, удар тяжелой, специально для таких случаев залитой свинцом пряжки, опрокинул бегущего... Тут его и накрыла толпа...

... Утром школу построили на плацу. Грозно сверкало глазами начальство. Привели потерпевших. Те долго испуганно вглядывались, но так никого и не опознали.

Пронесло...

А через месяц, уже после летних каникул, на КПП вызвали одного из участников инцидента у Дворца культуры, теперь уже слушателя-второкурсника. Перед ним стоял... Керя. С увесистой сумкой в руках. «Мириться пришел. Проучили вы меня здорово. В Караганде только «Вышке» такое под силу. Дружить давайте». И протянул увесистую сумку с булькающими подарками...

P.S. *Большинство участников того памятного «загона» дослужились до высоких чинов, кое-кто стал генералом. А «працник» через много лет сам возглавил Карагандинский Университет МВД Казахстана (так теперь называется наша альма-матер). Был горячо любим слушателями, никогда не давал их в обиду...*

Уже в более удобном чиновничьем кресле он и сейчас куёт кадры правопорядка. Чем все мы очень гордимся.

Кадыр

С Кадыром Давлеталиевым познакомились лет сорок тому в пионерлагере. С тех пор приятельствуем. Шикарный баскетболист, умелый уличный файтер, надежный друг...

В юности модны были краевые драки - Ка-

дыр «выступал» за Карпинку, я - за «США» - сто шестую аптеку, и сегодня располагающуюся на пересечении Советской и Горького. Изредка встречались «по разные стороны баррикад». Тогда предпочитали друг друга «не замечать».

В милицейской школе сдружились особо. На курсе - 30 кыргызстанцев и две сотни казахов, соотношение почти 1:7. И, хоть «нацменьшинство» пользовалось неизменным уважением, случалось всякое. Чуть что, «разводящим» опять же выступал Кадыр...

На втором курсе отправились в летние лагеря. В выходной, когда из офицеров оставался лишь дежурный, решили сбегать в село на танцы. Собралось человек десять, среди них один я почему-то в форме. Переодеваться некогда, сиганули через забор...

По дороге скинулись, взяли «Портвейна». Ребята пили, я ж только слюнки глотал - милицейская форма обязывает! Зато пустой «ЗИЛ» благодаря ей поймали, доехали быстро.

Глядь - на тацполе в основном мужики. Во! Оказалось, в совхозе-техникуме - курсы повышения механизаторов, трактористов да комбайнёров, числом более трёхсот, свезли со всей области. «Расслабившись» по поводу воскресенья, они, как и мы, пришли за девчонками...

Не отступать же! Договорившись держаться вместе, пошли в толпу. Чужаков опознали сразу, сказать, что смотрели недружелюбно - ничего не сказать. Но формы, приняв за патрульного милиционера, побаивались.

Но не долго. Обогнав двух шатающихся «механизаторов», наш пригласил на танго первую раскрасавицу... Ух, что тут началось! «Менты совсем обнаглели, девчонок из-под носа уводят!» - завопили вокруг. «Валите отсюда!» Секунда, и в ход пошли кулаки...

С боем пробились к выходу, припустили. Казалось, оторвались. Но, зная территорию лучше, «противник» обошел и, вооружившись какими-то трубами, с факелами в руках, ринулся на нас...

Милицию не жалуют нигде. Но, надо знать Караганду, здесь - особенно. Со времен печально знаменитого «Карлага» (карагандинского управления исправительных лагерей, огромной составляющей ГУЛАГа) оседали окрест судимые - освобожденные и поселенцы, ссыльные. Алкоголики, наркоманы, бомжи... Ненависть к стражам порядка передавалась генами. Тут - такой случай!

Расправа! Окружили, в глазах - кровь первобытная, раздавят не поморщась! Мы - спи-

ной к спине, капля в толпе. Оставалось спустить пружину. Все решали секунды...

Вдруг - Кадыр. Шагнул к толпе с поднятой рукой - стоять, мол. Один, без формы: «Профорг, комсорг - ко мне! Что за толпа, где директор?! Почему пьяные?!» И - ко мне: «Товарищ младший сержант, доложите участковому, тут разбираться надо. Я сейчас же в райком комсомола позвоню. По всей области рейд идет, а здесь такое творится...» И все это всерьёз, командным голосом...

Толпа отхлынула. Тут, выйдя из ступора, включаюсь я: «Есть! Меня на дежурство вместе с комсомольцами из области отправили. А они сами к девчонкам пристают. Сейчас в отделение пойдем разбираться, рапорт начальству напишу». Толпа совсем растерялась...

Так мы и ретировались. И только потом дошло, что Кадыр, по сути, нам жизни спас. Мне - точно, я ж в форме был. Порвали б первым.

1 : 0

... В 1970-х киргизская футбольная команда «Алга» играла в первой союзной лиге, была известна и популярна. Сборную знали в лицо, любили и почитали. Каждый игрок был легендой.

В семьдесят шестом, когда мы учились на втором курсе, на отборочный матч с местным «Шахтером» в Караганду прилетела «Алга». Надо ль говорить, как мы, слушатели-кыргызстанцы, рвались в тот вечер на стадион?!

Кто - получив увольнение, кто - в «самоволку», семеро земляков собрались у главного входа спортивной арены. Билеты взять было не на что, и потому все пришли в форме, вроде б блюсти порядок.

Представились старшему патрульных нарядов. «Почему не предупредили?» - удивился майор, но лишним рабочим рукам обрадовался: шахтеры - народ бедовый, а когда, приняв пивка, «болеют», и вовсе безбашенными становятся...

Работать мы, конечно ж, не собирались и, кучно усевшись поближе к своим, на северной трибуне, принялись имена выкрикивать,

подбадривать: «Алга» - чемпион!». Наши в ответ приветливо махали руками...

Но такое поведение не укрылось и от местных тиффози. По мере накачивания спиртным они становились все недружелюбнее: «Гля, менты за приезжих болеют!» Мы ж, войдя в раж, все громче шумели в поддержку любимой команды!

И тут на поле началась драка. Самая настоящая! Ворвавшись в штрафную и некорректно свалив вратаря, хозяева закатили гол. Встав стеной, окружив катающегося от боли голкипера, алгинцы дружно принялись выяснять отношения. Едва не трескаясь от натуги, судьи чуть не давились свистками!

Местных больше, на поле выскочили запасные. Как усидеть, когда наших бьют, - с трибун сорвались и мы. Перескочив заграждение, давай оттаскивать нападавших за шиворот. У карагандинских стражей порядка - глаза навывкат. Растерянные, они ничего не предпринимали...

Но тут поднялись болельщики. Молча, как в замедленной съемке, преодолели барьер, и - на нас. Много! Надо было видеть, как семеро в милицейской форме под свист, мат, улюлюканье рванули кто куда через все поле!

Футбол продолжился. Мяч в наши ворота судья-казахстанец все-таки защитал, тем и закончилась встреча. Территориалы обратились в школу - накажите, мол, виноватых. Пришлось оправдываться, долг дескать выполняли, драку на поле расчищали. Четверым, что были тогда в самоволке, всё ж досталась «картошки вне очереди» - чистка вручную, на весь личный состав.

Средь нарядчиков потел тогда и автор этих строк ...

Пост N 2

Вне зависимости от сезона при заступлении в наряд у слушателей особой нелюбовью пользовался Пост N1 - Знамя части, а также посудомойка, называемая «торпедным цехом».

По Уставу на первый пост полагались лучшие. Попадали ж двоечники, «залетчики» всех мастей - попробуй-ка с «Калашниковым» на плече простоять смирно два битых часа! Как-то дежурный офицер застал часового спавшим ... перед знаменем на коленях! Ничтоже сумняшеся, тот заявил, что, собирая выпавшую из кармана мелочь, по ходу заснул от усталости... От наказания, правда, объяснение это его не спасло.

Посуды, чье мытье, естественно, было уделом младших, почему-то вечно не хватало, и старшекурсники врываются в цех с матом и «тычковали» всех попавших под руку. Железные плоски-ложки мыли в огромной ванне. Порошков не полагалось, а потому в кипяток во множестве добавлялась ... горчица. Стоявший в посудомойке чад не перебивался потом никакими одеколонами. От такого наряда отходили сутками.

Но зимой, а сказать, что в продуваемой всеми ветрами Караганде она была суровой, значит ничего не сказать, рвались даже туда, лишь бы не встать на Пост N2 - склад арттехвооружения. При минус сорока, да с ветерком, даже в паре белья, при двух полушубках и в теплых валенках сил хватало минут на пятнадцать. Полагались же два часа...

... Сейчас уж не вспомнить, за какую провинность угодил я в наряд вне очереди. Определили, конечно же, на второй пост - группа чужая, взывать к справедливости тщетно. Градусник упал до минус сорока шести, пуржило. В таких условиях стоять предписывалось не по два, а по часу сорок. И 20 минут этих, поверьте, целой жизни стоили!

Только ушел разводящий, как я уже смерзся. Чтоб согреться, давай кромсать штык-ножом заледеневший сугроб в три этажа. И продолбил таки лунку! Влез в нее, как северный медведь, укрылся от вьюги. Незаметно так закемарил...

Чу - вокруг голоса! Ба, да это ж меня ищут! Глядь, часовая стрелка в полночь уперлась. Мозг замерз, работает медленно: заступил в 22.00, стоять предстояло час сорок. Значит, ищут уже минут двадцать. ЧП! Не печенье, оружие и боеприпасы охраняю! «Губа» обеспечена!

Снег надежно укрыл. Чуть разгрёб, вижу: смена за угол свернула, решили вокруг поискать, прежде чем о происшествии докладывать. Ноги окоченели - не шевельнуть. Но страх перед гауптвахтой сильней - вылез, коекак отряхнулся, пурга тут же берлогу мою запылила. Стою, автомат наперевес, арттехвооружение охраняю...

... Обезав склад, сменщики, в мою сторону и не посмотрев, рапортовать кинулись. Окликнул по Уставу, да грозно так: «Стой, кто идет!?» Те, глаза навывкат: «Эй, ты где был?!» «Я где был?! А где здесь быть можно! Вы вот где шляетесь, я тоже на полчаса позже сме-

ню, узнаете, что почем!» «Развел» разводящий:
«Смена, на пост шагом марш! Остальные - за
мною, в караулку, бегом...»

Пронесло...

Высшая мера

Не так давно Кыргызстан отменил смертную казнь. И вспомнилась одна история, что слышал, когда учился в «Вышке»...

Историю государства и права преподавал доцент Юров. Занятный, отметим, человек, был неудобен в диалогах - никогда не смотрел в глаза собеседнику. Такая манера напрягала, мешала общаться. Эпатаж, болезнь? Слухи ходили самые разные, и однажды, улучив момент, мы спросили подполковника напрямую.

«Со времен печально знаменитого ГУЛАГа, - последовал ответ, - в следственном изоляторе Караганды в исполнение приводился смертный приговор. Казнь в разные эпохи называли всяко - высшей мерой социальной защиты, исключительной мерой наказания... Суть же сводилась к одному - зачитывали Постановление комиссии Верховного Совета, отклоняющей ходатайство о помиловании, ставили к стенке, и - пуля в затылок.

По первому диплому я - медик. В СИЗО отслужил шестнадцать лет, по долгу службы обязан был фиксировать смерть, протокол подписывать. Представляете, общаешься с человеком, пусть он даже трижды насильник и убийца. А ЧЕРЕЗ ПАРУ МИНУТ ЕГО РАССТРЕЛЯЮТ! Вот и отвык в глаза смотреть ... Потом заочно юрфак закончил, сбежал оттуда.

Много уж лет прошло, а случай один до сих пор помню. Здесь на Сортировке в бараках парочка запойная жила. Бродяжили, бутылки собирали, уголь на станции воровали. Пили безбожно, каждый день, да так, что доставалось всей округе! Сколько раз мужик бабу свою в мороз лютый голой на улицу выставлял да с топором гонялся - не счесть.

Тут вдруг пьянчужка пропала. Ну и ладно, вначале и не хватился никто. Хмырь как пил, так и пьет. Прошло полгода. Как-то взялись нужник общественный чистить. Среди дерьма труп нашли. Женский, расчлененный. Осмотр провели из рук вон плохо - смердело очень, тело разложилось, в фекалиях всё... Следствие вскоре о пропаже вспомнило, алкаша арестовали. Свидетелей - полпоселка: как избивал, убить грозил да топором размахивал - все видели.

Суд да дело - ВЫШКА! Мужик за много лет по-настоящему в тюрьме только и протрезвел. И написал «помиловку». Ну и сидит в камере смертников, ждет. Месяц, второй, третий... Бывало, люди судьбы своей годами дожидались...

... Как-то поутру в ворота тюремные баба стучит. Да громко так, требовательно! «Мужика мово отпустите, живая я!» Дежурный вышел, прогнал. Та опять подшофе явилась - милицию вызвали. Забрали тетку, а потом звонят в прокуратуру - послушайте, мол, тут история любопытная.

Разобрались - та самая «расчленённая», из-за которой весь сыр-бор! Жива-живёхонька! Надоело, рассказывает, и после очередной драки подалась с геологами в тайгу. Почти два года на них батрачила...

Месяц инстанции обходили, чтоб бедолагу того вытащить. Освободили, а через неделю - письмо из Москвы: прошение о помиловании отклонить, приговор привести в исполнение.

Чуть задержись «геологиня» - «шлёпнули» б мужика...»

Литерный рейс

В милицейской школе особо выделялся Иса Инаркиев. Статью, характером, добротой и великодушием. Двухметровый сто двадцатикилограммовый великан-ингуш, мастер спорта по всем силовым видам: будь то самбо, борьба, куреш, набиравшее популярность дзю-до, – был нашей гордостью. Его расположения искали, приятельством дорожили. Без Исы не обходилось ни одно курсантское застолье. Случись что, за помощью и справедливостью опять же шли к Инаркиеву. Окончив школу, стал он следователем. Настоящим. Дружба продолжалась, Иса часто бывал в Бишкеке, гулял на моей свадьбе. Всеобщий любимец... Погиб, изведав и пулю, и нож. Похоронен в родовом селе на Кавказе. Вечная память!

... Проживая в казахстанском городе Чу, Иса как-то пригласил нас к себе. Шла следственная практика: отдежурив по три смены и заработав отгулы, поехали. В гостях собрались наши из близлежащих Джамбула, Чимкента, Алма-Аты, замечена была даже тройка далеких павлодарцев.

Веселились на славу! Хозяева зарезали

быка, показали настоящую, с кавказской невестой, свадьбу, устроили скачки, козлодрание. Переходя из рук в руки гостеприимной инаркиевской родни, не заметили, как пробежали отпускные денечки...

Большинство коллег к тому времени разъехались, нас же, одноклассников, все не отпускали: «Вам тут рядышком, успеете...» Настаиваем. «Ладно, завтра я вас сам отвезу», - пообещал Иса.

Наутро, после сытного завтрака, едва поместились в «Волгу». На развилке вдруг свернули в Новотроицкое. «Эй, не туда!» «Я за вас отвечаю!» Насквозь прошив станицу, оказались ... у взлетной полосы, полной маленьких юрких У-2, «кукурузников». Навстречу - красавец в летной форме, - инаркиевская порода: «Ну спасибо, уважили. Я один из всей родни вас не встречал, в командировке был. Обиделся б кровно...» Брат, начальник местного аэродрома...

«Роялью из кустов» появился баран. Шикарный коньяк, тосты, шашлыки - всё это прямо на летном поле. Летчик пьет наравне, подливает. С тоской поглядываю на циферблат...

Уловив, хозяин поднял прощальную здравицу. И пригласил дорогих гостей ... прока-

титься с ветерком. На самолете, во Фрунзе! Авантюра, но как упустить такую возможность?!

Оказалось, борт уже готов, заправлен. За штурвал садится хозяин. Как, а ... коньяк?! «Не дрейфь, мы бывалые. Попадемся - выполняем рейс санавиации. Разберитесь там, кто из вас врач, у кого аппендицит, кто санинструктор, а кто - родственники. От винта!!!»

Летим! Прямо над автотрассой, 120 км\час. Обгоняем тихоходные КАМАЗы, цистерны там разные, легковушки - парим над долиной! Высовываясь из раскрытой кабины, пилот то и дело объясняет что-то, размахивая свободной рукой. Машину болтает в такт, гул стоит. Так - битый час ...

... Приземлились, подмяв окрестную кукурузу, в самом конце взлетки, где сейчас бишкекский микрорайон «Джал». Справившись о полете, авиатор пожал руки, всех благ пожелал. И, махнув крылом, улетел восвояси...

Мы ж обалдело взирали вокруг. Ведь только что, обманув радары, похерили обороноспособность страны...

Гриня

... После отбоя начальство традиционно охотилось на самовольщиков. Выждав достаточно, чтоб те переоделись в гражданку и заторопились на свидания, в кромешной тьме, вытянув руку, чтоб обойти препятствия, начальник курса на цыпочках поднимался по лестнице, предвкушая, как расправится с первым же бедолагой, решившим перемахнуть забор без увольнительной записки.

По причине повышенной волосатости был я в те годы источником нескончаемых шуток и дружеских приколов. Брился дважды в день, а однажды на пляже, разомлев под летним солнышком, проснулся от сильного жужжания. Шмель, запутавшись в зарослях на груди, никак не мог ни жало в ход пустить, ни улететь. Пришлось в воде спасаться...

... В трико и по пояс голый, спускался я к землякам на нижний этаж на традиционную сигарету перед сном. И тут начальственная рука, в кромешной, повторяю, тьме, увязла в моей шерсти... Крик был такой, что дневальный опрокинул тумбочку. Когда, наконец, зажегся свет, майор, еле шевеля губами, только-

то и сказал: «Ты, парень, рано с дерева слез...», и больше уж никогда по ночам не охотился. Потом, уже в уголовном розыске, я был первым, кому разрешили носить бороду. Для этого даже специальный рапорт писал.

В 1996-ом - и это у нас семейное - неожиданно полысел. Напрочь. Даже хорошо знакомые люди, не узнавая, проходили мимо, и только среагировав на мои возмущенные нотки, долго протирали глаза. Знакомый чекист, попав впросак, подытожил как-то: «А-а, понял, на нелегалку готовишься, имидж сменил...»

Тут попал я в командировку в Алма-Ату. Летел из Оша, и уже в аэропорту, спокойно пройдя мимо встречавших сокурсников, разыграл, безмолвно прикурив у одного из наших... Спыхватился тот только после нескольких соленых замечаний о его профессиональной пригодности...

Карагандинское братство сильно. Где б ни встретил выпускника, знай - помогут, устроят, накормят-напоят. Ну а уж если свои, однокурсники, - и подавно. В Алма-Ате «карагандинцев» нашего, пятого юбилейного выпуска, координировал тогда Бахыт Жамакаев - уйдя в отставку, стал крупным бизнесменом, сла-

вился хлебосольством. Вот и в тот мой приезд попал я на его день рождения.

... Расспросам и воспоминаниям не было конца! И только сидевший рядом Толик Третьяк молчал практически весь вечер и все приглядывался. Парень этот - особая история...

Отец Толяна командовал танковой дивизией в карагандинском пригороде Сарани. Но генеральский сынок за отцовскую спину не прятался - боксер, задира, бабник, на курсе был он в авторитете. Незадолго перед выпуском отца перевели в Москву, заведовать кафедрой в бронетанковой Академии. Получив диплом, Третьяк-младший отбыл в Первопристольную.

Освоившись, он по каким-то своим каналам приобрел там дефицитнейшие в ту пору джинсы (свои первые я надел только в середине 80-х, будучи заместителем начальника милиции в Таласе!) и привез друзьям в Караганду. То ли партия была слишком большой, то ли друзья приторговывать ими начали (в те годы бизнес такой назывался спекуляцией и наказывался уголовным кодексом), то ли периферийный аппарат решил отличиться, «разоблачив столичного фарцовщика», только кэзэбэшники местные состряпали-таки дело

и упрятали Толяна в зону на долгих четыре года...

Отсидев, лишился он и работы в органах, и московской прописки. Глотнув преступной романтики, ушел в знаменитую солнцевскую группировку и вскоре стал «бригадиром». Но в том то и сила «карагандинцев», что они накрепко прошлым повязаны - кто бы ты ни был, проходи, садись, будь гостем... Третьяк, приехав по каким-то своим делам в Казахстан, тоже попал на «днюху». Веселились от души, и вскоре, приняв на грудь, тот вызвал меня покурить.

«Большой, - так зовут меня сокурсники и самые близкие друзья - это точно ты? Тогда слушай. Не спрашиваю, кто ты и сколько получаешь. Плачу вдвое, снимаю квартиру в Москве, кормлю-пою, одеваю-обуваю. Работать будешь у солнцевских, «Гриней». Что это такое?! Тоже мне, опер! Объясняю.

Отморозок это конченный. Появляется, когда уже все доводы исчерпаны, а клиент артачится, платить не хочет. Первого такого, видеть, Гришей звали, ну и пошло. «Гриня» голову бреет, шрамы специально ставит. А тебе этого и делать не придется - давно на себя в зеркало смотрел?! Но одевается всегда с иголки,

«от кутюр». И, по понятиям, цепь и болт рыжий на пальце должны присутствовать.

Они, «Грини», на вес золота. В нашей бригаде только один, и график его расписан. Подчиняется только Бугру, мы тому заявки даем. И никогда не знаем, появится лысый или нет. Вот историю расскажу. Банк на моей земле открыли, а платить, что положено, не хотят. Мы уж и так, и эдак - не уважают! Бугор мне как-то сказал: «Смотри, с тебя вычту!» Ох, на нашем наречии по всякому слова эти толковать можно. И все не в мою пользу.

Короче, собрал я бойцов, проинструктировал: зайду один, вы внизу ждете. Через сорок минут не выйду - действуйте по обстоятельствам. Подъехали на трех тачках, распугали охрану, с секретаршей я и сам справился. В кабинете - стол во всю стену, во главе - банкир. Ну тот, что платить отказывается.

И пошла бодяга. «Голян, ты что, думаешь, мне платить некому? Есть крыша, с ней разговаривай!» Я ему - земля, мол, моя. Он - своё. Сейчас уж пацаны мои вломятся, дров наломают. Чу! Дверь за спиной закрипела, а прикрыл я ее тщательно! Телохранитель с пушкой, «крыша»?! Оборачиваться нельзя, понятия не велят...

Глядь - банкир под стол сполз. «Гриню» нахера сюда притащили, - кричит, - «Гриню» уберите! Толян, мы че, так договориться не можем!!! Чё я там должен? Дай книжку чековую со стола, и «Паркер»!

Тут я не выдержал, обернулся. Глядь - наш «Гриня» в дверях, небрежно так на косяк оперся. В шикарном костюме, галстук баксов за триста, перстнем рубиновым поблескивает. В руках - пиво импортное, сам явно под мухой. Веришь - испугался. Черт их поймет, отморозков этих! Я-то ведь «Гриню» не заказывал, вдруг он по мою душу пожаловал?!

Но виду не показываю, протягиваю под стол книжку, сумму называю. Да поболя должка! Банкир чёй-то там черкает, да все вопит. А «Гриня», солидно так: «Пошли, Толян, я его обозначил!»

Уже на лестнице объяснил, что график его сегодняшней сломался, ну и давай он все машины знакомые обзванивать. На моих нарвался, ну те и говорят, ждем, мол, Толяна, пока в картишки сражаемся. «Гриня» ушлый, пацаны еще и на такси его попали. Подъехал, и пошел на разведку. И ведь вовремя!

«Ладно, Толян. Ты там мою долю отстегнуть не забудь. Да не жмись. Тогда никому не

скажу, как бздюхнул ты. Чё, «Гриня» совсем тупой, думаешь, не врубился!??»

... Такая вот история. Предложение это до сих пор в силе ...

Псориаз

В 98-м на Иссык-Куле отмечали двадцатую годовщину окончания «Вышки». Братья-казахи приехали кучно - еле разместили. Свои ж, кыргызстанцы, массовостью похвастать не могли.

Средь гостей доминировали Марат и Мурат. «Бурые» - так давным-давно прозвали курсанты двойняшек. Родившись с интервалом в четверть часа, те вечно оспаривали пальму первенства, - и мать не помнила, кто первым увидел свет. Еще в Караганде «совет» поручил старшинство Мурату: на замечание, что на вечеринках Марата окружают самые вульгарные, ярко одетые девчонки, тот, знакомя с очередным «чудом», заявил как-то: «Вот, оцените. Вся в джинсе и батниках, оскал - в золоте». Оценили - за подбор кадров и прослыл Марат «младшеньким», недозревшим.

... Несмотря на августовскую жару, на пляж Бурый-младший не ходил. В сорочке с длин-

ными рукавами, застегнутый наглухо, забирался на балкон и потихоньку «закусывал». А поскольку в одиночку офицерская гордость не позволяла, искал компаньона. Как-то на эту роль угодил я...

Бурый протянул руку, рукав задрался, я чуть было не отдернул приветствие: кожа выше ладони была покрыта настоящим, толстым, как у черепахи, панцирем! Проследив взгляд, коллега прокомментировал: «Не бойся, псориаз. Нервное. Не заразно». Тут я услышал потрясающую историю...

«В начале 1990-х ушел я в таможеню, став со временем начальником поста на крупном железнодорожном узле. Раз обратились стоящие неподалеку вертолетчики - шел срочный груз, а документы не готовы. Ладно, валяйте, бумаги потом покажете. В ответ, зная мою страсть к охоте, вояки предложили ... пойти на волков на МИ-8! Ну как тут откажешься! Пригласил все районное начальство - военкома, прокурора, начальника полиции, финансистов. Взяли «Калашников», три карабина и - в Моюнкумы!

Летим над пустыней чуть свет, спугнули вдруг стаю! Вожак матерый, волчица крупная и выводок семь детенышей. Бегут сквозь барханы! Такой тут азарт взял, палим без уста-

ли, и вскоре самка, что хитростью живой осталась, - в пески, в саксаул. Уйдет!

«Снижайся!» - кричу, а сам все мимо - серая петлём пошла. «Нельзя! - пилот в ответ. Завалимся, и так уж винтом песок поднимаем, не видно ни зги!» Я повернулся ответить, и ствол машинально в него уставился. - Спустились. И - брюхом в бархан!

...Очухались быстро. Вертолетчик шипит: «Взорвемся, выбирайтесь!» А как? Дверь заклинило! Тут военком из АК как даст очередь в иллюминатор - я первый туда! Стекло торчит, порезался весь, да задница застряла, выход блокирует. Но те-то, за мной, жить хотят. И всадил военком в мой толстый зад штык по самую мушку! В миг освободился проход!

Выбрались, лег на шинель, идти не могу. Тут - рвануло. Вдруг прокурор, что взял на охоту семилетнего сынишку: «А где пацан мой? А!» И уж автомат вырывает, в меня целится, ты, мол, во всем виноват. Спас крик с бархана соседнего: - «Ата-а-а!» Жив, постреленок, выбрался-таки в суматохе...

... На третий день чабаны нас нашли. Уже в госпиталь, где задницу зашивал, пришла военная юстиция: расследование! Сказал, как договорились. Списали «вертушку», чей срок уж

практически вышел, как «потери на учениях». В эту ночь я впервые с той злополучной охоты спал спокойно. Утром глядь - все тело в короте нервной! Скоро пять лет мучаюсь...

Налил и выпил стакан. А вечером, за общим достарханом, подарил нам на память огромную волчью шкуру. И подмигнул хитро...

Оборотень

... Однажды, возвращаясь из джамбулской командировки, нас навестила парочка друзей-«карагандинцев». В таких случаях встречаются на славу, и мы ждали их уже на границе...

В Бишкек въехали в сумерки. Двое местных - на «Жигулях» с иссык-кульскими номерами. Казахи же, крутизна, на шикарном масле «Вольво» - в наших краях таких еще и не видавали.

Заехали в старушку «Юность», подсели к девчонкам, развеселились. Даже потанцевали. Вдруг - знакомая официантка, шепотом: «Надо поговорить» ...

Будто бы в туалет, вышел на кухню. «Ушам своим не поверила! Там пятеро мужиков за столиком. «Развести» вас хотят. Казахские номера им приглянулись. Подслушав, что пое-

дете провожаться на алма-атинскую трассу, они уж и план разработали: после «посошка» вы, местные, уедете. А на следующем перекрестке казахов тормознут, тряхнут. Вроде б один из них мент...»

Признаюсь - не поверил. В центре родного города, где узнавал и здоровался каждый третий, нас «разводить» будут?! А должности, а погоны?! Да ну...

На всякий случай пригляделись к соседям. Молодые сосредоточенные парни, на припозднившихся кутил вроде бы не похожи. Нет-нет на часы поглядывают, нас демонстративно, в упор, «не замечают». Черт его знает! Настроение испортилось, решили закругляться. Предупредили гостей, что, кстати, в РУ-БОПе алма-атинском служили. Те сразу поняли, что к чему.

По машинам! Соседний столик, усилив подозрения, тоже как по команде встал. Но чтоб проверить окончательно, «против шерсти» сворачиваем на пустую в предутренний час соседнюю улицу. Не «ориентирующиеся на местности» казахи - за нами. Но и «шоха» с бишкекскими номерами и давешними соседями - тоже!

Резко по тормозам. Захват!!! Четверо выскочили одновременно - выучку не пропьешь!

Для остратки пришлось пальнуть пару раз. В воздух, конечно. «Водила, лапы на руль!левой рукой выбросить ключ зажигания! Пассажиры - руки на переднее сидение!» За волосы - на выход...

Всех - на землю, лицом в грязь. При себе - ничего, в бардачке ж газовый ствол нашли и наручники. В багажнике - форму милицескую, служебное удостоверение. Оперативник, мать его!

Кололи трепетно. Официантка умоляла не светить. А коли так, судебной перспективы это дело не имело. Ограничились «профилактической работой».

Оборотня ж уволили - «по собственному желанию». Из города он тут же слинял...

Ниндзя

... В сентябре 1978-го, наконец, состоялся приказ, и недавний выпускник милицеской спецшколы получил прописку в элитном подразделении столичного угро, занятом раскрытием разбоев и убийств, что теперь называют «убойным». «Прописался», выдержав устроенную в духе лучших традиций грандиозную алкогольную пробу...

...5 октября, «День сыщика», праздничное действо. В том году отмечали 60-летие образования уголовного розыска, в МВД собрался цвет сыска. За счет множества наград даже официальная часть не была скучной, а уж потом, когда столичный истеблишмент пригласил коллег на дружеский ужин в ресторан, началось настоящее веселье. Во Фрунзе впервые гастролировало варьете «Московские ласточки», и вскоре длинноногие дивы слетелись к юбилейному столу и отплясывали для почетных гостей. Все смешалось в фешенебельном «Кыргызстане»!

Под шумок двое друзей отошли к бару. С разницей в три года их связывала одна «альма матер». Как не вспомнить? Уютно расположились за стойкой, взяли коньяк. В углу отдыхала смешанная компания, слышался девичий смех, громкий разговор. На друзей соседи взирали недружелюбно. «Не обращай внимания, это наши местные каратэки. Интересные ребята, мы с тобой ими еще займемся», - заметил Юра Абдрахманов, для своих - Абдрай.

Восточные единоборства в те годы у нас еще только зарождались, веяли таинственностью, и компашка в углу тем больше притягивала. А тут еще один из «бойцов» затеял пере-

бранку с барменом, на помощь тому пришло подкрепление в лице завзалом, швейцара. За своего ж вступилась вся подгулявшая братия. Это грозило испортить праздник. Старший не спеша подошел к спорящим, его узнали, но, рисуясь перед девочками, отступать не собирались. «Патрон, - обратился оперативник к кому-то сидящему за столиком и участия в перебранке не принимавшему, - успокой их. Праздник у нас сегодня...». Вдруг зазвенело стекло - всерьез оскорбленный бармен хватил об угол пустым «Шампанским» и, с отбитым горлышком, бросился на обидчика. Тот, казалось, лишь неосторожно задрал ногу, и нападавший, не слабый в общем-то мужик, рухнул на пол, не успев понять, что произошло. Каратэки дружно поднялись и с достоинством покинули зал. Сконфуженный бармен вернулся за стойку, поглаживая затылок. Так состоялось наше знакомство...

Переоборудовавшие для своих занятий подвал многоэтажки, «ниндзя» давно обратили на себя внимание оперслужб. Крепкие и скорые на кулак, ребята эти были замечены во многих криминальных начинаниях. По сути это был первый в наших краях прообраз спортсменов-рэкетиров. В лидерах ходил не-

кто Патрон - непререкаемый авторитет. Подойти к группе вплотную никак не удавалось.

... Жил на окраине столицы колоритный дунганин-заготовитель. Люди этой профессии скупали у населения скот, фрукты-овощи, шерсть, шкуры, табак - сельхозпродукцию всякую. Ворочали большими деньгами. Дунганин наш, коммерсант потомственный, за пятнадцать лет «заготтруда», сказывали, подкопил немало. В тот раз, подписав с казахстанцами договор об отгрузке им нескольких тонн лука и чеснока, купец со дня на день ждал тамошних представителей с деньгами.

Как-то ночью в заготовительны хоромы настойчиво постучали. За общей оградой здесь жили семьи трех братьев, чуть что - страховались вместе, «порох держали сухим» в полном смысле. И на этот раз, поднявшись, как по тревоге, братья собрались у ворот и осторожно выглянули за забор. Неуверенно переминаясь, у «Жигулей» с казахстанскими номерами стояли трое незнакомцев.

- Кто там?

- Земляк, извини, что ночью. Так дорога сложилась. Мы из Актюбинска, за луком, двое суток за рулем.

- Утром приходите.

- А говорят, в Азии гостей встречать умеют... Хотя в гостиницу устрой, мы тут впервые!

Посоветовавшись, братья решили помочь. Вдруг бизнес завяжется?!

- Сейчас, машину заведу.

- Ладно, друг, не суетись. У нас место есть, поселимся - назад подвезем.

И как только клюнул обычно осторожный и недоверчивый хозяин?!

Усадили рядом с шофером - дорогу показывать. Потихоньку поехали, но на безлюдном ночном перекрестке, где полагалось свернуть направо, вдруг быстро набрали скорость и резко - влево.

- Стой, не туда!

В затылок уперлось холодное дуло. Только тут понял, что произошло...

Заехали в горы, в безлюдье. Заготовителя связали, потребовали 50 тысяч рублей - огромные по тем временам деньги, с десятков легковушек купить можно было. «Откуда, братишки?!» В ответ - удар под ребра. Профессиональный. А дальше... «Никогда б не подумал, что из насоса и веревки такую пытку устроить можно», - рассказывал нам потом бледневший от одних воспоминаний купец. Ощущение, что из тебя, живого, кишки вытягивают.

Дважды терял сознание - откачивали. И - по новой. Не выдержал, прошипел: «Поехали». В дороге продемонстрировали ствол, крутанув барабан для наглядности. «Не дури!»

Братья не вышли, решив, что старшего, как обещали, назад привезли. Отперла заспанная жена. «Давай деньги». Та, спросонья: «Сколько?» «Все, что дома есть». Испуганная женщина принесла несколько купюр. «Шутишь?! Здесь 800 «рябчиков». Пристрелю!»

В родных стенах, где за спиной - семья, хозяин невольно осмелел, замахнулся схваченным с приступки топором. Уклоняясь, разбойник выстрелил наугад, прямо через карман и, спасаясь, инстинктивно захлопнул дверь. Колун высек здоровенную щепу. Сквозь мат и выстрелы потерпевший расслышал угрозу перебить всю семью... Поэтому, а может еще почему, милицию он сразу не вызвал. А из больницы, куда привезли раненую хозяйку и где из ноги самого извлекли застрявшую пулю, сообщили, как и положено, в столичный угро.

Так началось следствие.

Надо заметить, что это сегодня подобные преступления стали обыденностью. Тогда ж его расценили как ЧП. Вооруженный групповой разбой, а может, и бандитизм! Это уже

политика!! Здесь вам не дикий Запад, а город, борющийся за звание образцового, коммунистического порядка и быта, понимаете!!!

ЦК Компартии установил контроль за раскрытием. А это значило, что высшие милицейские чины дважды в неделю вызывались «на ковер». Срабатывала цепная реакция - члены опергруппы заслушивались ежедневно. И, поскольку случалось это поздно вечером, часов в 9-10, и докладывать порой было не о чем (не каждый же день удача!), мероприятие это прозвали «вечерней сказкой» ...

В группу включили и новичка. Так, на всякий случай – «подай, принеси». По настоянию Абдрая среди прочих отрабатывались и каратэки. Информацию о «ниндзя» изложили на бумаге, тщательно проанализировали. Зал восточных единоборств народ посещал разный, ядро составляли восемь фанатов, персонажей настолько разных, что только воля руководителя держала их в подчинении. Патрон привез навыки каратэ из загранки - бывший офицер, он, как тогда говорили, исполнял «интернациональный долг» в далекой экзотической стране. Работал в студии звукозаписи, старался быть незаметным. Вокруг «сэнсэя» сплотилась разношерстная кодла: известный борец-

вольник с поломанными ушами, каскадер с «Киргизфильма», двое студентов и таксист, исполнявший роль личного водителя. Тренировались ежедневно, до одури, сачки изгонялись. И если уж кто-то отсутствовал, можно было смело предполагать – «на задании». Люди Патрона охраняли крутых (тогда их метко называли «маслокрадами», так как это и были, главным образом, работники торговли, снабженцы, те же заготовители), «бомбили» картежников, собирали дань с еще только-только нарождавшихся катал-наперсточников и еще сохранившихся бильярдистов-профессионалов.

Но это только цветочки. Каратэки возили «алые маки» с Иссык-Куля, где сохранился припрятанный опий, сеять который запретили в 1974 году, совершали дерзкие грабежи и налеты, «обезжировали» тех же клиентов, которых еще вчера охраняли. От потерпевших, однако, заявлений в милицию не поступало.

А в последнее время в подвал зачастило единственное чадо госдеятеля столь высокого ранга, что, повяжи его каратэки на крови, они станут недосыгаемыми для милиции. Патрон знал, что делал ...

Показывать единоборцев на опознании живьем было опасно - не выдержат потерпев-

шие, испугаются и сломаются. Можно испортить все дело. Надо было достать фотографии. Оперативники Чолпон-Аты сообщили, что в августе, в разгар сезона, в уютном баре в центре курортной столицы произошла непонятная драка. В две минуты трое невысоких фрунзенских парней буквально положили толпу алмаатинцев, пытавшихся прорваться внутрь, мешая отдыху какого-то нувориша. С подоспевшей милицией вели себя достаточно корректно, не хамили и не сопротивлялись. Участников драки привезли в райотдел, но поскольку потерпевшие претензий предъявлять не стали, вскоре отпустили, на всякий случай сфотографировав. С первым же бортом пленку переслали в столицу.

«Нет», - прерывисто дыша, выдавил потерпевший. Едва оправившаяся от ранений женщина же, глядя на снимки, лишь отрицательно трясла головой и рыдала. Не просто забыть такое!

Зашли с другой стороны. После трех отвергнутых, для роли главного злодея особо подходил Каскадер - правая рука Патрона. Тот частенько появлялся на «Бродвее» в обществе Тамары Линник - первой фрунзенской топ модели. Прогуливался от кинотеатра

«Ала-Тоо» к «России», посмеиваясь над пожирившими глазами длинноногую Томку непосвященными. Завсегдатаи ж «Бродвея» - фарца, мелкие валютчики, сутенеры - хорошо знали неприкасаемого, спешили «отметиться». Не может быть, чтоб честолюбивая гетера хоть раз да не сфотографировалась с завидным дружкой у многочисленных «бродвейских» мастеров! Те б за честь сочли преподнести ей виньетку ...

Фотку из Томкиного альбома стащила ее лучшая подруга и, как часто бывает, давняя завистница. Для этого ее специально скадрил новичок. Между прочим, делал это с бо-о-льшим удовольствием.

Глянув на фото героя под руку с красавицей, заготовитель уверенно ткнул в Каскадера. «Он, точно. Еще бы голос услышать! Да так, чтоб меня не видел... Жене не показывайте - сразу умрет!»

Это был серьезный успех, первый за месяц расследования. Группу усилили, влили туда начальство. Вся городская милиция искала Каскадера. А нашли опять же Абдрай и новенький. Засекли, как тот нырнул в гостиницу у вокзала, где сгорала от нетерпения снявшая номер Томка. Только «клиент» расслабился, пе-

репуганная горничная открыла номер. Странно, но усов у Каскадера не было, хотя опознан он был, в основном, благодаря им. Под носом, правда, белела свежая, не успевшая даже обветриться, полоска. «Недавно сбрил», - облегченно вздохнули опера. Вернее, один из них, старший. Второй на столь важную деталь тогда внимания не обратил - так захватил процесс Томкиного одевания...

Чтоб подстраховаться, решили не показывать внешне абсолютно спокойного и «ничего не понимающего» Каскадера супругам. И, - маленький секрет тех лет, - посадили женщину ... в тесный шкаф служебного кабинета. Ввели Каскадера, усадили поближе к шкафу, завели беседу неспешную. Так, ни о чем. Что, мол, да как, какие новости в мире кино, больно ль с коня падать?

Когда минут через двадцать собеседника увели и открыли «клетку», оттуда буквально выпала бедная жертва. Спасибо, шкаф оказался узким - потеряв от накатившего страха сознание, женщина привалилась к стене и только поэтому не упала...

Назначили официальное опознание. «Живьем». Жертва против жестокого обидчика - не просто это. Потерпевшего готовили це-

лую неделю. Ни о каких программах защиты свидетеля тогда еще даже и не слышали (теперь-то знаем, а что толку?). Впрочем, как и о профессиональных психологах. Работали с ним сами оперативники. Всюду возили с собой, разъясняли ситуацию, нажимали на потайные струнки, взывали к мужскому началу. Подключили даже авторитетов из дунган. И, наконец, уговорили...

Ни один мускул не дрогнул у Каскадера, когда клеили взятые в драмтеатре на прокат усы. «Ребята, что это вы затеваете?» - только и спросил...

Почти 30 лет минуло, а разыгравшаяся тогда психологическая дуэль до сих пор не забылась. Молчаливая. Жестокая. Беспощадная.

Безошибочно опознанного гангстера взяли под стражу. Взались за соучастников. Чтоб Каскадер назвал их, придумали целую легенду. Но все оказалось проще. Вывозили на суд сокамерника, и экс-налетчик обменялся с ним куртками, вшив за подклад записку. Писать Патрону не решился, письмецо направил подельнику-рецидивисту. В нем - просьба о помощи. И - про тайник с наганом.

Подмену заметил ушлый сержант-охранник. Сообразив, тревогу бить не стал, со-

общил оперативникам. И записка легла на стол следователя. Через пару месяцев, объявив все-союзный розыск, задержали пособников.

Позже взяли наводчика, уволенного пару лет назад за дискредитацию милиции обэхээсэсника. Тот долго скрывался. Обложенный на горном кордоне у родича-лесника, вновь пытался бежать. Случайно иль нет, но пуля, выпущенная еще одним «карагандинцем», - Сергеем Катишевским, – попала ему прямо в пятку.

ЦК Компартии «дунганское дело» с контроля снял. Великодушно намекнули министру, чтоб поощрил участников операции. Следователь получил указание переквалифицировать явный бандитизм (политика!) на разбой. На места, в обкомы, горкомы партии, отправили директиву о запрещении деятельности кружков так называемых «восточных единоборств», которые криминалитет зачастую использует в преступных целях. Долгие годы каратэ в республике не культивировалось.

... Судили четверых. Наказали сурово. Могла бы быть и вышка - спасла та самая спущенная сверху переквалификация. Да и, сориентировавшись, а скорее, следуя чьему-то совету-указанию, бандиты «чистосердечно» признали 4 грабежа, серию разбоев, вымога-

тельств, покушение на убийство. Но ни один из них не рассказал о Патроне. Даже не упомянул его на допросах.

Тот вскоре покинул город, чтоб всплыть через несколько лет, в начале 90-х. Занялся бизнесом, наладив дилерскую сеть, продавал реэкспортные машины. Через три года труп Патрона с огнестрелом был случайно обнаружен в чужой съемной квартире, где он, как бомж, провалялся неделю - запах и насторожил соседей. Опергруппу возглавил начальник убойного отдела столицы Дмитрий Федоров.

Выяснилось: коммерсант задолжал стоимость шестидесяти (!) импортных легковушек. Патрона «заказали». Тот знал свою участь, боялся и готовился к встрече. В Бишкек прибыл киллер-профессионал, обеспечивший слежку и даже прослушку домашнего телефона. Обманув многочисленных телохранителей, убийца выманил каратэка из его хорошо охраняемого, просматриваемого камерами жилища, заставив в одиночку прийти «на стрелку». Исполнив заказ, испарился...

Невероятно, но его вычислили. И с помощью московских коллег задержали. Факт, что был в Бишкеке, наемник не отрицал. Но выдвигал «железное» алиби: нашел, дескать, су-

мочку, в ней - авиабилет, вылет из Алма-Аты. И в день убийства, будучи там по делам, сдал находку «Аэрофлоту». В целом - сходилось. Сличили детали - алиби рухнуло.

Тогда - новая «деза»: в Бишкек летал, чтоб собрать информацию об объекте. Следил, а однажды, слушая телефон, «случайно» записал разговор, где Патрону явно грозили смертью и называли последнюю дату расчета - день накануне убийства.

Звукозапись изучили эксперты. И безальтернативно заявили, что, во-первых, текст не спонтанен, зачитывается с листа, и, во-вторых - прямо на диктофон. А характерные телефонные шумы искусно наложены позже.

Еще десяток отговорок - отходы готовились всерьёз. Все они тщательно проверялись - речь-то о заказном убийстве! В конце концов, киллер вообще замолчал. Доказательств, однако, хватало и без того.

Дело направили в суд...

Наши знакомые

Сарди Лоянов: «Батяня комбат»

В юности мы дружили. Лазили по горам, любили спорт. Вместе штурмовали девчонок, участвовали в краевых драках. По традиции тех лет всех звали русскими именами, и дунганин Сарди превратился в Серегу.

Потом жизнь развела. «Диня»- как ласково звала его мама - стал курсантом Рязанского высшего училища Воздушно-десантных войск. И, без преувеличения, прожил жизнь, достойную «синего берета».

На днях мы, выпускники -1974 фрунзенской средней школы N 14, собрались опять же благодаря Сарди, приехавшему из Пскова и разыскавшему шестерых из 10 Б. И тут сложилась мозаика: уже известные отрывочные эпизоды из бытия школьного друга, дополненные им самим, вылились в захватывающую приключенческую историю...

«Если помнишь, для покойного ныне отца, чьё детство и юность прошли в Поднебесной, китайский был вторым родным языком. И меня научил, что здорово помогло при поступлении. Представляешь, 18 человек на место, из них половина - служивые, за плечами - по несколько десятков прыжков с парашютом. А еще медалисты, мастера спорта, члены юношеской сборной команды страны, и все имеют преимущество при поступлении.

Я ж, твёрдый троечник, других аргументов, кроме огромного желания стать курсантом, стоившего мне переломанной ноги одного-единственного прыжка во фрунзенском авиаклубе и первого разряда по баскетболу, ничего другого за плечами не имел. Ну разве что старшего брата-третьекурсника.

Короче, пролетел я, баллов не хватило. Сижу, пакуюсь в обратную дорогу. На душе - сам понимаешь... Тут еще Алька, старшой, мозги сушит... Вдруг - пропал он. Появился, сияет: «Диня, там авторитетные люди тебя выслушать согласились. Теперь все в твоих руках...»

Оказалось, активный комсомолец, брат попросил помощи у секретаря партийного комитета училища. Тот походатайствовал перед

приемной комиссией. Короче, вхожу в зал, меня спрашивают: «Слышали, с китайским дружишь? Вот, газету переведешь. Да смотри, у нас тут тоже грамотные имеются, проверим. Садись, готовься». «Уже готов». Ловлю удивленные взгляды...

Читал прямо с листа. Действительно перепроверили, другой, посложнее, текст подсунули. Справился, приняли меня. Курс молодого бойца, лагеря - эйфория прошла быстро. Однажды на полигоне, где собрали всех выпускников, не выполнивших за годы обучения нормативов по прыжкам с парашютом, наблюдал такую картину.

Есть постулат: приземлился - сразу отстегни купол. Первым тогда сел комвзвода. Карбина не отстегнул, картинно вынул сигареты, прикурил. Остальные, человек двадцать, только приближались к земле, как налетел смерч: на Рязанщине такое случается - вдруг, ниоткуда, буквально на несколько минут...

Лейтенантский парашют вдруг надулся, и офицера с бешеной скоростью поволокло по земле, да так, что зам по тылу километра через два с половиной едва догнал на УАЗике. Буквально на наших глазах герой превратился в мешок с переломанными костями! Разме-

тало и остальных. В результате мы, новобранцы, увидели первый в жизни «груз 200». Человек пятнадцать тогда собрали чемоданы и уехали восвояси. Я остался.

Учиться было интересно. Специализировался, естественно, в китайском, овладевал тактикой, налегал на стрельбу, рукопашный бой. Совершил больше сотни прыжков, в том числе ночью, прямо в БМД - боевой машине десанта.

Досуг тоже был боевым. Однажды на танцах в городском парке не поделили девчонок со слушателями Высшей школы МВД. Беспорядки вышли нешуточные! Дрались те искусно, как сейчас говорят, грамотно. Не опозорив ВДВ, в упорной борьбе всё ж победили «береты», накостыляв заодно и военному патрулю.

Многих отправили на губу, отчисленных же с обеих сторон не было: спас авторитет Главнокомандующего воздушно-десантными войсками Маргелова, что лично курировал училище и был у нас частым гостем. Преподнеся наглядный урок благородства, генерал армии ходатайствовал и за мвдшников...

По выпуску попал в Главное управление Генерального штаба Минобороны. Подробно-

стей не жди, время не подошло. Был на оперативной работе, побывал во многих зарубежных «чайнатаунах». Тайники ставил, разведданные собирал, слежку вёл. Отличился, получил правительственную награду.

Вернувшись, пошел в спецназ ВДВ. И сразу - на вторую чеченскую, комбатом. Однажды веду колонну, вдруг - шквальный огонь, едва за броней укрылись. Наблюдатель докладывает: «Товарищ майор, засек огневую точку, стволов двадцать, есть пулемёты крупнокалиберные, можем накрыть!» Мои уже и орудия развернули...

«Нет, свои это, нутром чую. Не стрелять!» Рассредоточились, замаскировались, я сам с бойцами в разведку пошел. В укрепрайоне - внутренние войска, пьянящие все! «Что ж ты, гад, делаешь!? - трясу тамошнего майора, - ты ж нас всех положить мог!» «А нам сказали - «чехи» идут...» «Где ж ты видел, чтоб они на броне прорывались?!» Поддали мы им крепко, чтоб помнили. Но большую кровь предотвратили...

Раз, благодаря нюху нелегала, почуял засаду. И не засаду даже, а искусно замаскированную мину. Не из самоделок, болтами начиненных, а изготовленную по самым современ-

ным технологиям. Разорвавшись, такое «чудо» несет до четырех тысяч осколков! Причем низко, поражает ноги, пах... Из строя выходит сразу много бойцов, каждого раненного выносит пара здоровых. Спас целую роту!

Провоевал год. Вел колонну и, сидя на башне, в бинокль искал позиции противника. Боевая машина десанта напоролась-таки на мину, на сей раз противотанковую. Рвануло так, что меня вместе с башней отбросило на семь метров, ноги переломало. Погиб экипаж, солдаты мои - все! С поля боя, без сознания, под снайперским огнём вынесли бойцы: десант своих не бросает... С тех пор день рожденья отмечаю дважды: 31 января, когда мама родила, и 14 февраля, когда чудом остался жив...

Меня еще и контузило, да так, что когда уж срослись конечности, провел в госпиталях целых полтора года. Но и потом в голове постоянно шумело, чуть понервничаю - боли адские. Спас питерский врач-экстрасенс, провозившийся много месяцев. Он, кстати, казах, практикует и преподает в Санкт-Петербурге, мы крепко сдружились.

Дали подполковника, высокий орден, списали в запас. Оклемався, открыл частное охранное предприятие. Но перешел доро-

гу братве, не захотел плясать под их дудку. С ними бы справился, но те подключили госорганы, проверками замучили. Плюнул на все, в Москву, к бывшему коллеге подался.

Тот крупным предприятием владел, предложил пожизненную ренту. Гордый, не согласился. «Что ж делать хочешь?» - спросил друг. «Да всё, что нужно, лишь бы не киллером...» Тот подумал и предложил заняться ... промышленным альпинизмом.

В пятьдесят-то лет?! Да хрен с ним, дай попробую. С командой взбирался на высоченную трубу, замазывал трещины, ремонтировал. Через четыре месяца сдали объект, неплохо заработали. Но больше на высоту я не полез.

Про личную жизнь не спрашивай, все равно правды не расскажу. Сейчас путешествую вот по России, встречаюсь с однополчанами. Недавно был на тридцатилетии выпуска. Ребята многие еще служат, четверо военными атташе стали. Из моей же, «китайской», группы все уж в тираж вышли. И надо же, все это время мы с ними где-то рядом были, но ни разу не пересеклись...

Каждый год в Кыргызстане бываю, сейчас вот на юбилей сестры приехал, она до сих пор

в отцовском доме живет. Здесь у меня и самый старший брат, племянники многочисленные. Алька ж после развала Союза оказался в Казахстане. Служил, занимал высокую должность в Генштабе. На пенсию ушел в полковничьем звании - опередил таки меня...»

На просьбу похвастать наградами, Серега достал нагрудный знак «90 лет ГРУ». И сказал, что считает его главной. Другие, якобы, несущественны».

Наверно, пижонился...

Диверсант из Мургаба

Впервые подняться на Памир пришлось в 1993-ем. Прodelывал с тех пор сей путь неоднократно, и всякий раз, помимо службы, спускался с массой впечатлений – крута «Крыша мира», непредсказуема, полна таинств...

Все эти годы, наряду с легендами о Снежном человеке и Белом Яке, «Долине смерти» и неприступной Змеиной крепости, былях и небылях о высокогорном озере Кара-Куль, называли мне еще одну местную достопримечательность- «Штирлица», что за идею много лет провел за кордоном, творил теракты, был неуловим.

Когда все ж попался, то освободился из зиндана исключительно благодаря личному вмешательству Горбачева. А чтоб попасть во внешнюю разведку, он, кадровый чекист, как легенду-прикрытие разыграл скандал с рукоприкладством в кабинете высокого партийного бонзы, за что был разжалован в простые учителя. И уж затем, через несколько лет, когда героическое прошлое забылось, был брошен за границу. Владел-де этот «Штирлиц» всеми региональными, а также английским и русским, языками.

Надо ли говорить, как хотелось увидеться и расспросить!

... Аксакал встретил приветливо - за многие серпантины мы подвезли его жену, спустившуюся в райцентр за покупками и застрявшую там на неделю. Перво-наперво сообщил, что, несмотря на возраст, до сих пор бьет архара прямо в глаз. В подтверждение тут же поджарил куурдак из дичи, сыгравший вкупе с горячительным роль «сыворотки правды». И пошел под свет ворчливой буржуйки (электричества в тех местах не было отродясь) захватывающий монолог. В русле жанра - со стрельбой и погоней, мужской дружбой и предательством. Передаю от первого лица...

«Родом я из Афганистана, но восьми лет семья, спасаясь от преследования, перекочевала в Союз. Отец, как позже выяснилось, кадровый разведчик, пропал вскоре после возвращения. Лишь через 20 лет узнал я о его дальнейшей судьбе, и истина эта перевернула и мою жизнь. Об этом позже.

Вскоре умерла мать, нас, детей, как у кыргызов водится, разобрали родственники. Тогда, в 50-х, даже в дальних аилах учили прочно, увлекся физикой, хорошо давались языки. Но поступать решил в медицинский. Поехал в столицу, приняли. Учиться без материальной поддержки было трудно - по ночам разгружал вагоны. На втором курсе бросил я медицину, и уж потом, в разгар чекистской карьеры, стал учителем.

В 63-ем призвали в армию. Служил на Западе, много ездил, зажегся патриотизмом. К тому времени знал все тюркские наречия и фарси, естественно, русский. Врожденная, что ли, способность - короткое общение, и через месяц-другой уже мог болтать на прежде чужом языке. Прознав о полиглоте, направили в окружную разведшколу. Там получил азы, потом их только развивал - стрельба, рукопашка, минное дело, радио ...

Учили также английский. Да так, что кроме обычного курса ты в приказном порядке каждый день должен был учить 10-15 новых слов. У меня-то проблем не было, а вот сослуживцам доставалось. Но - зубрили! Уже через год от нас требовали переводить оригинал Шекспира на родной язык. Потом, правда, English мне больше не пригодился, а сейчас его почти совсем забыл.

Отучился, а тут и дембель подоспел. Оставаться в армейской разведке не захотел, домой тянуло. Работал, учительствовал. Даже без образования, преподавал в родной школе физику. Знаете, получалось. Женился, родились дети. В общем, все как у всех.

Прошло несколько лет. И только навыки разведшколы начали забываться, как нарочным вызвали в органы. Полковники из Москвы в наших горах бывали не часто, беседовали мы часа четыре. Рассказали об отце - разведчике (как потом выяснилось, не все, кое-что оставили на всякий случай). Дали понять, что обо мне известно буквально все, а в конце предложили...учебу. На спецкурсах, для «закордона». Согласился.

Придумав легенду для семьи и односельчан, привезли в одну из центральноазиатских

столиц. Здесь моим персональным куратором стал тот самый полковник из Белокаменной. Он, кстати, патронировал меня потом в течение всей шпионской карьеры, и лишь недавно, как я слышал, в высоких чинах погиб в Чечне.

Подготовка была столь серьезной, что через год понял, - предназначаюсь для чего-то очень опасного, а главное - на всю жизнь это, короткую или длинную. Такой расклад не нравился, начал «косить», жаловаться на здоровье, нарушать дисциплину. Не помогло, пошел на криминал: влез в пустую квартиру и украл ... блок сигарет.

... Прямо из милицейской камеры доставили на конспиративную квартиру. Без лишних слов куратор представил доказательства того, как «союзники» из соседней Страны при исполнении задания подставили отца, как героически он погиб. Во мне, горце, вскипела кровь - учебу завершил достойно.

С середины семидесятых бороздил Афганистан, случалось бывать и в Пакистане. Чувствовалось, Союз готовит что-то серьезное, «в воздухе пахло грозой». Фотографировал гарнизоны, считал орудия, чертил горные тропы, выпытывал местные настроения.

Отозвали, когда вокруг уже вовсю гремела война.

Отдохнул, отоспался, развеялся. И после долгого инструктажа и знакомства с напарником «ангел-хранитель» вручил пакет: «Вскроешь, когда приземлишься, летчик координаты знает. Парашют не забудь».

«Великий сосед» принял зноем пустыни. Под сургучом - местные деньги, карта. В платье соответственно случаю три дня торим пещи к связнику. Первое задание - легализоваться в кишлаке близ ракетной базы. Забыл сказать, что на курсах я и гражданскую специальность приобрел. В тамошних местах весьма дефицитную - ветврача. Работал, шпионил. Денег Союз не жалел, и через два года Москва знала все о каждой боеголовке.

Второе задание я выполнить выполнил, но смысла не пойму до сих пор. Очевидно, проверяя чью-то дезинформацию, несколько лет наблюдал за машиностроительным заводом, вытаскивал с КБ чертежи ... обычных грузовиков, сродни нашим МАЗам. Слал донесения - что-то не так, шифровки же каждый раз твердили: продолжать!

Так и застрял бы, наверное, на этом бездарном задании, как вдруг в тюрьму попал наш

агент. Нет, не расшифровался, а так - мелкая уголовщина. Мне поручили его вытащить. Любой ценой. К тому времени, и это была большая удача, попутно удалось выкупить и переправить домой 170 подлинных бланков удостоверений личности офицеров местных органов безопасности - в Союзе знали о моих связях. Ими и обосновали задание.

Путешествовал, «сканируя» местные лагеря. Оказалось их столь много, что не хватило бы и жизни, чтобы проверить даже малую толлику. Пустил в ход дензнаки и вскоре узнал, где сидит наш бедолага. Обошлось без стрельбы, пользуясь казуистикой и коррумпированными связями, освободил его сначала условно, а потом и вчистую.

Но все это время пришлось обитать на другом конце страны, в обстановке в общем-то непривычной, как у нас говорят, «вне ментальной». И когда на базаре вдруг нос к носу столкнулся ... с односельчанином с той стороны, на секунду даже потерялся.

«Салам алейкум. Ты как здесь?» Выдал в ответ заученную легенду, вижу - не поверил, глазами по толпе полицию ищет. Уже потом узнал, что был сосед вражеским резидентом в нашем приграничье, и ушел вскоре после

моей заброски. Тогда же тенью побрел за ним со стилетом, но ... потерял.

Опрометью бросился в соседний город. Оттуда поездом - еще дальше, вглубь страны. Добрался до «логова», вышел на связь, в ответ - «Срочно в тыл. Группа поддержки ждет в квадрате X». Это значит, что если доберусь до границы (без малого 300 км !) и понадобится прорываться, могу рассчитывать на огневую мощь 20-30 спецназовцев из «Альфы».

Минуя города, направились с моим связистом к родным горам. Пригодилось запрятанное удостоверение капитана местной госбезопасности и мундир. А также знание действующих в системе правил: согласно им каждый офицер мог взять в территориальных органах машину - «для оперативных нужд».

Поехали, но через 50 километров, на безлюдье, кончился бензин. Спасла «попутка» - связав шофера и наскоро замаскировав свою легковушку в горах, дальше двинулись на грузовичке. Но вот и погранзона, где моя ксива уже не действительна.

Переодеваемся и, в обход постов, по перевалам пешком. Наблюдаем - хотя страна и велика, система не разворотлива, но тревога следует буквально по пятам, в приграничье нача-

лось опасное движение. Появились разъезды, вскружились вертолеты.

Набредаем на одинокое кочевье в несколько юрт, встречают радушно. И тут допускаю непростительный промах: объясняю, что ищем заблудившихся яков. Ситуация обычная, полудикие быки эти здесь - главные кормильцы. Но, разговаривая на местном наречии, обозначаю яка словом «топоз», как на родине, а не «тупаз», как здесь. В глазах хозяина - искорка подозрения: «Лошадей нет».

Прощаемся, выходим, прячемся за скалой. Без слов понятно - надо «убирать», сдаст. И сделать это предстоит мне - у коллеги короткоствольный кольт, у меня же - дальнобойная «Астра». Тут к заставе и копыта застучали. «Бей, чего ждешь?» Впервые не поднялась рука, за достарханом-то шестеро мал-мала меньше сидели ...

В 18 километрах от «запретки» нарвались на искусную засаду. Живописная ложбинка, юрта, детишки, пара оседланных жеребцов привязана. Наблюдать некогда, загонщики по пятам. Напарнику подбили ноги, кое-как оттащил его в пещеру, перевязал, напоил. И - ушел. С высоты видел - нашли. Тот стрелял, полуживого (а может труп?) бросили поперек седла, и в тыл. С тех пор ничего о нем не слышал.

Меня ж обложили в четырех километрах, уже и нейтралку видел. Вспугнутые погоней, на моих глазах пятеро могучих самцов-архаров сиганули прямо на столбы сигнализации. Первого перерубило чуть не пополам, второму напрочь снесло башку, третьего ранило чуть, двое ж последних ушли-таки на ту сторону через порванные провода. Как же я им завидовал!

Пытали всяко. Особо - электротоком. Здесь это называли «лампочкой Ильича». Пришлось молчать, а то с тобой уже б не разговаривал. Потом - лагерь, восемь лет дали. Не выжил бы точно - каменоломни. Спасибо Горбачеву и Шеварднадзе - перед последним визитом в Страну советского Президента две сверхдержавы в знак доброй воли обменялись шпионами. На каторге провел год и семь месяцев, казалось - целую жизнь.

Пока добрался, развалился Союз. И оказался я никому не нужным, пенсию, и ту только по инвалидности и оформили. Сижу вот теперь в горах, а так бы нежился в самой Москве. А хоть бы и тут, да на персональные надбавки «за заслуги перед Отечеством». Да где оно теперь, Отечество-то мое?!

Спасибо старухе - дождалась. До сей поры терпит. Мне б внуков нянчить, а мы под за-

навес двух дочек нажили. Теперь вот на ноги ставить. Хорошо хоть старшие помогают...»

Укол зонтиком

Между автобиографией и биографией порой - «дистанция огромного размера». Не все и не всегда расскажешь о себе...

Автобиография Академика Арстанбека Алтымышева выглядит достаточно внушительно: лауреат Государственной премии, долгие годы член президиума Комитета космонавтики СССР, автор исследований о мумии, создатель мощнейших адаптагенов, наконец - человек, который на десятках целебных трав настоял популярный бальзам «Арашан»...

Но то, что незадолго перед кончиной профессор-фармаколог поведал мне, он долгие годы не рассказывал никому. Не включал и в официальные автобиографии. И только теперь завесу секретности над этим фрагментом жизни ученого можно слегка приоткрыть...

«Это было в семидесятые. Мир захлебывался в терроре. Баски, «красные бригады», Ирландская революционная армия, палестинцы... И вот, наряду с традиционными взрывами и стрельбой, для индивидуальных акций ста-

ли активно применяться яды. Укол зонтиком в толпе - и готово. Но смерть наступала не сразу, а через день-два, и следов яда в организме не оставалось. Отраву явно творили не дилетанты.

Однажды меня пригласили в Москву. И предложили дальнюю командировку - в Латинскую аж Америку. Там, в затерянном в сельве городишке, бывший гитлеровский промышленный спонсор, из тех, что после войны сменил лицо, континент и хозяев, построил в джунглях гигантский серпентарий, где, по слухам, собрал гадов ползучих со всего света. И не только их - насекомых, ядовитых рыб, диковинные грибы, растения. И поставил производство ядов на промышленную основу. Если коротко - мне предложили заняться промышленным шпионажем. Во имя самых высоких целей, естественно. Сказать, что я, типичный представитель науки, был ошарашен - мало. Однако нажали, убедили...

Активно занялся испанским. Язык давался легко, в основе - латынь, что зубрил в институте и, ни шагу без нее фармакологу, совершенствовал всю жизнь. Вскоре сносно говорил, и даже писать начал.

Отъезд откладывали трижды. Но вот, наконец, пригласили в союзную Академию

наук, на конференцию, якобы. Там сообщили, что все готово. Легенда сделала из меня ... японца! Родившегося и живущего, правда, вдали от исторической родины. Внешность, благо, подходящая. Предполагалось, что в диковинной стране обойдусь испанским, которым к тому времени овладел достаточно. Но на всякий случай полгода интенсивно «грыз» и язык Страны Восходящего солнца. Также небезуспешно.

Стартовал из Амстердама, на месте был через сутки. Состояние отвратительное: из Москвы выбирался при минус сорока почти, попал же в тропики на плюс 30. Да и страшно, в конце концов. Но встретили хорошо, приветливо, отвезли за шестьдесят миль и разместили в шикарном коттедже среди девственных лесов. Гулял, наблюдал. Поражало, как здесь, вдали от цивилизации, все было разумно и, главное, удобно устроено. Жизнь с полным комфортом, без всяких мирских проблем, наедине с любимым делом - о чем еще мечтать ученому?

Дали лабораторию, персонал. Включился в работу. Свободно бродил по всему серпентарию. Здесь были все монстры, что под силу живой природе! Впервые увидел и кораллового аспида, и зеленую мамбу, и египетскую ко-

бру, и «черную вдову». Не только увидел, но и работал со всей этой преядовитейшей нечестью.

Рядом жила женщина в возрасте. Ухоженная, со вкусом одетая, красиво подстриженная и сохранившая фигуру, она в свои годы выглядела привлекательно. Возраст выдавали разве что морщины, искусно прикрытые шейным платком. Иногда мы перекидывались парой слов, не больше. Звали ее Хелен.

В уикенд я частенько направлялся в соседний городок, встречался со связными. Отчитывался, получал деньги - контракт обязывал «японца» жить за свой счет. Руководители скупились, долго объяснялся даже за пятнадцать «пивных» долларов. Но в целом все шло по плану. С одним осевшим здесь поляком в короткий срок мы даже новое лекарство желчегонное придумали. Так и не знаю, пошло ли оно на поток? Шел третий месяц стажировки.

... Военный переворот застал прямо в лаборатории. Такого не предвиделось - недавно «со свидания», и никаких инструкций. Из-за рассеянности ученой серьезного значения известию не придавал, продолжал исследования. В стране, меж тем, хозяйничала хунта. Пришедшая к власти, как позже выяснилось, не без финансов хозяина моего серпентария.

Прошло несколько дней. Я в одиночку колдовал над ретортой, как скрипнула дверь. Не профессионал в играх рыцарей ножа и кинжала, невольно вздрогнул, услышав ломаную русскую речь Хелен: «Не удивляйтесь. Отец мой, «щирый украинец», еще в 1920-х сбежал в Америку. Слушайте совет: бегите отсюда как можно скорее. Есть негласная установка - кто в этой нищей стране выдаст властям коммуниста, получит цветной телевизор. Двоих - машину. На большевике же из самой России разбогатеть можно сказочно! Я ухожу. Но кое-что вам оставляю...»

На столе лежала копия факса с деталями, кто я и откуда. Предлагалось понаблюдать «до принятия окончательного решения». Не заходя в коттедж, рванул я через джунгли в ближайшее поселение. Там нанял лодку.

... В советском консульстве поначалу выпучили глаза - кто, какой еще серпентарий?! Потом, сообразив, что уж слишком ярко для японца «выражаюсь», вызвали кого следует. Те организовали билет на Кубу. С посадкой в Лиме. Там в салон вошли полицейские, искали «русского профессора». На меня, «потомственного самурая», внимания не обратили.

В Гаване машина ждала прямо у трапа...

Хирург

Расскажу о товарище, чья жизнь, по меньшей мере, «не скучна». Судите сами...

Отец героя, полковник медицинской службы, в ранних 1970-х прошел все «горячие точки» - Мозамбик, Анголу... Врачевал СССРовских военных советников, в основном - боевых летчиков, вояк-аборигенов. Богатства, как многие коллеги-контрабандисты, нажившие состояния на первых видеомагнитофонах и порно-кассетах, не нажил. Свидетельство тому - заштатная двухкомнатная «хрущоба» в Бишкеке.

И детей воспитал подстать. Сын, рослый красавец-азиат, будучи выпускником мединститута, приглянулся сановной профессорше, жене великого медицинского светила. Решила женить парня на своей дочери. Мезальянс гарантировал место в аспирантуре, блестящую карьеру - отказался, счел для себя неудобным.

Работал в периферийном Таласе, где в самом начале 1980-х мы и познакомились. С жильем в ту пору было туго - жил у меня, расплачиваясь нехитрой мужской кулинарией.

Готовил из всего, что было под рукой. Однажды угостил ... сладкой кашей с подозрительным фиолетовым оттенком - в холостяцком холодильнике нашлись лишь пакет риса, бутылка знаменитого тогда вина «Фиолетовый мускат» и баночка меда...

Писал начальству, просился в горячие точки. Что-то в бюрократическом механизме не срабатывало - не брали. Перебрался в Ивановку, поближе к родителям, стал настоящим сельским интеллигентом. Дотошно изучил скальпель, делал сложнейшие операции, на какие отваживалась не каждая столичная клиника.

Вдруг изменил свою жизнь. Кардинально. Отбыл на Камчатку, врачом на траулер. Превратился в «морского волка», избородил полсвета. «Дока» любили и, хотя ни спиртом разжиться, ни больничным выпросить у того нельзя было ни под каким видом, любые венерические штучки, подцепленные в самых экзотических портах, лечил в три приёма. Однажды встретились с другом на Иссык-Куле. «Ну, где плавал, что видел?» «Плавают говно в проруби, моряки ходят...»

... Штормило, когда сорвавшийся трос отсек рыбаку ногу. Наложив жгут и дав обе-

зболивающее, хирург, как требовала Инструкция, связался с базой и запросил вертолет. Отказали - сильный ветер, машина не сядет. Чтоб спасти жизнь, оперировал в маленьком медпункте, ассистировал старпом. Когда море улеглось, доставил раненого в Йокогаму. Осмотрев больного, японские коллеги, несмотря на природную сдержанность, дружно и громко поздравляли профессионала...

Освоив английский, в портовом кабачке познакомился с женщиной лет шестидесяти, стал переписываться. История повторилась - у той оказалась незамужняя дочь. Добившись виз, что было тогда ох как не просто, наш доктор в свой первый моряцкий отпуск отправился в Новую Зеландию...

В машине из аэропорта на ферму, где предстояло знакомство и предполагалось прожить ближайшие полгода, гость передал встретившей его хозяйке всю свою наличность «А как же, я ж жить у неё буду, неудобно...»

Дочь оказалась приемной, слегка подслеповатой китайяной. Да ладно бы только это! На третий день гостю объявили, что вода здесь очень дорогая и душ они принимают лишь раз в неделю, никак не дважды в день. И это - в сорокаградусную жару! С присущей деликат-

ностью стерпел, но за ужином, едва не ударив того по руке, «жениху» заявили, что он съел уже три куска хлеба... «Нахлебник» встал, извинился, прошел в свою комнату, взял вещи, паспорт и - в окно...

Полгода бичевал. Батрачил на фермах, пас скот, красил заборы. Ни разу не пожалел! Собрал на обратный билет, вернулся домой...

Пошел во «Врачи без границ». Однажды, в таджикской глубинке близ афганской границы, по программе профилактики СПИДа раздавал населению презервативы. Везучий – банда из-за кордона уничтожила склад, сам еле ноги унес...

... Зарплата врача - 13 баксов, ни кола, ни двора... Сошелся с непростой судьбы женщиной, зажили вместе. В подвале многоэтажки выращивали вешенки. Бывает же такое, грибные споры попали в горло и начали прорастать! Избавившись от напасти, пробовал частную практику, таксовал, возил в сауны проституток...

Подруга, безработный инженер-нефтяник, нашла объявление, что люди ее специальности требуются ... в Уругвае, на газоконденсатном гиганте. Задавшись целью, через год уехала-таки в Латинскую Америку. Хирург

пытался запить, но лишь посадил желудок. А вскоре пропал. Напрочь.

Прошло несколько лет. Я был по делам в Лондоне, консьерж передал записку: «Зайду вечером. Хирург». Неужели! Попав по студенческой визе учить язык, пятидесятилетний нелегал всеми силами пытался натурализоваться. Жил в эмигрантской общаге и, по своему ж меткому выражению, «подтирал задницы» одиноким старикам. Как водится, я пожелал удачи...

Через два года, во время очередной командировки на берега Темзы, мы, теперь уж предварительно списавшись, встретились вновь. Друг выглядел увереннее, в глазах - молодой задор. Пригласил в дорогой паб: «Получил рабочую визу, лечить начал. Пока, правда, лишь «русских». Но уже и на «Скорой» поддежуриваю. Пробьюсь, другого шанса не будет!»

... Рассказик этот направил в Лондон по электронке. Ответ, что ждал неделю, обнадежил: «Извини за задержку, отдыхал в Шотландии, на знаменитом Лох-Нессе...»

Жизнь-то налаживается!

Салимбаевы

... Семейство Салимбаевых жило в узбекской махале в центре Пишпека. В 1923-м Салимбай-ака подобрал на базаре двух русских заморышей, брата с сестренкой. Спасаясь от голода, каким-то чудом добрались те в наши края из Поволжья, схоронив по дороге родителей.

«Своих - семеро по лавкам. Подкормив, мальчонку определили в подмастерья неподалеку. Девчонка же прижилась и вскоре уже крутилась по хозяйству, называя хозяев «аба» и «дада» - «мамой» и «папой». Ей, как родной, отвечали любовью и лаской...

Прошло несколько лет. Уж мало что напоминало в беженке православную. Высокая, статная, что плов стготовить, что маставу, что лагман... По-узбекски выучилась лучше многих на махале. Да как - с шутками-прибаутками, пословицами-поговорками. Пошли сваты...

Но дед заметил, что его старший на девицу заглядывается. И однажды спросил напрямик: «Будете жить?» Услыхав обоюдное «да», по мусульманским традициям сыграли «Нике». Расписались потом, уже много позже...

Жили душа в душу. Превратившись в Майрам, стала Юлия незаменимой на тоях, свадьбах, поминках «плов-баши». Нияз слыл лучшим жестянщиком. Четверых сыновей вырастили. Двое - в мать, славянской наружности, двое других - типичные азиаты.

Однажды, уже в хрущевские времена, двоих младшеньких ранним утром послали за хлебом. Один припозднился, а когда пришел, естественно, встал рядом с братом. Не поверив, что единокровные, очередь возмутилась, наорала на пацанов. Ахмаджан прибежал зареванный. Женщина деbeatая, мать пришла к ларьку, восстановила справедливость незамедлительно...

Отец все мечтал взять в невестки узбечку. И показывал младшим (старшие уж давно жили своими семьями) фотокарточки то одной претендентки, то другой. Однажды привез виньетку из Токмака, на ней - дочь близких друзей. На беду, мать нашла ее в кармане гимнастерки. Мало, что старый, - приревновала. Ох и досталось отцу!»

... Дом Салимбаевых стоял на Дзержинке, рядом с Дворцом пионеров. Через его кружки прошли все дети, проявив незаурядные способности. Каждый - свои. Старший стал из

вестным во Фрунзе лабухом, играл в цирке, обоих театрах, на танцах и в ресторанах. И лишь похорон не любил...

Предпоследний стал неплохим футболистом, играл за «Алгу». Прославился ж сын неграмотного жестянщика тем, что увел под венец красавицу - министрскую дочь. Неслыханный мезальянс!

Но гордостью семьи стал младшенький. По узбекски - Вахаб, по-русски - Володя, друзья ж звали его Битаном. Начав в танцевальной студии упомянутого Дворца пионеров, втянулся. Закончил местное хореографическое в один год со ставшим впоследствии Народным артистом СССР Чолпонбеком Базарбаевым, с кем дружил до конца дней прославленного маэстро.

Танцевал во Фрунзенском театре оперы и балета. В 1980-х, во время чилийских событий, поставил миниатюру по мотивам песен замученного хунтой бунтаря-гитариста Виктора Хары. Показав этюд в Москве, стал всесоюзным лауреатом. И получил приглашение в Ленинградскую консерваторию.

Закончив, дебютировал в знаменитой Мариинке, где в свое время блистал и наш знаменитый земляк, прославленный бас Булат

Минжилкиев. Усмотрев талант, пригласили Вахаба в Пермь, балетмейстером. После Большого и Мариинского, театр этот был третьим в российской балетной иерархии, слыл законодателем хореографической моды. Ведь именно здесь взрастили несравненную Надю Павлову!

И стал фрунзенец Салимбаев главным балетмейстером Пермского оперы и балета. И держал позицию 8 лет! Не счесть наград, призов и лауреатств, что добыл он театру. Но и свою альма-матер не забывал. Почти каждый год приезжал во Фрунзе-Бишкек, поставив на местной сцене запомнившиеся зрителю балеты «Любовью за любовь», «Мальчиша-Кибальчиша» и многие другие спектакли.

Его семью благословили и Грация, и Мельпомена: жена почиталась одной из лучших на Урале балерин, сын, Данила Салимбаев - мастер рампы, главный режиссер известной в Питере сцены.

...Не так давно, в неполные пятьдесят девять, Володи-Вахаба не стало. Для друзей, не смотря на звании и регалии, он так и остался Битаном...

Вечная память...

Рижанин

Историю эту, достойную лихого авантюрного романа, мне рассказал успешный американский бизнесмен, внук главного героя. В ней ничего не изменено, лишь слегка «причесан» сюжет...

... Коренные жители Латвии, к началу сороковых годов прошлого века работающие Каганы владели прибыльным семейным бизнесом в Риге. Дети учились за рубежом, дед Ефим стал дипломированным экономистом с тремя европейскими языками.

Пришедшие Советы встретили без опаски: те взялись за хозяев крупных заводов и фабрик, середняка ж до поры до времени не трогали. Только Ефим женился, война началась. Его успели призвать красные. Семью эвакуировали в волжскую глубинку. Вовремя: тысячи не уехавших истребили поголовно.

Воевал дед отчаянно. Дважды был тяжело ранен. Отлеживался в госпиталях, и снова на фронт. В промежутках, правда, успевал своих навестить. После таких наездов, с интервалом в полтора года, родились моя мама и тётя.

В сорок пятом, после Победы, Каганы,

как им и мечталось, вернулись домой. Здесь встретили агрессивно, прежних соседей, друзей не осталось, в отчем доме жили чужие. Добрые люди посоветовали снять ордена - «отомстят...»

Но жизнь надо было налаживать! Собрав инвалидов окрест, Ефим организовал артель. Из подсобных дерева и металлолома делали двери, замки, прочую скобяную работу, ковали нехитрую утварь. Все это при тотальном дефиците пользовалось повышенным спросом.

Все бы ничего, но Ефима, воспитанного в иных традициях, удивляло повальное «социалистическое» воровство! Только не углядел, – уж стянули что-то. У себя, у своих же товарищей! Директор сначала увещевал, потом гнал, дошло до милиции - ничего не помогало. А еще - беспробудное пьянство. Ладно, украл. Продай, купи хлеба, в семью отнеси - дети голодают. Нет, тут же пропьют. И так - повсеместно.

Понял Ефим - хорошего от Советов с их уравниловкой ждать нечего. Часть большого кагановского семейства, что снялось задолго до войны, к тому времени уже плотно в Америке обосновалось. И всё звало, звало... Но как?! Едва переписка зиждилась, а уж об отъезде - только мечтать...

И тут в умной голове родился «план». Несмотря ни на что, артель к тому времени уже крепко стояла. На станцию в её адрес вот-вот должны были поступить три вагона с лесом. Дед их загодя продал, а на выручку решил ... сбежать. Бабушка рассказывала, что асигнациями тогда заполнили два чемодана, и Ефим, чтоб следы замести, рванул с ними аж в Одессу, где, как ему казалось, «план» реализовать будет проще. Семью обещал забрать, как только сможет. Потом их долго таскали, но в конце концов отстали.

... За изрядную мзду портовое жулье свело деда с капитаном турецкого судна. Услышав сумму, тот под видом члена команды взялся втащить деда на борт и доставить в Стамбул. Один битком набитый кофр к османцу перешёл сразу, второй хватило ума выторговать на завтра. Как договаривались, в четыре утра Фима был в назначенном месте. Но увидел лишь пароходный дымок на рейде...

Куда ж теперь?! Домой нельзя, посадят. Штаты «накрылись». Погоревав, подался в «конец географии» - в Среднюю Азию. Так оказался во Фрунзе. В поезде, а ехали почти две недели, познакомился с разбитной проводницей. У неё и остановился.

На фронте у деда был друг-побратим, родом из Киргизии. Перед последней атакой обменялись они письмами - мол, кто выживет, пусть семью навестит. Жить суждено было Фиме...

Договор он выполнил. Добрался до шахтерской Кызыл-Кии, повидал, письмо отдал. Рассказал, как раненого вынес, как он у него на руках скончался, как хоронили. Приняли как родного, долго не отпускали. Узнав о проблемах с бумагами, предложили метрики сына. Потом по знакомству по ним паспорт оформил.

...И стал Ефим Каган Гургенем Агайджановым. Женился на той самой проводнице, устроился на фрунзенский молокозавод. Об образованности своей хоть и не распространялся, но умного, грамотного работника вскоре заметили. На инженерскую должность поставили, на Доске Почета обосновали.

Прошло пять лет. И вдруг знакомец из прокурорских предупредил - депеша из Риги прибыла. Велено проверить, не скрывается ли здесь под чужой фамилией некто Каган, расхититель особо крупный. Дед ждать не стал, наскоро попрощался и - подальше от солнечной Киргизии...

Приехал во Псков - незадолго оттуда во Фрунзе спецы приезжали, опытом делились.

По знакомству взяли деда на местный молоко-завод экспедитором. Молоко возили ... в Латвию, благо до границы рукой подать. Ходил дед, издали домом своим любовался, детьми повзрослевшими. Раз даже жену увидел, но подойти не решился. Однажды на вокзале встретил тетку родную: «Фимка, ты?! Живой!» «Я - Гурген, вы ошиблись». «Какой еще Герген, ты ж на идише разговариваешь...» Пришлось ретироваться и больше в те места не соваться. А престарелую тетку в нашей семье с тех пор за глаза все больной на голову считали...

... Когда во Фрунзе все подзабылось, Ефим вернулся - наученный горьким опытом, связь со второй женой не терял. Работал теперь уже больше по командировкам, не выпячивался. Дочь родил, на пенсию вышел. Но вскоре болеть начал. И в 1971-м скончался от сердечного приступа. Через несколько лет весть эта путями окольными до нас в Латвию добралась. Мать поплакала, «больную», к тому времени уж покойную тетку, добром вспомнила. Все собиралась на могилку съездить – не вышло...

Пути господни неисповедимы. Не думал, не гадал, меня бизнес в Бишкек, бывший Фрунзе, занес. Здесь судьбу, любовь и счастье свое нашел. Ну и следы дедовы отыскал.

Дом, где он в последние годы жил, снесли буквально за несколько дней. Жена умерла, дочь, Агаджанова Ирина, еще до развала Союза в «неизвестном направлении» - так в справке адресной - выбыла...

Могилку ж деда я на Ала-Арчинском кладбище отыскал. Знакомые сказали, что в те годы на нём хоронили. Представляешь, в первой же книге, а их там сотни, нашли! Иду к могилке - он, не он?! И надо ж, все вокруг порушилось, а фрагмент маленького памятника с фотографией сохранился. Я скопировал, своим отослал. Те подтвердили: он! Теперь часто хожу. И большое надгробие заказал. А на нём - «Ефим Каган, участник Великой Отечественной. 1918 - 1971». Пусть лежит под своей фамилией. Теперь уж можно...

Самсон

Самсон был старшим из десяти детей. Отец, фронтовик-инвалид и принципиальный партизнец, несмотря на высокий пост, семью держал в строгости. «Род наш - на виду, и жить надо, чтоб другие равнялись», - внушал детям.

В юности Самсон пошел было вразнос, но стержень отцовский не дал преступить грань

- в криминал так и не вступил. Умел и любил подражаться, за что сменил три ВУЗа. После последнего отец перестал разговаривать, даже за стол с ним не садился. Отслужив в армии, пришел Самсон в милицию...

Через несколько лет, опер со стажем, вступил в коммунисты. Похвалился отцу. «Это - ошибка партии», - сказал старик, отшвырнув партбилет. И лишь когда молва о Самсонесыщике разнеслась далеко - простил. Многословностью не отличался: «Думал, ты - позор наш. Выходит, ошибался ...»

В афганскую эпопею Самсон, тогда уж начальник угро, пошел добровольцем. Служил в Кандагаре - самой горячей точке. За храбрость добыл «Красную Звезду», три афганских медали. Об Афгане рассказывал неохотно. Но иногда, перебрал норму в 100 фронтовых граммов, вспоминал ...

«В городке этом вперемешку служили царандоевцы (афганский правопорядок), наши эмвэдэшники и парни из КГБ. Последним разрешалось жен привозить, те работали в медицине, библиотеке, на кухне. Как-то ушли мы на операцию. Вдруг - штурм, да какой! Элитная банда из-за кордона...

Заслышав стрельбу, развернулись назад. Рас-

стояние - всего семь км. Но БТРы сперва обстреляли, а потом еще и мины расставили - не пробиться. Пока прибыли, скоротечный жестокий бой закончился. По городку бродили глухие ослепшие женщины. Контуженные, как лунатики... Были, что и рыдали, бились в истерике. Тут и там разбросаны автоматы. Горячие, в руки не даются, на некоторых в местах соприкосновения с металлом аж дерево обуглилось...

... В строй поставили всех, иначе прорвались бы духи. Редкие мужики легли к пулеметам, а женам, тем самым поварихам, официанткам и медсестрам, достались «Калашниковы». И, лежа на крыше, они отстреливались больше часа! Кто строчил не переставая, кто рожки набивал. Были убитые, ранило многих, долго по госпиталям отлеживались. Некоторые, «снимая стресс», спились. Но большинство опять к мужьям вернулись...»

«Раз БТРы чесали «зеленку». Сидел на броне, как на дороге - дух в длинной шинели. И - гранатомет из-под полы, «муху»... Целый рожок я в него всадил, ребята еле руки, что автомат спазмировали, разжали. Бывает, по ночам его вижу. Не говорит ничего, приходит и смотрит. Но жалости нет - война, я просто проворнее оказался».

«Как-то отправили в далекий гарнизон, где среди царандоевцев дезертирства участились. Со мной - майор-славянин, боевой командир. Прибыли, устроились. Что ни ночь - налет из-за границы, да с минометами. Психика не выдерживает, вот и бегут бойцы. Радируем в штаб, оттуда - одно: держитесь, не до вас, по всему фронту проблемы...

Решили, что безопаснее из командирского домика убраться, соорудили блиндаж с круговой обороной, запаслись провиантом, боеприпасами. Напарник мой нервничает, переживает: «Забыли нас, убьют здесь...» А я, хоть от страха порой в туалет лишний раз не высунешься, подзуживаю: «Я-то мусульманин, а вот тебя, коль поймают, пытать будут зверски!»

«А как?» Ну я возьми и расскажи, как в действительности бывает: «Как, как, колесом. Вытаскивают из велосипедного обода спицы, протыкают все тело. Умираешь долго, в муках, кровотока изнутри...» Сказал - и пожалел. Напарник слово с меня взял, что в случае чего, я сам его пристрелю. И каждый день «Макаров» мой табельный проверял - есть ли патроны...

Так, отбиваясь, держались три месяца. Кто-то вспомнил в верхах, «вертушками» нас

сняли. Майор этот вскоре подполковника получил, в гости ко мне уже в Кыргызстан приехал, до сих пор дружим»

«Весь Афганистан знал «Черную площадь» - квадрат местности, что никак не миновать было неповоротливым армейским бензовозам. Простреливаемый, там вечно дымился какой-нибудь бедолага. А земля на километры вокруг чернела перемешанным с кровью бензином и гарью. Били с гор, из базуки. Тактика известна: подбить первую и последнюю машины, а дальше уже методично добивать конвой...

Однажды главенствующую сопку занял армейский спецназ. Обстрелянные «деды», большинство, уж и не знаю почему, - армяне. Те проблему решили быстро: как только начинался обстрел, разворачивали крупнокалиберные пулеметы и ну утюжить ближайшие пуштунские селения. Саманные дома раскалывались, как спелая дыня, когда уронишь ее. И налеты прекратились».

«Получив отпуск, добрался до Кабула, домой лететь. Тут наступление началось, кругом движение, хаос, неразбериха. Борта нет, решил земляков, что в столицах служили, проведать. Оказалось, все на передовой, а один, что теперь

- большой милицейский чин, лежит и умирает. Гепатит, обезвоживание, до бачка с водой добраться не может, а никому до страждущего и дела нет, он уж и без сознания...

Пошел, пошумел, заплатил, раздобыл-таки врача и медсестру. Откапали земляка, потом три дня я его бульоном из ложечки отпаивал, пот обтирал, спал рядом. Придя в себя, тот благодарить начал, мол, жизнью тебе обязан, никогда не забуду... Не приученный к нежностям, чтобы отстал, ответил: «Заткнись. Сто лет ты мне нужен, долгожданный отпуск на тебя изводить. Я все ждал, когда ты в бреду проговоришься, куда чеки заныкал...» Платили-то нам чеками, все мечтал вернуть-ся и машину на них купить. Черную «Волгу», как в обкоме. Купил-таки, но - строго на свои, кровные...»

P.S. *Генерал-майор Суваналиев Самсалы Исакович (Самсон) не так давно вышел в отставку, полон сил и энергии, живет в Бишкеке.*

Содержание

Простреленная кокарда

Деревенский детектив.....	4
Камо	6
ДНК	8
Простреленная кокарда	11
Криминальный афрокыргызстанец.....	13
Кровники.....	15
Вендетта	17
Банда	19
Мазурик из поднебесья	21
Бунт	23
Сестринская честь.....	27
Стервятник	29
Сыскная миниатюра	32
«Тропиловый эквивалент»	32
Трюкач	34
Некрофил	37
Греческий заложник.....	41

Баскин Робинс с Женевского озера

АГРЕССОР	49
Астма	54
«Баскин Роббинс» с Женевского озера	56
Бессарабская бабушка.....	58

Голодный обморок.....	63
Жалоба	65
«ЗОЗО»	67
Золотоискатели	70
Украинская жена	73
для иорданского легионера	73
«Игрушки против оружия»	75
Косовская зарисовка	79
После первой не закусываю!.....	81
«Маклис-Паклис»	86
Находчивый участковый	87
«Пана видно по халяве...»	90
Париж!	93
Пулемётчик.....	95
Разнос.....	98
Конфискация	100
«Лох-Несс»	102
Судьбу определил ... «Макаров».....	105
«Шоу тайм»!.....	108
Шторм	112
Калмык	114
Трехсерийный зоодетектив	116
Экстрасенсы.....	125

Мы из Вышки

Альма-Матер.....	134
Керя	135
Кадыр	139

1 : 0.....	143
Пост N 2	145
Высшая мера.....	148
Литерный рейс	151
Гриня.....	154
Псориаз	160
Оборотень.....	163
Ниндзя	165

Наши знакомые

Сарди Лоянов: «Батяня комбат»	180
Диверсант из Мургаба	187
Укол зонтиком	197
Хирург.....	202
Салимбаевы.....	207
Рижанин	211
Самсон	216

Подписано в печать ....02.2010 г.

Формат 60x84 1/32 . Объем 7 физ. п. л.

Заказ № ..... Тираж ..... экз.

ОсОО Издательский дом «Салам»

Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Гоголя, 120

Тел.: (+996 312) 68-54-21, тел./факс: (+996 312) 68-54-23

E-mail: id_salam@mail.ru